

АКАДЕМИЯ
НАУК
СССР

А.Д.НОВИЧЕВ

ЭКОНОМИКА ТУРЦИИ

**В ПЕРИОД
МИРОВОЙ
ВОЙНЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ · VI

А. Д. НОВИЧЕВ

ЭКОНОМИКА ТУРЦИИ

В ПЕРИОД

МИРОВОЙ ВОЙНЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

ЛЕНИНГРАД · 1935 · МОСКВА

Напечатано по распоряжению Академии Наук СССР
Январь 1935 г.

Непременный секретарь академик *В. Волин*

Редактор издания акад. А. Н. Самойлович

Технический редактор К. А. Гранстрем.—Ученый корректор Ф. Ф. Плотников

Сдано в набор 22 сентября 1934 г. — Подписано к печати 14 января 1935 г.

143 стр.

Формат бум. 62×94 см. — 9 печ. л. — 35778 тип. зн. — Тираж 4175

Ленгорлит № 35445. — АНИ № 522. — Заказ № 465

Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия, 12

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	5
Введение	7
Сельское хозяйство и положение классов в деревне	16
Промышленность и торговля и положение классов в городе во время войны	34
Отмена капитуляций	—
Положение промышленности и промышленной буржуазии	44
Состояние транспорта во время войны	68
Положение торговли и торговой буржуазии	75
Положение рабочего класса и трудящихся города во время войны	91
Финансы Турции в период мировой войны	110
Бюджет	—
Денежное обращение	113
Займы и финансовое закабаление Турции Германией	120
Турция и ее «союзнники» во время мировой войны	124
Борьба между Германией и Австро-Венгрией за экономические позиции в Турции	132
Борьба турок с немецким засильем	135
Заключение	138
Перечень литературы	140

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своем политотчете XVI съезду ВКП(б) т. Сталин, характеризуя всеобщий кризис капитализма, указал на 4 основных момента, составляющих существо этого кризиса, из которых два относятся к колониям и зависимым странам, а именно:

«... Империалистическая война и победа социализма в СССР расшатали устои империализма в колониальных и зависимых странах... авторитет империализма в этих странах уже подорван... он не в силах больше по-старому хозяйничать в этих странах».

«... За время войны и после нее в колониальных и зависимых странах появился и вырос свой собственный молодой капитализм, который с успехом конкурирует на рынках со старыми капиталистическими странами, обостряя и усложняя борьбу за рынки сбыта».¹

Эти положения т. Сталина имеют прямое отношение к Турции и на примере этой страны находят себе одно из конкретных доказательств. Во время войны в экономике Турции произошли серьезные изменения, знание которых необходимо для того, чтобы правильно понять расстановку классовых сил в национально-освободительном движении 1918—1922 гг.

Анализируя экономику Турции в период мировой войны, мы должны были уделить некоторое место рассмотрению довоенного ее состояния в пределах, необходимых для понимания изменений, происшедших во время войны. Особое внимание мы должны были уделить и рассмотрению деятельности турецких «союзников», в особенности Германии во время войны, превратившей Турцию в этот период почти в полную свою колонию. Эту дея-

¹ И. Сталин. Вопросы ленинизма, Соцгиз, 1931 г., стр. 494. Подчеркнуто т. Сталиным.

тельность отнюдь не бесполезно вспомнить сейчас не только в связи с двадцатой годовщиной империалистической войны, но и в связи со все возрастающей угрозой новой мировой войны.

Наша работа страдает известной неполнотой, но не по нашей вине. Для того, чтобы работа была исчерпывающей, необходимо привлечь не только турецкую, европейскую и русскую литературу и советские архивы, что нами в основном сделано, но архивы германские и турецкие.

Все же пробелы касаются больше деталей.

Если сделанная нами работа поможет читателю уяснить те вопросы, которые мы отметили в данном предисловии, мы сможем считать себя удовлетворенным.

Ленинград.
Май 1934 г.

А. Новичев

ВВЕДЕНИЕ

Довоенная Турция представляла собой типичный образец полуколониальной страны, в которой иностранный капитал господствовал и экономически и политически и которая продолжала видимость самостоятельного политического существования лишь вследствие того, что империалистические государства не могли договориться между собой о ее разделе, хотя проектов раздела Турции было несколько десятков.

Могущественная когда-то страна, распространявшая свои владения на три материка, Турция, начавшая дряхлеть особенно с XVIII в. вследствие отсталости своего экономического развития сравнительно с вступившими на путь широкого промышленного развития странами Европы, приходит во все больший упадок. С начала XIX в. начинается процесс особо сильного ее закабаления иностранным капиталом, и к началу эпохи империализма все уже было подготовлено для ее превращения в полуколонию. Занимая исключительно важное стратегическое положение как центр скрещения трех материков — Азии, Европы и Африки, имея на своей территории важнейшие торговые пути из Европы в главные страны Азии, включая Индию, и проливы — путь в Черное море и обратно, — Турция сделалась ареной ожесточенной борьбы капиталистических стран между собой за стратегические и торговые пути, а с наступлением эпохи империализма она стала важнейшей ареной борьбы империалистических государств между собой за мировое господство и передел колоний. Как бы ни менялись группировки капиталистических государств в эпоху империализма и до нее, Турция играла лишь роль хлопча в известной украинской пословице: «паны дерутся, а у хлопцев чубы трещат». Закабаление Турции иностранным капиталом, совместно с другим фактором, действовавшим и ранее, — господством феодального режима, — определило дальнейшее развитие Турции.

Оба эти фактора тесно переплелись между собой и составили звенья единой цепи, которой было сковано ее экономическое и политическое развитие. Один фактор без другого не мог существовать. Феодалный режим не мог бы продолжать свое существование без поддержки империалистических государств. Эта поддержка выразилась прежде всего в том, что иностранные капиталисты сами стали применять в Турции феодальные методы эксплуатации трудящегося населения, используя для этой цели существовавшие в стране формы. За предоставленные Турции займы они получили право взимания с турецкого крестьянства ряда налогов натурой. В качестве гарантии с построенных ими железных дорог (так наз. километрические гарантии) они получили право взимания с крестьян многих районов известного в Турции феодального натурального налога «ашар» (десятина), собиравшегося с продукции земли, главным образом с злаков. Стремясь заготовить сырье по наиболее низким ценам, империалисты использовали для этой цели ростовщические формы эксплуатации крестьянства Турции как непосредственно, так и при помощи разветвленной сети агентов, состоявших из ростовщиков, торговцев и т. п.

Грабя турецкого крестьянина, лишенного земли и обрабатывавшего землю крупного собственника в порядке издольщины, укрепляя ростовщичество, иностранные капиталисты препятствовали тем самым его освобождению от этого феодального пережитка.

Сама система издольщины, при которой стоимость крестьянского труда чрезвычайно низка, давала им возможность закупать сырье по дешевым ценам.

Препятствуя развитию турецкой промышленности в целях сохранения турецкого рынка для сбыта своих товаров, иностранные капиталисты тем самым препятствовали развитию тех классовых сил, которые неминуемо должны были бы свергнуть господство феодального режима.

Перечисленными выше, а также и другими мероприятиями иностранный капитал содействовал консервации в турецком народном хозяйстве феодальных пережитков и сохранению существования феодального режима.

Но, с другой стороны, империалисты могли так действовать в Турции только потому, что им помогал в этом феодальный государственный аппарат. Последний был исполнителем воли империалистов. Без его помощи иностранные капиталисты не могли бы

выкачивать из турецких крестьян феодальные налоги и пользоваться колоссальными льготами и привилегиями. Царивший в стране произвол феодального режима препятствовал привлечению местных капиталов в промышленность и торговлю. Тем самым значительно усиливались преимущества иностранных капиталистов перед местной буржуазией, которые и без того были достаточно сильны благодаря системе капитуляций (т. е. системе многих льгот и привилегий), которыми пользовались иностранцы в Турции. Феодальный режим и империалистическое засилье в Турции, поддерживая друг друга, обуславливая каждое своим существованием существование другого, представляли собой могучее препятствие на пути экономического и политического развития Турции, причем главным препятствием являлся иностранный капитал.

Вследствие указанных обстоятельств довоенная Турция представляла собой в экономическом отношении отсталую аграрную страну, в которой командные экономические позиции были заняты иностранным капиталом.

Основная отрасль ее народного хозяйства — сельское хозяйство, в котором было занято огромное большинство турецкого населения (не менее 80%), являло собой картину невероятной отсталости. В турецкой деревне господствовала издольщина. Крупным и средним земельным собственникам принадлежало 65% обрабатываемой земли, а 95% дворов, состоявших из крестьян, принадлежало лишь 35% этой земли. Капиталистическое развитие в сельском хозяйстве было минимальным — некоторое свое развитие оно получило лишь в прибрежной западной и южной Анатолии. В восточной Анатолии господствовали еще феодальные отношения, переплетавшиеся с родово-племенными. По указанным причинам турецкое сельское хозяйство было слабо товарным. Товарными были лишь те культуры, которые, как табак, хлопок, опиум, изюм, инжир и др., экспортировались на иностранные рынки. Специализация турецкого сельского хозяйства имела место главным образом под влиянием требований иностранных рынков, и вместе с процессом ее роста шел процесс превращения Турции в аграрно-сырьевой придаток империалистических государств.

Промышленность в стране была развита крайне слабо. Наиболее существенные отрасли турецкой промышленности — некоторые отрасли добывающей промышленности и те отрасли обра-

батывающей промышленности, которые обслуживали экспорт, муниципальные предприятия, — находились в руках иностранного капитала. В руках последнего были и все прочие экономические командные высоты страны — транспорт, внешняя торговля, банки. Страна была закабалена на многие десятилетия вперед займами. Внутри страны иностранцы составляли государство в государстве, притом гораздо более могущественное, чем сама Турция. Огражденные режимом капитуляций и силой империалистических государств в целом, иностранцы имели такие привилегии в Турции, о которых сами турки не смели и мечтать.

Помимо того, что государственный аппарат был поставлен на службу иностранному капиталу в качестве аппарата, высасывающего прибавочную стоимость из трудящихся и перекачивающего ее в карманы империалистов, помимо того, что последние для этой же цели имели обширную местную агентуру, они для осуществления этих же задач создали себе свой собственный аппарат (*Administration de la Dette Publique Ottoman* и его дочернее предприятие — табачная монополия «*Régie*», правления железных дорог и др.).

Экономические позиции иностранного капитала в Турции были более всего сильны в области финансовой. Начиная с 1854 г. Турция стала систематически заключать займы у иностранных государств. К 1875 г. сумма долга достигла 5.3 млрд. золотых франков. Насколько ростовщический характер носили эти займы, показывает тот факт, что из этой суммы Турция получила лишь 3 млрд. с небольшим. Лишенная возможности уплаты по займам, Турция объявила банкротство. Иностранные капиталисты, вынужденные этим фактом пойти на сокращение суммы долга до 2461 млрд. франков (кругло), ухитрившись при этом обчитать Турцию по расчетам Парвуса на 16 % (так как, если принять во внимание фактически полученную и выплаченную в счет долга сумму, то остаток составит лишь кругло 2124.7 млн. франков), воспользовались этим случаем, чтобы навязать Турции финансовый контроль, организовав для этой цели мощный финансовый аппарат в лице упомянутой Администрации оттоманского публичного долга (в 1881 г.). В сочетании с другим мощным оружием иностранного капитала в Турции в лице Оттоманского банка, который выполнял казначейские и эмиссионные функции, иностранный капитал владел аппаратом, державшим в своих руках всю финансовую жизнь страны. Накануне войны долг Турции равнялся

колоссальной сумме — 750.8 млн. долларов. Главными кредиторами Турции были Франция, Германия, Англия.

Другой важнейшей экономической позицией иностранного капитала в Турции был транспорт. В пределах нынешней Турции все железные дороги принадлежали капиталистам Германии, Франции и Англии. Следующей важной сферой деятельности иностранного капитала в Турции была внешняя торговля. Весь внешний торговый аппарат был в руках иностранцев, включая и кредитный. При помощи огромной сети агентуры иностранный капитал держал в своих руках ряд отраслей турецкого сельского хозяйства, обслуживающих экспорт. Внешнеторговый баланс был хронически пассивен. Главную роль во внешней торговле Турции играла Англия. За ней шли Франция, Германия и другие страны.

Иностранные капиталисты пользовались каждым поводом, чтобы усилить свои экономические и политические позиции в Турции. Какую-нибудь экономическую или политическую уступку, свое согласие на то или иное мероприятие правительства империалисты старались использовать, чтобы получить компенсацию либо в экономической области, либо в политической или в обеих вместе. Предоставляя какому-нибудь государству под его нажимом концессию, Турция вынуждена была компенсировать другие государства: Италия, например, обуславливала возврат Турции захваченных у нее островов компенсациями экономического порядка в Адалии (юго-западная часть Турции), а именно предоставлением ей там железнодорожной концессии; английское правительство обуславливало свое согласие на увеличение таможенных пошлин с 11 до 15% стоимости импортируемых товаров согласием Турции на пересмотр железнодорожных тарифов; Россия обуславливала свою санкцию этого же мероприятия согласием Турции на введение российского представителя в состав Совета оттоманского долга и т. д.

При этом основные переговоры по поводу того или иного мероприятия происходили не между данным государством и Турцией, а между ним и другим империалистическим государством. Каждое из этих государств прекрасно понимало, что сама Турция при решении того или иного касающегося ее же вопроса играет незначительную роль.

Например, по вопросу о введении представителя России в Совет оттоманского долга основные торги и переторжки

шли между Германией и Россией. Сазонов прямо писал по этому вопросу поверенному в делах в Константинополе Гулькевичу: «Ключ от разрешения вопроса находится в Берлине».¹

Зажав в свой мощный кулак всю экономику страны, иностранные капиталисты тем самым препятствовали и росту промышленной буржуазии, связанной с внутренним рынком торговой буржуазии и пролетариата. Вследствие этого эти классы представляли собой очень тонкую прослойку турецкого населения. Более сильно была развита торговая буржуазия, в результате того, что коммерческие операции иностранных фирм требовали большого количества посредников между ними и турецким крестьянством, а также и городским населением как для заготовки сырья, так и для продажи импортных товаров. Наряду с этим сохранили свое существование и торговцы, связанные с скупкой и продажей продуктов местной промышленности.

В крупных портовых центрах вырос довольно большой слой компрадорской буржуазии, связанной с иностранным капиталом, зависевшей от него и являвшейся проводником его интересов.

Классовые противоречия в Турции были в чрезвычайно сильной степени осложнены национальным вопросом. Дело в том, что основные кадры откупщиков налогов, компрадорской торговой буржуазии, прибрежной промышленной буржуазии, финансовых дельцов, комиссионеров и т. д. и т. п. состояли из армян, греков и евреев. Турецкая торговая буржуазия и мелкие промышленники были более всего представлены во внутренней Анатолии, но экономически они были значительно слабее инонациональной буржуазии. Последняя, пытаясь избавиться от царившего в стране произвола, стремилась стать под защиту какого-нибудь империалистического государства, чтобы под его охраной иметь возможность шире развивать свои операции. С другой стороны, капиталистические государства, стремясь обеспечить себе как можно больше возможностей для вмешательства в своих интересах во внутренние дела Турции, брали в этих целях под свою защиту ту или иную народность или часть ее. Армяне составляли наиболее частый объект «забот» империалистов. Россия, тюрьма народов, проявляла «заботу» о славянских народах, живших в Европейской Турции, и об армянах-православных, Франция —

¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств, сер. III, т. I, стр. 266.

об армянах-католиках и т. д. Феодалный режим, в целях затушевания классовых противоречий, всяческими способами старался усилить национальную рознь между турками и другими национальностями, особенно армянами, не останавливаясь и перед организацией армянских погромов.

Национальная рознь ослабляла силы, направленные на борьбу с феодальным режимом. Последний был настолько слаб, что неминуемо пал бы даже под мало мощными ударами оппозиционных сил, если бы его не поддерживали империалистические государства. Первый удар феодальный режим получил еще в 1876 г., когда он вынужден был провозгласить конституцию, правда, достаточно кудую, и согласиться на созыв парламента. Однако, вскоре феодалы оправились от удара, парламента был разогнан, а конституция осталась существовать лишь на бумаге. Второй, более сильный удар феодальный режим получил уже в революцию 1908 г. Удар был более сильным потому, что, во-первых, под влиянием русской революции 1905 г. пришли в движение более широкие турецкие народные массы, в частности крестьянские, и, во-вторых, потому, что за тридцать лет, прошедших со дня разгона первого турецкого парламента, турецкая буржуазия успела несколько подрасти, поднакопить силы и найти известные пути к массе (в особенности через офицерство к турецким крестьянам, одетым в солдатскую форму). Это и позволило партии турецкой компрадорской буржуазии и либеральных помещиков — младотуркам — нанести серьезный удар феодальному режиму. Однако, этот удар не был достаточно сильным, ни тем более смертельным. Турецкая буржуазия была слишком слаба для того, чтобы уничтожить господство феодализма в Турции, потому что, во-первых, для этого необходимо было уничтожить империалистическое засилье в Турции, для чего у нее не было сил, а, во-вторых, необходимо было развязать аграрную революцию крестьянства против крупных земельных собственников, на что, конечно, никакого желания у младотурок не было. Турецкая торговая, большей частью компрадорская, буржуазия вовсе и не стремилась покончить с феодальным режимом, и по существу Турция очень мало изменила свою физиономию после революции 1908 г. Что касается отношения к империалистам, то, не будучи в состоянии уничтожить их засилье в Турции и приобрести самостоятельность своей внешней и внутренней политики, младотурки должны были плыть в фарватере того или иного империалистического государства, притом того,

политика которого больше совпадала с их классовыми интересами, чем политика других империалистических государств. Таким государством была Германия, турецкая политика которой хоть и не принципиально, но все же резко отличалась от политики других государств.

Если Россия, стремившаяся захватить проливы и Константинополь, а также восточную Анатолию, издавна стояла за раздел Турции, если Англия, всегда возражавшая в противовес России против раздела Турции, став перед необходимостью борьбы с Германией за сохранение своего мирового господства и своих колоний, также склонилась к точке зрения России в целях привлечения ее в качестве своего союзника, если Франция, исходя из своих интересов, требовавших борьбы с Германией, также стала разделять точку зрения России о разделе, то Германия в силу своих интересов стояла за сохранение целостности Турции. Эти интересы заключались в том, чтобы сделать Турцию плацдармом борьбы с Англией за передел ее колоний, во-первых, и своей сырьевой и продовольственной базой, во-вторых (надо при этом иметь в виду, что речь идет о довоенной Турции, включавшей в состав своей территории такую богатую страну, как Месопотамия). Далее, стремясь использовать Турцию в качестве своего союзника в борьбе с Англией и Россией, Германия была сторонницей даже некоторого усиления Турции, в то время как все перечисленные государства стремились к ее ослаблению.

Наконец, если Россия, Англия и Франция пользовались отдельными национальностями, в особенности армянами, в качестве своей агентуры и их угнетенным положением как поводом для вмешательства во внутренние турецкие дела, то Германия, в целях ослабления позиций своих врагов, боролась против этого, поддерживала турок, инспирируя даже армянские погромы, стараясь использовать не только всю турецкую нацию в целом, изображая себя другом турок и турецких народностей, но и всех мусульман, в том числе и мусульман, населявших русские и англо-французские колонии. Это своеобразие германской турецкой политики, хотя, как видим, конечные цели Германии по существу заключались в том, чтобы превратить Турцию в свою колонию целиком, вместе с огромным усилением экономических позиций Германии в Турции имели своим результатом ориентацию последней на Германию. Германская ориентация была выбрана не без борьбы среди турецкой буржуазии, отдельные прослойки которой в своих интересах

требовали ориентации на страны Антанты, в особенности на Францию. Но их стремления шли вразрез с общими интересами турецкой буржуазии в целом.

Эта ориентация привела к тому, что с ноября 1914 г. Турция стала участвовать в мировой войне в качестве союзника центральных держав. Господствующие классы не смогли и не хотели предохранить турецкий народ от участия в этой войне. Германия всячески толкала и провоцировала Турцию на это. Некоторые апологеты немецкого империализма стараются изобразить дело таким образом, что участие Турции в войне было «борьбой против опасности ее уничтожения». Так, например, К. Helfferich писал:

«Когда разразилась война, ни один государственный деятель Стамбула не мог сомневаться, что в случае победы Антанты Россия захватит Константинополь и что никто ей не помешает в этом. Слишком часто и слишком ясно в последние годы Россией заявлялось, что путь к Константинополю лежит через Берлин и Вену. Война, следовательно, с самого начала, независимо от участия или неучастия в ней Турции, была войною за существование Турецкой империи.

Турция должна была выбирать между выступлением на стороне центральных держав, которое присоединило бы ее силы к борьбе против опасности ее уничтожения, и безвольным, пассивным ожиданием решения своей участи».¹

Автор «забыл» указать, что в случае победы Германии Турция все равно превратилась бы в немецкую колонию.

Правящие турецкие круги сами стремились к участию в войне, имея в виду ликвидировать во время войны экономические позиции инновациональной буржуазии, нажиться на поставках и т. д.

Наконец, страны Антанты, особенно Россия, поставившие перед собой задачу раздела Турции и ее уничтожения как государства, не приняли всех мер, которые были в их власти, чтобы удержать Турцию от участия в войне на стороне их противников.

Виновниками участия Турции в мировой войне и ее колоссальных жертв человеческими жизнями и материальными средствами являются, следовательно, и империалисты центральных держав,

¹ К. Helfferich. Der Weltkrieg, Bd. II, § 53. Цитируем по сборнику «Раздел Азиатской Турции», стр. 54. Изд. Литиздата НКВД, М., 1924.

в особенности Германии, и стран Антанты, и господствовавшие слои Турции.

Мировая война принесла разорение широким трудовым массам турецкого населения и большие прибыли буржуазии. Вместе с тем, во время нее в экономике Турции произошли серьезные изменения, которые имели большое значение для послевоенной турецкой истории и для происшедшей после войны революции. Переходя к анализу изменений, происшедших во время войны в отдельных отраслях народного хозяйства Турции, мы начнем с рассмотрения таковых в основной ее отрасли — сельском хозяйстве.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПОЛОЖЕНИЕ КЛАССОВ В ДЁРЕВНЕ

Уже начиная с самого дня объявления мобилизации, сельскому хозяйству и широким массам крестьянства был нанесен тяжелый удар.

Приказ о мобилизации был издан 2 августа 1914 г. В течение трех дней предлагалось явиться в мобилизационные отделы всем без исключения мужчинам от 20 до 45 лет, имея на руках продукты на три дня. Свыше одного миллиона человек ринулось в мобилизационные центры. Однако, такое большое количество людей не могло быть охвачено турецким мобилизационным аппаратом даже в течение месяцев. В результате огромная масса лучшей части работоспособных крестьян была в самую горячую пору оторвана от сельского хозяйства, сидела в городах, голодала, болела и нищенствовала, так как собственные продукты мобилизованных иссякли, а военного пайка им еще не давали, поскольку они еще не были солдатами. Вследствие этого многие крестьяне дезертировали, а так как за это карали смертной казнью, то они вынуждены были скрываться, отрываясь тем самым надолго от сельского хозяйства. Призванные в армию крестьяне таким образом отрывались от сельского хозяйства на весь период войны.

Удар, полученный сельским хозяйством в начале вступления Турции в войну, не ограничивался только этим.

Кроме самих крестьян был мобилизован транспортный и рабочий скот. Реквизиция скота у крестьян была страшным бичом для сельского хозяйства. С развертыванием военных действий реквизиции скота все учащались. Кроме того, оставшийся скот пере-

грузался работой, ослабевал и делался более подверженным всяческим эпидемиям.

Ветеринарная помощь была ничтожной — всего 250 ветврачей было на всю Турцию. В результате всего этого резко возрос падеж скота.

Как сильно сократилось количество скота в Турции к концу войны в результате приведенных выше причин, показывает следующая таблица, заимствуемая нами у Mears'a¹ (процент сокращения вычислен нами):

Таблица 1

Р о д с к о т а	Б ы л о г о л о в		% сокращения
	в 1913 г.	в 1919 г.	
Буйволы	300 000	378 000	86.5
Волы	2 397 348		
Быки	175 085		
Коровы	2 501 000		
Телята	1 158 494	3 740 000	2.4
Лошади	846 180		
Пони	204 400		
Мулы	144 600		
Ослы	1 373 700	85 000	41.5
Овцы	13 347 750	825 000	40.0
Ягнята	5 373 800		
Козы	14 424 180	11 200 000	40.0
Ангорские козы	2 039 000		
Верблюды	314 000	2 065 000	87.4
Прочие	30 000	95 000	68.0
		18 000	40.0

Мы видим по данным таблицы, как сильно сократилось количество рабочего и транспортного скота. Особенно огромный урон понес тот вид скота, который всего больше применяется в сельском хозяйстве Турции — волы. Этот скот был почти на $\frac{9}{10}$ уничтожен.

В целом, именно транспортный и рабочий скот, который больше всего подвергался реквизициям, потерпел самый большой урон.

¹ Mears. Modern Turkey, 1924, p. 289.

При общем сокращении всего стада — с 44 627.8 тыс. голов в 1913 г. до 19 036 тыс. в 1919 г., т. е. на 57.4%, стадо упомянутых видов скота сократилось с 5579.8 тыс. голов в 1913 г. до 2013 тыс. голов в 1919 г., т. е. на 64%.

Нужно ли распространяться о том, какое огромное бедствие для сельского хозяйства и для широких крестьянских масс означало такое неимоверное сокращение скота. К этому надо добавить, что больше всего пострадало именно трудовое крестьянство, потому что крупные собственники не только имели гораздо больше возможностей уберечь свой скот от реквизиций и мобилизаций, но младотурецкое правительство всячески им помогало в этом, стремясь, как мы это покажем ниже, не только сохранить, но и расширить хозяйства крупных земельных собственников. Тем самым последние получили гораздо больше возможностей эксплуатировать турецкое крестьянство, закабалить его, прибрать к рукам его землю и т. д. Этому способствовало также и то, что турецкое правительство снабжало крупных земельных собственников сельскохозяйственными машинами, закупленными в Германии. Часть крестьян во время войны превратилась в батраков. У широкого слоя крестьян основным рабочим скотом стала корова. Сами крестьяне вынуждены были впрягаться в соху. Функции рабочего скота выполняли и женщины, которые, вследствие ухода работоспособных мужчин в армию, стали в деревне наряду с детьми и подростками основной рабочей силой.

Этим однако далеко не ограничивались удары, которые получило сельское хозяйство Турции с возникновением войны.

В начале войны в центрах производства зерновых культур, поступавших главным образом на внутренний рынок, произошло большое падение цен, несмотря на то, что в потребительских центрах, наоборот, цены возросли. Причиной этого падения было отсутствие возможности перевозить товары к потребительским центрам, так как железнодорожный транспорт был загружен военными перевозками. Все другие виды транспорта также обслуживали главным образом военные нужды, так что не было возможности направить продукты даже на местные рынки.

Накануне войны цена пшеницы в Константинополе колебалась от 39 до 44 пара за окко, или 4.37—4.82 сента.¹ При этом кон-

¹ Пара — мелкая турецкая монета, $\frac{1}{40}$ пиастра, стоившего до войны 8.6 коп.; окко — 1.283 кг.

стантинопольская цена была из-за транспортных, складских, комиссионных, страховых и банковских расходов выше цены внутренней Анатолии примерно на 25%. В результате захвата транспорта для военных нужд стоимость окко пшеницы снизилась до $\frac{1}{2}$ сента.

Это падение цен в местах производства пшеницы само по себе уже вызвало всеобщее стремление продать пшеницу во что бы то ни стало. К этому еще добавилась нужда крестьянства в деньгах для мобилизованных в армию.

Создавшимися рыночными условиями, разорявшими широкие крестьянские массы, воспользовались крупные спекулянты, торговцы, ростовщики, которые путем подкупа получали транспорт, направляли пшеницу в город и наживали баснословные барыши.

Особенно тяжелый удар был нанесен войной экспортным сельскохозяйственным продуктам. Со времени мобилизации турецким правительством своей армии, торговые отношения с границей были почти полностью прерваны. Иностранные суда перестали заходить в турецкие порты. К этому надо добавить еще внутренние транспортные затруднения. В результате, в короткий срок произошло огромное падение цен на экспортные сельскохозяйственные продукты. Так, например, в течение нескольких дней цена опиума упала с 300 до 90 пиастров, шерсти могер — с 20 до 8 пиастров за окко.

Перечисленные моменты — отрыв лучшего трудоспособного крестьянского населения в армию, огромный падеж рабочего скота, транспортные затруднения, прекращение торговых связей с большинством иностранных государств, усиление закабаления разоренных крестьян — привели к резкому упадку сельскохозяйственного производства.

Посевная площадь под злаками сократилась, согласно данным министерства земледелия, с 64 млн. денюмов¹ в 1913—14 г. (14 марта 1913 г.—13 марта 1914 г.) до 30 млн. в 1915 г. и 25 млн. в 1916 г. Предполагалось, что в 1917 г. она благодаря принимаемым правительством мерам будет увеличена до 30 млн. денюмов.²

¹ Денюм = 919,3 кв. м.

² Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Weltw. Archiv, Bd. 11, H. 4, S. 248*. Herlt дает неправильные данные о площади под злаками в 1914 г. (60 млн. денюмов). Согласно данным переписи этого года, она равнялась 63 987 134 денюмам.

Сокращение площади могло в некоторой степени произойти за счет отпадения от Турции той или иной территории, однако значение этого фактора не могло быть хоть сколько-нибудь значительным, потому что главная часть посевной площади находилась в пределах нынешних турецких границ. Площадь под пшеницей в пределах этих границ составляла 83.2%, а под ячменем 80% всей площади под этими культурами. Обе эти культуры занимали в пределах этих границ 85.2% всей посевной площади под злаками.

Огромное сокращение претерпели экспортные культуры. Так, площадь и продукция табака и количество занимавшихся его разведением хозяйств за эти годы изменились следующим образом:¹

Т а б л и ц а 2

Г о д ы	Площадь в денюмах	% к 1913 г.	Хозяйств	% к 1913 г.
1913	590 092	100.0	156 310	100.0
1914	529 290	89.8	132 695	85.0
1915	177 528	30.2	63 419	40.6
1916	193 776	32.9	65 555	42.0
1917	214 189	36.2	68 828	44.2
1918	255 715	43.5	93 041	59.6

Т а б л и ц а 3

Г о д ы	Продукция в т	% к 1913 г.	Средн. колич. денюмов на 1 хоз.	% к 1913 г.
1913	49 048.5	100.0	51.34	100.0
1914	42 759.9	89.5	48.05	93.5
1915	12 963.3	26.5	23.61	46.0
1916	13 551.2	27.8	23.18	45.2
1917	15 517.3	31.6	23.34	45.5
1918	18 535.0	37.8	26.26	51.2

¹ İstatistik Jıllığı. 1931 – 32, cilt 5, say. 197.

Приведенные данные показывают нам, что с вступлением Турции в мировую войну ее площадь под табаком и табачная продукция сократились более чем на $\frac{2}{3}$, обнаруживая с 1916 г. известную тенденцию к росту. Несомненно, что эта тенденция стоит в связи с усилением заготовок продуктов Германией и Австрией. Сокращение происходило, как показывают данные таблицы, по двум линиям: во-первых, резко сократилось количество хозяйств, занимавшихся табаководством, во-вторых, те хозяйства, которые продолжали заниматься этим делом, не менее резко сократили размеры своих посевов. При этом, если к концу войны количество хозяйств, занимавшихся табаководством, возросло и достигло 59.6% довоенного против 40.6% в 1915 г., то средний размер посева в 1918 г. равнялся лишь 51.2% довоенного против 46.0% в 1915 г.

Закрытие ряда крупнейших рынков потребления турецкого табака и отрыв крестьянского населения в армию были основными причинами резкого сокращения табаководства. Так, например, потребитель турецкого табака — Англия — перешла на табак из штата Виргиния (США) и других стран. Другой крупный потребитель турецких табаков — Египет — также перешел на потребление табака из Китая и Виргинии.¹

Сильный удар был нанесен войной также и хлопководству. По этому вопросу, однако, различные источники сообщают разные данные.

Ahmed Emin, Şevketi Sureyya² и ряд официальных источников приводят одни и те же данные, иные цифры приводит Bruck. При этом первые приводят данные только по Аданскому району (Ahmed Emin это иногда оговаривает), а второй и по Аданскому и по Смирнскому. Приведем данные тех и других.

Продукция хлопка за 1913—1918 гг.
(Данные официальные)

Т а б л и ц а 4

Г о д ы	Продукция в кг	% к 1913
1913	24 млн.	100.0
1914	27 »	112.5
1915	3 »	12.5
1916	2 »	8.3
1917	2 »	8.3
1918	2 »	8.3

¹ Tekin Alp. Türkischer Tabak. В сборнике «Die Türkische Republik in Wirtschaft und Aufbau», S. 57 — 58.

² Ahmed Emin. The Turkey in the World war. 1931. Şevketi Sureyya Cihan iktisadiyatında Türkiye. 1932.

Продукция хлопка за 1913—1918 гг.
(Данные Bruck'a¹)

Т а б л и ц а 5

Г о д ы	П р о д у к ц и я в к г			‰ к 1913 г.
	Адана	Смирна	Всего	
1913	21 млн.	6 млн.	27 млн.	100.0
1914	17 »	2 »	19 »	70.2
1915	10 »	2 »	12 »	44.5
1916	7 »	1 » ²	8 »	31.0
1917	4 »	—	4 »	14.8
1918	—	—	—	—

Между приведенными данными различных авторов имеется разрыв. Чьи данные более верные, мы проверить не можем. Мы считаем только необходимым отметить, что к данным Bruck'a надо отнестись с вниманием, т. к. он лично на месте обследовал турецкое хлопководство во время войны, стоя во главе комиссии немецких промышленников, которую направили в 1916 г. в Турцию специально с целью изучить возможность развития здесь хлопководства.

Как бы то ни было, если даже хлопководство и не претерпело столь сильного урона, как это следовало бы заключить на основе первых данных, тем не менее удар даже по данным Bruck'a был чрезвычайно сильным, причем, в отличие от табаководства, здесь не обнаруживается тенденции известного роста продукции к концу войны, а, наоборот, она падает из года в год. Известное объяснение этому факту мы находим у того же Bruck'a в отношении Смирнского района.

Он пишет, что площадь под хлопком была засеяна злаками и другими культурами. Несомненно, что это явление имело место и в Аданском районе.

Менее, но достаточно сильно пострадало производство опиума. Эта культура отличается большим колебанием урожая, вследствие

¹ Bruck. Die Türkische Baumwollwirtschaft. 1919. S. 52, 61, 75. Bruck приводит данные отдельно по Аданскому и Смирнскому району и в баллах, каждый балл — 200 кг. Мы приводим обобщающую колонку и все цифры даем в килограммах. Проценты всюду вычислены нами.

² Об урожае в этом районе в 1917 г. Bruck говорит, что он едва заслуживает упоминания.

этого данные за неурожайный 1913 г. не будут характерными, и мы приведем цифры и за ряд предыдущих лет.¹

Т а б л и ц а 6

Г о д ы	Продукция (в ящиках по 75 кг)	$\frac{0}{0}$ к 1913 г.	$\frac{0}{0}$ к 1910 г.
1910	7 000	—	—
1911	10 000	—	—
1912	6 500	—	—
1913	4 300	100.0	—
1914	4 300	100.0	61.5
1915	3 800	88.3	54.3
1916	4 000	93.2	57.2
1917	4 000	93.2	57.2
1918	4 500	104.5	64.3

Сравнительно с довоенным временем продукция опиума сократилась почти наполовину.

Сильно сократилась и продукция других экспортных культур, а именно, продуктов садоводства. Приведем данные по трем культурам — оливам, изюму и инжиру.

Т а б л и ц а 7

Г о д ы	Продукция (в тоннах)					$\frac{0}{0}$ к 1913 г.
	Оливы ²	$\frac{0}{0}$ к 1913 г.	Изюм ³	$\frac{0}{0}$ к 1913 г.	Инжир ²	
1913	826 900	100.0	62 000	100.0	20.900	100.0
1914	651 240	78.7	51 000	82.4	17.600	84.3
1915	420 317	50.7	40 000	64.5	15.400	73.6
1916	408 203	49.4	34 000	55.0	16.800	80.2
1917	146 000	17.7	27 000	45.2	15.500	73.0
1918	186 000	22.5	25 000	40.4	17.600	83.2

¹ Seveti Sureyya. Op. cit, p. 40.

² L'Exportateur Français от 10 января 1929 г., стр. 72.

³ Seveti Sureyya. Op. cit., pp. 43 и 44.

Из приведенных культур меньше всего пострадал инжир. Это объясняется тем, что он (и отчасти изюм) служил сырьем для выросшей во время войны в целях удовлетворения потребности армии спиртовой промышленности.

Резко упало и шелководство. Продукция шелковых коконов составляла в 1914 г. 2 530 477 кг, в 1915 г. 932 211 кг, в 1916 г. 1 356 200 кг. и в 1918 г. 790 806 кг.

Для получения общей картины упадка сельскохозяйственного производства, который явился результатом мировой войны, сведем все приведенные нами выше процентные данные в одну следующую таблицу:

Таблица 8

Продукты	Годы					
	1913	1914	1915	1916	1917	1918
Злаки (площ. посева)	100	—	46.8	39.0	46.8	—
Табак (площадь)	100	89.8	30.2	32.9	36.2	43.5
Табак (продукция)	100	89.5	26.5	27.8	31.6	37.8
Хлопок (продукция) (по Ahmed Emin'у и др.)	100	112.5	12.5	8.3	8.3	8.
То же (по Виск'у)	100	70.2	44.5	31.0	14.8	—
Опиум (продукция 1910 г. за 100)		61.5	54.3	57.2	57.2	64.
Оливы (продукция)	100	78.7	50.7	49.4	17.7	22.5
Изюм »	100	82.4	64.5	55.0	45.2	40.4
Инжир »	100	84.3	73.6	80.2	73.0	83.2
Шелк. коконы (продукция) . .	—	100.0	36.0	53.5	—	31.3

Наряду с сокращением земледелия, табаководства, садоводства и шелководства сильно пострадало и скотоводство.

Как мы уже показали выше, стадо коров, телят и быков сократилось незначительно, всего на 2.4%. Крупный рогатый скот, однако, имел незначительный удельный вес в общем стаде.

Основными видами скота, разводимыми турецкими крестьянами, являются овцы и козы. Урон, нанесенный войной этим видам скота, огромный — количество овец и ягнят сократилось к 1919 г. на 40% в сравнении с 1913 г. и количество коз, включая и ангорских, — на 87.4%. Столь сильная потеря в мелком рогатом скоте объясняется, во-первых, тем, что население, лишенное хлеба,

больше потребляло скота, во-вторых, реквизициями правительства, в-третьих, падежом скота и, в-четвертых, отпадением от Турции части территории (Сирия, Палестина и др.).

За приведенными нами колонками сухих цифр скрываются огромные лишения, голод, разорение и нищета широких масс турецкого крестьянства, которые принесла им мировая империалистическая война и деятельность младотурок вкупе с германскими и австро-венгерскими империалистами.

Резкое ухудшение состояния сельского хозяйства вынудило младотурецкое правительство принять известные меры для его улучшения, дабы изжить продовольственные затруднения, на почве которых возникало массовое недовольство правительством.

С первых месяцев 1916 г. началась всеобщая кампания за увеличение продовольственных ресурсов страны. Правительственные организации начали распределять семена, сельскохозяйственные машины, давали ссуды на приобретение скота. В бюджет 1916 г. были занесены ассигнования на приобретение семян в сумме 700 тыс. лир, сельскохозяйственных машин — в сумме 400 тыс. лир, крупного рогатого скота — 400 тыс. лир и 200 тыс. лир на борьбу с саранчой. В министерство торговли и земледелия были приглашены немецкие специалисты; так, советником министерства по вопросам земледелия был приглашен тайный советник д-р Nahl. Начали вырабатывать планы улучшения ирригации Аданской равнины, опять-таки под руководством немецких специалистов. Усилилась борьба с саранчой, которую также возглавлял немецкий специалист.¹

Было создано при Географическом институте Константинопольского университета специальное климатологическое бюро во главе с немецким проф. д-р Obst. Была открыта одногодичная сельскохозяйственная школа, во главе которой был поставлен опять-таки немец д-р König.

Немцы крепко прибрали к рукам руководство сельским хозяйством.

В кампанию за развитие земледелия включилась и турецкая пресса, которая писала о необходимости поднять сельское хозяйство в интересах национальной защиты, и ряд обществ — «Морская лига» («Лига пропаганды усиления морского флота»),

¹ Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Weltw. Archiv, № 9, Heft 2, S. 109*.

«Общество национальной защиты», «Красный полумесяц». Был организован «Союз турецких сельских хозяев» с целью пропаганды улучшенных методов ведения сельского хозяйства путем устройства сельскохозяйственных выставок, докладов, опытных полей и т. д., куда вошла турецкая знать. Немцы постарались использовать в своих целях это движение, создав специальное «Турецко-немецкое земледельческое общество», ставившее себе задачу «охранять турецко-немецкие сельскохозяйственные интересы». Эта шумиха не дала никаких осязательных результатов. Более реальная политика младотурок в области земледелия шла в основном, при большом содействии немецких советников, по двум линиям, тесно между собой переплетающимся:

а) по линии помощи крупным земельным собственниками и охраны их интересов;

б) по линии перенесения всех тягот, * приносимых войной сельскому хозяйству, на крестьянские массы.

Вся помощь, которую оказывало правительство семенами, сельскохозяйственными машинами, деньгами, попадала главным образом в руки крупных собственников. Правительство освободило от пошлин импорт удобрений, сельскохозяйственных машин и пр.

Для улучшения кредитных условий был реорганизован сельскохозяйственный банк, что было выполнено опять-таки немецким специалистом, прусским тайным финансовым советником д-ром Kautz, который был назначен директором этого банка. Немцы же организовали в Конийской долине несколько кредитных касс, обслуживавших кулацко-ростовщическую верхушку турецкой деревни.

Реорганизация сельскохозяйственного банка была оформлена особым законом, изданным 25 марта 1916 г. Согласно последнему круг операций банка был значительно расширен. До тех пор банк при выдаче ссуд был ограничен как суммой (максимум 150 лир), так и сроком (самый большой срок — 10 лет). Новым законом эти ограничения были сняты. Помимо этого, банк получил право выдавать ссуду под залог хлеба и под солидарную ответственность, а также покупать и продавать землю, рабочий скот, семена и сельскохозяйственные машины.

Далее закон устанавливал, что взимаемая в пользу банка прибавка к ашару должна взиматься до тех пор, пока капитал не

достигнет 15 млн. лир, при этом прибавка к ашару поступает в пользу того отделения, в округе которого она взимается. Банк вправе также выпускать облигации. Чистая прибыль распределяется по новому закону следующим образом:

75%₀ причисляется к капиталу и распределяется между отделениями пропорционально их доходам от ашара;

15%₀ отчисляется в запасный капитал и 10%₀ обращается на вознаграждение членов наблюдательного совета и служащих.¹

Этот закон был направлен на обеспечение интересов верхушки турецкой деревни и помещиков и на облегчение проникновения капитализма в земледелие.

Большая потребность населения в местном хлебе вследствие прекращения импорта злаков и муки, возможность нажиться на поставках для армии и на экспорте в Германию и Австрию при широко предоставленной правительством возможности эксплуатировать даровой труд призванных в армию крестьян — все эти факторы сулили и давали крупным сельским хозяевам огромные прибыли. Достаточно сказать, что мешок пшеницы, стоивший в Константинополе до войны 0.70 лиры, во время войны стоил 51 лиру. Были даже организованы сельскохозяйственные общества — по данным, опубликованным в константинопольских газетах 9 сентября 1918 г., было организовано 6 обществ с капиталом в 495 тыс. лир.

Указанные мероприятия младотурецкого правительства все же содействовали не столько росту продукции, сколько обогащению деревенской эксплуататорской верхушки и помещиков. Положение в стране в том же 1916 г. было чрезвычайно скверным, хотя есть ряд попыток замазать этот факт, главным образом, со стороны немецких авторов. По словам одного автора, описавшего состояние сельского хозяйства в 1916 г., каждый был убежден, вопреки официальным данным, что урожай 1916 г.; несмотря на усилия министерства земледелия и военных властей, оказался очень низким благодаря мобилизации сельскохозяйственной рабочей силы, реквизиции и нехватке скота, «который вместо обработки полей, таскал пушки на покрытых снегом нагорьях Армении».²

Немецким империалистам нужно было прикрашивать положение, чтобы оправдать, во-первых, вывоз продовольствия в Герма-

¹ Рупин. Сирия и Палестина. 1919, стр. 101.

² Stuermer. Two war years in Constantinople, p. 117, 1916.

анию и, во-вторых, те принудительные действия, которые применялись ими вместе с младотурецким правительством в отношении турецкого крестьянства.

Уже в начале 1916 г. Herlt отмечал, что «возделывание полей и снятие урожая происходило без особых трудностей благодаря введению трудовой повинности для не взятого на войну сельского населения» (подчеркнуто нами. А.Н.). Трудовая повинность для крестьянства применялась правительством в течение всего периода войны, начиная с самого момента вступления в нее.¹ В дальнейшем этот метод все более совершенствовался при полном содействии немецких советников.

Помимо трудовой повинности для сельскохозяйственных рабочих, была установлена трудовая повинность для крестьян, свобода распоряжения землей которых была ограничена; особая комиссия в Константинополе под председательством министра земледелия предписывала, где и сколько злаков должно посеять.

Все эти мероприятия ничего не дали, так как и люди и сельскохозяйственный скот во время войны бессмысленно уничтожались.

Острый недостаток в людях привел к оживленной дискуссии в прессе о проблеме населения. Ведь и до войны смертность в турецкой деревне была огромной. Детскую смертность турецкие специалисты определяли в 80%. К огромной детской смертности родители привыкли как к обычному явлению. Малярия, оспа, сифилис имели в турецкой деревне чрезвычайно широкое распространение. Все эти печальные явления вновь были широко освещены на столбцах турецких газет во время войны, когда проблема населения стала особенно острой. Однако военная цензура вскоре запретила обсуждение этого вопроса, находя, что это наносит вред целям военной пропаганды.

Чем больше ухудшалось экономическое и продовольственное положение страны, чем сложнее становилась проблема снабжения населения городов, в особенности Константинополя, и армии, а также и союзников, в особенности Германии, тем сильнее делался нажим на крестьян, тем больше они подвергались ограблению. Об этом ярко свидетельствует следующий закон, принятый 27 сентября 1917 г.

¹ Herlt пишет о трудовой повинности уже в своем обзоре состояния экономики Турции к концу января 1916 г. (Weltw. Archiv, Okt. 1916, Bd. 8, H. 2).

Крестьяне должны обработать каждой парой волов 35 денюмов. Если крестьянин обладает более чем одной парой рабочего скота, то лишний рабочий скот может быть в случае нужды реквизирован.

Запрещается убивать годный для сельскохозяйственных работ скот даже его собственникам.

Одновременно с этим крупные земельные собственники освобождаются от воинской повинности. От последней эти собственники вправе освободить по три сельскохозяйственных рабочих на каждые 500 денюмов обрабатываемой ими земли.

Земельные владения, не обрабатываемые их собственниками, могут быть использованы под земледелие соседними деревнями и городами.¹ Далее, созданное при военном министерстве особое ведомство — ведомство питания — получило с мая 1918 г. право требовать от крестьян поставки продуктов натурой сверх ашара по твердым, самим этим ведомством устанавливаемым, ценам. От крестьян вправе были в указанном порядке требовать поставки зерна, риса, овощей, олив и оливкового масла, причем по всем продуктам, кроме олив и оливкового масла, ведомство вправе было требовать поставки по твердым ценам количества, превышающего размеры ашара вдвое, а по оливкам и оливковому маслу — втрое. За это ведомство должно было платить наличными по ценам, превышающим в шесть раз среднюю рыночную цену последних трех лет с начала войны, а при вторичном отобрании — двенадцатикратную цену.

Чтобы судить о размере ограбления крестьян, приведем по данным Администрации оттоманского долга справку о колебании цен в Константинополе в годы войны (в пиастрах за окко).²

Т а б л и ц а 9

П р о д у к т	Июль 1914 г.	Январь 1917 г.	Сентябрь 1917 г.	Январь 1918 г.	Сентябрь 1918 г.
Рис	3	35	90	95	90
Картофель	1	8	20	30	27
Бобы	4	19	55	65	65
Оливк. масло	8	45	140	200	180

¹ Ahmed Emin. Op cit., p. 132.

² Ibidem, p. 113.

Таким образом, крестьянин должен был по ценам в несколько раз ниже рыночных отдавать по злакам одну треть своего валового сбора, по оливам и оливковому маслу почти половину. Это вызвало всеобщее возмущение. Ahmed Emin сообщает, что население Конии и др. городов принимало решение, что отдавать ашар — это религиозное дело, а повторное взимание продуктов есть антирелигиозное дело. Возмущение населения, очевидно, было достаточно сильным, потому что, по словам того же автора, к концу войны правительство нашло невозможным продолжать закупки по принудительным ценам и начало платить по рыночным ценам.

Сильно страдало крестьянство также от большого разрыва цен на продукты сельскохозяйственные и продукты, покупавшиеся крестьянином в городе. Этот разрыв демонстрируется следующей таблицей (в пиастрах за окко):

Т а б л и ц а 10

П р о д у к т	Июль 1914 г.	Январь 1917 г.	Сентябрь 1917 г.	Январь 1918 г.	Сентябрь 1918 г.
Рис	3	35	90	95	90
Бобы	4	19	35	65	65
Оливк. масло . .	8	45	140	200	180
Молоко	2	9	19	40	45
Баранина	7	28	65	130	120
Масло	20	100	210	260	400
Сахар	3	62	150	140	250
Керосин	1.50	50	110	125	160

Если цена риса выросла к сентябрю 1918 г. в 30 раз по сравнению с июлем 1914 г., бобов — в 16 раз, молока — в 22.5 раза, масла — в 20 раз, то цена сахара выросла в 83.5 раза, а керосина в 106 раз. При этом надо учесть, что крестьянин продает свой продукт у себя на месте торговцам по ценам гораздо ниже, а покупает у торговцев товары по ценам гораздо выше константинопольских. Турецкий крестьянин во время войны в основном просто перестал потреблять эти продукты, так как у него ничего не оставалось для выноса на рынок после того, что отбиралось разными путями правительством.

Наконец, не малое значение в ухудшении положения крестьян играли налоги.

Ашар, взимаемый в натуре, шел исключительно военному ведомству, но продолжал взиматься откупщиками. Можно себе представить, как в обстановке резкого недостатка продуктов питания в центрах, в обстановке безудержной спекуляции ими, дававшей возможность получать огромные прибыли, откупщики прижимали крестьян. Очевидно, что злоупотребления откупщиков были огромны по сравнению с мирным временем и наносили немало вреда самому правительству, потому что в 1917 г. министр финансов Джавид-бей попытался собрать ашар государственными силами, пока только в малоазийских вилайетах, для чего сперва понадобилось 39 000 служащих, из которых 7000 были солдаты, а в дальнейшем, ввиду недовольства министра наблюдением за уплатой ашара со стороны деревенских старост, контроль был передан собственным агентам, на что понадобилось еще 20 000 человек.

Правительство усилило также сбор налогов, взимаемых в деньгах, чтобы заполнить брешь в бюджете, образовавшуюся вследствие прекращения таможенных поступлений. С этой целью младотурецкое правительство взимало с крестьян налоги в золотом эквиваленте, увеличивая сумму налога соответственно падению ценности бумажных денег. Не все налоги взимались по такой системе, но так, например, взимался налог на скот — «агнам», который был увеличен в четыре раза.

Подводя итоги нашему анализу положения сельского хозяйства и классов в турецкой деревне в результате мировой войны и накануне революции 1919—1922 гг., мы должны сказать следующее:

1. Сельское хозяйство в Турции потерпело огромный урон, продукция его резко сократилась по всем культурам, как зерновым, так и экспортным. Огромное количество скота как рабочего, так и домашнего было уничтожено. Но при этом:

2. Вся тяжесть удара была перенесена младотурецким правительством и немецко-австрийскими империалистами на широкие массы трудящегося крестьянства, благодаря чему выросли и обогатились эксплуататорская верхушка турецкой деревни и помещики.

Турецкого крестьянина брали на войну в качестве солдата, лишая его хозяйство рабочей силы, помещика же и кулака от воинской повинности освобождали; у крестьянина забирали

скот и лишали его оставшуюся в деревне семью возможности обрабатывать свое поле, а помещика, наоборот, правительство снабжало машинами, скотом, денежными ссудами; благодаря этому были созданы условия, способствовавшие большей эксплуатации деревенскими эксплуататорами и помещиками крестьянских масс; турецкий крестьянин был задавлен налогами, откупщиками ашара и правительством, забиравшим продукты по твердым ценам; крестьяне не имели никаких излишков для вывоза на рынок и сами голодали, а те крестьяне, которые имели кое-какие излишки, не могли их вывезти из-за реквизиции транспорта, деревенские же богачи в качестве поставщиков продуктов для армии и участников спекуляции продуктами наживали огромные прибыли. Они стали принимать участие в торговле и даже в промышленности.

Следовательно, на фоне крайнего упадка сельского хозяйства в целом, в результате политики младотурок и их империалистических хозяев, произошло усиление классовой дифференциации в турецкой деревне — масса турецких крестьян благодаря войне до крайности разорилась, кулаки же, ростовщики, помещики, наоборот, выросли, усилились, обогатились, больше сконцентрировали земли в своих руках и поставили в большую зависимость от себя турецких крестьян.

Это положение не осталось бесследным для турецкого крестьянства, и мы имеем ряд свидетельств, указывающих на его политический рост. «Война принесла свежий дух в среду турецкого крестьянства. Мужчины, находящиеся под ружьем, забрасываемые в разные районы, лучше узнают свою страну. Раньше они знали только свою деревню и ближайший гарнизонный город... Война сделала оттоманцев подвижными, и они из своих воинских поездов видят многое, что для них послужит примером в их занятии», — замечает один немецкий автор.¹

Война вывела многих турецких крестьян далеко за пределы их деревни, что содействовало расширению их кругозора, и несомненно, что побывавшие в армии крестьяне, вернувшись домой и увидя разоренных войной свою семью и односельчан, с одной стороны, и еще более разбогатевших в результате войны кулаков, ростовщиков, беев, с другой, чувствовали это больнее и острее на это реагировали, чем до войны, когда их безропотность и покор-

¹ Herlt. Die türkische Landwirtschaft und die deutsche Industrie. Archiv für Wirtschaftsforsch. im Orient, 1916, H. 3—4, S. 506.

ность своей нищенской доле вошла в пословицу. Уже во время мировой войны турецкое крестьянство неоднократно демонстрировало свое возмущение существующим режимом. Подробное рассмотрение этого вопроса выходит за рамки нашей работы, но, ввиду слабой освещенности его из-за отсутствия достаточных данных, мы приведем здесь ряд фактов, демонстрирующих настроение турецкого крестьянства и сообщаемых царской секретной агентурой, работавшей в Турции во время войны.

Важным показателем, демонстрирующим отношение крестьян к правительству, было массовое дезертирство, которое отмечается уже с самого начала войны. Чем дольше продолжалась война, тем дезертирство принимало все большие размеры. Дело дошло до того, что в марте 1917 г., как гласит сводка секретной агентуры, «корпуса, выходящие из Константинополя, доходят до фронта, теряя около 40% дезертирами, не желающими участвовать в боях и тяготящимися трехмесячным походом с ношей в 30 кг кроме винтовки и патронов, при скудном питании. В пути и на позициях громадное количество членовредительств и самоубийств; например, в 46 кавказском батальоне было от 20 до 30 случаев самоубийств».¹ Дезертировали турки, греки и армяне, грузины, черкесы и курды. Дело дошло до того, что дезертиры оформлялись в отряды — четы, которые боролись с правительственными войсками.

Правительство часто шло на компромис и не пыталось уже вернуть дезертиров в армию, а, играя на национальной розни, стремилось использовать мусульманские четы для борьбы с христианскими четами, но из этого ничего не выходило. Приводим следующее весьма интересное донесение по этому вопросу:

«Район Фатин-Самсун полон дезертиров — греков, армян, грузин, черкесов, курдов и турок. Власти пошли на компромис с грузинами-мусульманами, которых здесь 25 селений, коим предложено не являться в войска, а сформировать четы для борьбы с христианскими четами. Грузины, сформировав четы, вступили в соглашение с греческими четами — друг друга не трогать. Несколько турок дезертиров были пойманы в районе Фатина и повешены в Нинсаре, из-за чего в конце февраля в районе Фатина произошло восстание, которое было подавлено, причем пять турецких селений, общей сложностью в 300 домов, сожжены.

¹ В. И. А. (Военно-исторический Архив), № 175-485. Сводки сведений, издаваемых штабом Кавказской армии, 1916—1917 гг., л. 481.

Были случаи просьбы со стороны дезертиров-турок принять их в греческие четы». ¹ Ряд донесений свидетельствует о наличии подобных чет и в других районах.

Донесение от 10 февраля 1915 г. говорит о вспыхнувшем возмущении в западной Анатолии, в Айдынском вилайете. ²

Недовольство крестьянства своим тяжелым положением выливалось, таким образом, в формы открытого местами возмущения, массового дезертирства и организации чет. Любопытен и такой факт, как устройство праздника в захудалом местечке Уше (в восточной Анатолии) по случаю революции в России.

Так, агент сообщает:

«В Уше 10 марта (по старому стилю. А. Н.) был праздник по случаю событий в России, которые, по мнению турок, должны привести к скорому миру». ³

Начавшаяся в стране вскоре после войны революция нашла в лице крестьян основную свою движущую силу, которую возглавила национальная турецкая буржуазия.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И ТОРГОВЛЯ И ПОЛОЖЕНИЕ КЛАССОВ В ГОРОДЕ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Прежде чем перейти к анализу состояния других отраслей народного хозяйства Турции во время мировой войны, мы предварительно остановимся на одном чрезвычайно важном для Турции событии, имевшем для нее большое значение, — на отмене капитуляций.

ОТМЕНА КАПИТУЛЯЦИЙ

Огромное значение капитуляций как фактора, закреплявшего господство иностранного капитала в Турции и препятствовавшего развитию национальной турецкой промышленности и торговли, известно достаточно широко.

С тех пор как европейские государства начали усиленно продвигать в Турцию свои товары, превращая ее в рынок сбыта своих фабрикатов, т. е. примерно с начала XIX в., с этого времени капитуляции все более и более начинают приобретать свое

¹ Там же, л. 484.

² В. И. А., д. 175—177. Сводки сведений штабов Кавказской и 7-й армии о турецких войсках, л. 72.

³ См. выше, л. 484.

кабальное значение, которое в известной мере они носили уже несколько ранее. Свое соответствующее формальное выражение капитуляции нашли в турецко-французском договоре 1740 г. Именно этим договором была определена вся сумма капитуляционных прав иностранцев. Будучи ранее, в период расцвета Оттоманской империи, продуктом добровольного пожалования турецкого султана иностранцам и признаком силы Турции, капитуляции с середины XVIII в. вынуждаются у нее и становятся признаком ее слабости.

Во всех позднейших капитуляционных договорах с Турцией других иностранных государств были восприняты основные положения этого договора. Эти основные положения заключались в том, что подданные иностранных государств, заключивших капитуляционные договоры, а таковыми были все более или менее крупные европейские государства и США, пользовались правом свободного поселения и передвижения, неприкосновенностью личности и жилища, освобождением их от подсудности оттоманским учреждениям и уголовным судам (право суда над иностранцами принадлежало иностранным консульским судам), освобождением их от уплаты местных налогов, незначительным обложением импортных товаров таможенными пошлинами, рядом преимуществ в вопросах права собственности, коммерческого и морского права и др.

Понятно, что при наличии таких привилегий для иностранцев турецкие капиталисты, столь терпевшие от произвола султанского режима, не имели никаких возможностей развиваться и могли, в лучшем случае, играть подсобную для иностранного капитала роль, не будучи совершенно в состоянии с ним бороться.

Было бы ошибкой предполагать, что европейский капитал, пользуясь капитуляциями, развивал кипучую торгово-промышленную деятельность в стране. Отнюдь нет. Лишь в торговле он проявлял известную активность в меру своих экспортно-импортных потребностей, захватив в свои руки весь внешнеторговый аппарат. В промышленности же Турции иностранный капитал принимал очень слабое участие, притом опять-таки больше в связи с экспортом сырья. Вместе с тем иностранцы пользовались капитуляциями, чтобы, во-первых, всячески затруднить экономическое развитие страны, которое хотя бы в малейшей степени могло нанести вред их интересам, и, во-вторых, как мощным орудием для вмешательства во внутренние дела

Турции и давления на ее внешнюю политику.¹ В эпоху империализма, когда Турция приобрела первостепенное значение как территория, на которой разыгрывалась обостренная борьба между важнейшими империалистическими государствами, особенно усилилось значение капитуляций во втором отмеченном нами смысле. Поэтому экономические привилегии, даваемые капитуляциями иностранным подданным (хотя бы незначительное обложение импортных товаров пошлинами), имели для этих государств уже меньшее значение, нежели юридические (особенно изъятие из-под местной юрисдикции), и, как увидим ниже, тогда, когда стал реален вопрос об отмене капитуляций, иностранные государства, в частности Россия, которая имела меньше экономических позиций в Турции, чем другие государства, особенно отстаивали юридические привилегии для своих подданных.

Вместе с тем, конечно, совершенно ясно, что без отмены капитуляций нечего было и думать о возможности самостоятельного экономического развития. Однако, всякие делавшиеся в прошлом попытки даже не только отменить, а лишь облегчить некоторые пункты капитуляционных договоров наталкивались на упорное сопротивление иностранных государств. Лишь воспользовавшись войной, младотурки начали ставить более решительно вопрос об отмене капитуляций; при этом вокруг этого вопроса происходила борьба германофильской и антантофильской группировок внутри самого турецкого правительства. Так, за три недели до отмены капитуляций сторонник антантовской ориентации, министр финансов Джавид-бей посетил советника русского посольства в Константинополе Гулькевича и требовал согласия России, Англии и Франции на уничтожение капитуляций для того, чтобы дать ему и его сторонникам в правительстве возможность бороться с группой, державшейся немецкой ориентации, указывая, что державы могут обусловить это изгнанием немецкой миссии из Турции.²

¹ В качестве примера укажем, что, когда турецкое правительство испрашивало у иностранных государств разрешение на увеличение таможенных пошлин с 8 до 11% стоимости товаров, Россия обусловила свое согласие тем, чтобы получаемые благодаря повышению ставки добавочные поступления были переданы для расходов в Македонию, где она имела особые политические интересы.

² См. секретную телеграмму русского посла в Константинополе Гирса министру иностранных дел от 6 (19) августа 1914 г. № 780 в сб. «Царская Россия в мировой войне», т. I, стр. 18. Изд. Центрархива и ГИЗ, 1926 г.

На предложение Джавид-бея министр иностранных дел Сазонов дал в секретной телеграмме от 10 (21) августа послам в Париже и Лондоне, сообщенной в Константинополь, любопытный ответ, следующего содержания:

«Рекомендовать их правительствам (французского и английского послов. *А. Н.*) не отвергать целиком оснований, предлагаемых Джавидом. Хотя вероятность соглашения с Турцией сомнительна, однако мы полагаем, что не следует отталкивать более умеренные элементы.

Если правительство, при коем вы аккредитованы, согласно с нашей точкой зрения, мы могли бы в вопросе капитуляций предложить туркам формулу, которая дала бы более кажущееся, чем по существу, удовлетворение их самолюбию».¹

Нечего говорить о том, что это «щедрое» предложение никого не прельстило.

Пользуясь состоянием войны между Германией и Австрией, с одной стороны, и Россией, Францией и Англией, с другой, младотурецкое правительство 26 августа (10 сентября) 1914 г. в следующей ноте, посланной послам иностранных государств, сообщило об отмене капитуляций с первого октября того же года.

«Императорское Оттоманское правительство, одушевленное чувствами гостеприимства и симпатии к подданным дружественных государств, в свое время определило особым образом те правила, коим будут подчинены иностранцы, являющиеся на Восток для торговли, и сообщило эти правила державам. С течением времени правила эти, изданные Блистательною Портою исключительно по собственному почину, были истолкованы как привилегии, и, будучи на практике усилены и расширены, удержались до настоящего времени под названием старинных договоров, или капитуляций. Однако, эти привилегии, с одной стороны, находящиеся в полном противоречии с современными юридическими нормами, а равно с принципом национального суверенитета, составляют, с другой стороны, препятствие к прогрессу и развитию Оттоманской империи и вызвали также некоторые недоразумения в сношениях с иностранными государствами, являясь, таким образом, препятствием к достижению этими сношениями желательной степени сердечности и искренности.

¹ Там же, стр. 30. Подчеркнуто нами. *А. Н.*

Преодолевая все сопротивления, Османская империя продолжает идти по пути возрождения и реформ, в который она вступила в 1225 г. Гатти-Гумаюном Гюль-хане, и, в целях обеспечения за собою принадлежащего ей места среди цивилизованных народов Европы, приняла наиболее современные юридические нормы и не уклонилась от плана утвердить на этих основаниях здание государства. Введение конституционного режима служит доказательством счастливых успехов, коими были увенчаны усилия Османского правительства идти по пути прогресса.

Однако, являющееся следствием капитуляций вмешательство иностранцев в отправление правосудия, составляющего наиболее важный устой государственного суверенитета; ограничение законодательной власти под предлогом, что многие законы не могут быть применены к иностранцам; тот факт, что преступник, нарушивший общественную безопасность, не подлежит действию законов лишь в силу того, что он иностранец, или тот факт, что осуществление власти затрудняется необходимостью считаться по отношению к иностранному правонарушителю со всякого рода ограничениями и условиями; наконец, тот факт, что в зависимости от национальности договаривающихся сторон, спор, возникший на основании одного и того же договора, подлежит различной юрисдикции и судопроизводству, все это, а равно и иные подобные ограничительные привилегии, составляют непреодолимое препятствие к организации судов, учрежденных в целях обеспечения в стране правильного отправления правосудия.

Точно так же следствие капитуляций, делающее иностранцев изъятиями и свободными от уплаты налогов в Османской империи, создает для Блистательной Порты невозможность не только обеспечить себе необходимые денежные средства для осуществления реформ, но даже и для удовлетворения текущих нужд управления, не прибегая к займу. Равным образом, затруднения, встречаемые при увеличении косвенных налогов, имеют следствием повышение размера прямых налогов и обременение налогоплательщиков — османских подданных. Тот факт, что иностранцы, торгующие в Османской империи и пользующиеся в ней всякого рода льготами и привилегиями, менее обложены налогами, нежели османские подданные, составляет одновременно и явную несправедливость и посягательство на независимость и достоинство государства. Императорское правительство, несмотря на все эти препятствия, деятельно преследовало свои преобразовательные

усилия, но наступление общей войны в высшей степени обострило финансовые затруднения в стране, угрожая осуществлению всего начатого или предпринятого дела. Блистательная Порта убеждена в том, что все шаги, сделанные ею на этом пути, встретят сочувствие всех дружественных держав.

В силу этого убеждения было принято решение отменить, начиная с 1-го октября 1914 г., капитуляции, составлявшие до настоящего времени препятствие всякому прогрессу империи, а равно все привилегии и льготы, соединенные с этими капитуляциями или вытекающие из них, и принять основанием сношений со всеми государствами общие принципы международного права.

Имея честь сообщить о настоящем решении, которое, открывая для Оттоманской империи эпоху благополучия, будет, как таковое, я не сомневаюсь, с удовольствием принято Императорским Российским правительством, я считаю долгом добавить, что Блистательная Порта, исключительно движимая в своем решении интересами Оттоманского Отечества, не питает, отменяя капитуляции, никакого недружелюбного чувства по отношению к какой-либо державе и что она готова приступить к переговорам в виду заключения с Российским правительством торговых договоров на основании общих принципов международного права.¹

(Подп.) *Саид-Халим*».

Когда турецкое правительство официально уведомило иностранные державы об отмене капитуляций, получился любопытный оборот: и антантовская группа стран, и Германия с Австро-Венгрией — оба воюющих друг с другом лагеря — выступили единым фронтом с общим протестом против «одностороннего акта» отмены капитуляций Турцией. Организатором этого общего протеста явился итальянский посол Гаррони.

Об этом сообщает и Гирс и английский представитель сэр Маллет. Так, первый в своей телеграмме от 27 августа (ст. ст.) министру иностранных дел Сазонову писал:

«Итальянский посол передал мне по поручению австрийского посла, что последний нисколько не одобряет намерения Порты уничтожить капитуляции и в качестве декана готов присоединиться к общему протесту всех послов. Это мнение разделяет,

¹ Мин. ин. дел. Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19 июля до 19 октября 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией. Ц., 1914, стр. 26.

по словам маркграфа Паллавичини, и германский посол. Я ответил маркизу Гаррони, что ничего не имею против идентичного заявления Порте всех посольств, ставящего ей на вид, что капитуляции являются результатом международного соглашения и не могут быть отменены ее единоличным распоряжением».¹

Не менее ясно свидетельствует по этому вопросу сэр Маллет. В своей телеграмме Эдуарду Грею от 10 сентября (н. ст.) он сообщает следующее:

«Нота об уничтожении всех капитуляций была получена вчера вечером. Все мои коллеги, включая германского и австрийского послов, сегодня обратились с идентичными нотами к Блистательной Порте...»² Далее излагается текст этой ноты. Вот он:

Текст ответной идентичной ноты от 28 августа 1914 г.

«Я имел честь получить письмо вашей светлости от 27-го августа (9-го сентября), коим вам угодно было уведомить меня о решении императорского правительства отменить действие капитуляций в Турции, начиная с 1-го октября с. г.

Я не премину довести до сведения моего правительства как об этом решении, так и о соображениях, на которых оно основано, но считаю долгом ныне же обратить внимание вашей светлости, что, вопреки заявлению в начале ноты, капитуляционный режим в том виде, как он действует в Турции, не является автономным учреждением империи, но есть результат международных договоров, дипломатических соглашений и договорных актов различного рода. Этот режим может таким образом быть изменен в какой-либо своей части, а тем более совершенно отменен Оттоманским правительством лишь в силу соглашения его с договаривавшимися державами.

Таким образом, в случае отсутствия соответствующего соглашения до 1-го октября сего года между Оттоманским и моим правительствами, я буду поставлен в невозможность признать, начиная с вышеозначенного числа, надлежащей силы за односторонним актом Блистательной Порты».³

¹ Сб. дипл. док. и т. д., стр. 22.

² Война с Турцией. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией. Ц., 1915, стр. 43.

³ Сб. дипл. док. и т. д., стр. 29.

Этот факт ставит в не совсем удобное положение тех немецких востоковедов и практиков-колонизаторов, которые старались и стараются представить немецких империалистов как исключительных радетелей за турецкие интересы.

Так, нап. имер, известный немецкий востоковед Вескер в мрачных красках изображает то пагубное влияние, которое оказывали капитуляции на Турцию. Народное хозяйство Турции, пишет он, определялось не интересами самой Турции, но частнохозяйственными интересами европейских капиталистов или политической амбицией великих держав. Но Германию он ставит в особое положение. Все страны кроме нее были против независимости Турции и ее усиления. И лишь одна Германия стремилась к тому, чтобы сделать Турцию сильным государством.¹

Другой немецкий автор, специально исследовавший вопрос о капитуляциях, Кунке, писал по этому же поводу следующее: «Если мы хотим быть точными, то необходимо сказать, что единственно центральные державы приветливо приняли отмену капитуляций, в чем Германия следовала не только данному политическому положению, но и своей старой турецкой политике, покоящейся на дружеских традициях».²

Приведенный выше факт об отношении Германии к такому большому для Турции вопросу, как капитуляции, показывает истинную цену писаниям упомянутых авторов (они, конечно, не одни).

Как мы уже отмечали выше, в эпоху империализма иностранные державы и в частности Россия придавали особое значение тем сторонам капитуляций, которые изымали их подданных из-под местной подсудности. Об этом прямо пишет Гирс в своем письме Сазонову от 22 сентября (5 октября) 1914 г.: «Вопрос об отмене капитуляций не нов и должен был служить предметом обсуждения при заключении Турцией экономических и финансовых соглашений с великими державами. Являясь ныне односторонним актом Оттоманского правительства и нарушением прав и преимуществ, установленных трактатами, отмена капитуляций не могла не вызвать протеста держав, особенно в той части их, которая касается обеспечения юриди-

¹ Becker. Islamstudien, Bd. II, S. 263, 1932.

² Künke. Die Kapitulationen der Türkei, deren Aufhebung und die neuen deutsch-türkischen Rechtsverträge, S. 120, München, 1918.

ческих и личных прав иностранных подданных в пределах Османской империи»¹.

Надо отметить, что одной из немаловажных причин, заставившей младотурок принять акт об отмене капитуляций, было стремление последних разрядить сгущенную атмосферу внутри страны, создавшуюся благодаря мобилизации, реквизициям и т. д. Об этом тот же Гирс сообщает в вышеупомянутом письме, на это же ссылается Джавид-бей в своих разговорах с советником русского посольства Гулькевичем. В письме Гирс пишет:

«Произведенная в Турции мобилизация, привлекавшая под оружие около 1 000 000 солдат, из коих, правда, лишь 400 000 вооружены настоящим образом, связанные с нею реквизиции, поборы и всевозможные злоупотребления, тяжело отразившись на населении, создали в стране крайне напряженное состояние, выход из коего так или иначе должен быть найден. Для частичного разряднения сгущенной атмосферы партия умеренных провела отмену капитуляций, видя в ней меру, могущую, с одной стороны, дать известное удовлетворение общественному мнению, а с другой — послужить оправданием мобилизации и тех жертв, которые понесла страна».

Отменив капитуляции, младотурки сами сразу же испугались своего решительного шага — «как бы чего не вышло»; они боялись наказания их за это «самоволие» со стороны держав после окончания войны и сразу же после опубликования акта об отмене капитуляций начали пятиться назад, о чем нам оставил интересные документы русский посол в Константинополе.

В срочной секретной телеграмме министру иностранных дел от 2 (15) сентября 1914 г. (т. е. через 5 дней после получения ноты об отмене капитуляций) он сообщает:

«Из сегодняшнего моего разговора с Талаатом и Халилем заключаю, что турки начинают сознавать поспешность, с которою они отменили капитуляции, и опасаться последствий ее по окончании войны.

Оба министра уверяли меня в своем желании войти в соглашение с нами. Они частным образом сказали мне, что готовы отделить экономическую часть вопроса от юридической, отложив отмену последней на некоторое

¹ Царская Россия в мировой войне, т. I, стр. 47. Подчеркнуто мной. А.Н.

время. Им важна, главным образом, ныне экономическая свобода, ввиду невозможности без нее удовлетворить бюджетным требованиям».¹

Гирс далее усиленно уговаривает Сазонова, говоря: «Лично полагаю, что нам следовало бы идти им навстречу теперь же, чтобы нашим отказом не сыграть в руку немцам, и этим спасти на время, пока мы заняты войной, самую главную для нас сторону капитуляций, касающуюся юридического обеспечения наших подданных».

Младотурки не только на словах начали трусливо отказываться от существеннейших сторон акта об отмене капитуляций, но и начали, по словам того же Гирса, реализовать свой отказ на деле. Он сообщает Сазонову: «Халиль-бей заявил мне, что Порта отдала секретное предписание не применять нового порядка в делах судебных». Более того: вместе с тем Халиль-бей заявил, что им «образована особая комиссия для обсуждения проекта судебных реформ, в состав коей вошли европейцы, состоящие на службе турецкого правительства, в роде графа Остророга, англичанина Кларка, нескольких турецких сановников.

Выработанный комиссией проект будет представлен на рассмотрение иностранных представителей в Константинополе». (Подчеркнуто мной. А. Н).

Трусливая природа младотурок обнаруживается в их словах и делах с достаточной яркостью. Лишь окончательное вступление Турции в войну на стороне центральных держав и отъезд послов стран Антанты из Константинополя положили естественный конец колебаниям младотурок. Хотя капитуляции во время войны фактически не существовали, но окончательно они были уничтожены турецкой революцией 1919—1922 гг., отразившей при дружеской поддержке Советской России все попытки империалистов превратить Турцию в колонию. Отмена капитуляций не имела и не могла иметь во время войны того значения, которое она могла бы приобрести в мирное время. Но даже во время войны она сыграла известную роль для развития туземной промышленности и торговли.

¹ Мин. ин. дел. Сборник дипломатических документов и т. д., стр. 35. Подчеркнуто мной. А. Н.

ПОЛОЖЕНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ И ПРОМЫШЛЕННОЙ БУРЖУАЗИИ

В промышленном отношении Турция до войны характеризовалась чрезвычайной отсталостью, бывшей одной из существенных черт, которые отличали Турцию как полуколонию империализма. Огромные ископаемые богатства ее почти не разрабатывались, несмотря на то, что иностранные капиталисты получали массу концессий на их разработку и боролись между собой за получение этих концессий; вернее, они не разрабатывались именно потому, что концессии на их разработку попадали в руки иностранцев, и по двум причинам — во-первых, потому что капиталисты каждой страны старались захватить в свои руки концессии не только для того, чтобы им досталась разработка известных ископаемых, но и с целью не допустить, чтобы эти концессии попали в руки капиталистов другой страны. Мы не можем здесь подробно останавливаться на этом моменте, сыгравшем роль огромного тормоза экономическому развитию Турции; для иллюстрации нашего положения приведем только один документ, касающийся борьбы русского империализма за концессии на угольные копи в Гераклеийском угольном бассейне.

Документ этот следующего содержания:

«Посол в Константинополе министру иностранных дел.
Телеграмма № 5, 3(16) января 1914 г.

Русские подданные банкиры братья Маврокордато выехали в Париж ходатайствовать о поддержке Русско-Азиатским банком покупки ими в Гераклеийском угольном бассейне концессии на угольные копи и железнодорожную ветку от копей до порта, на которую они имеют уже опцион. Концессии эти смежны с участками, недавно приобретенными немецкими капиталистами и Дейче Банк. Появление германских интересов на берегу Черного моря мы не можем приветствовать, а потому я считал бы крайне желательным, в целях создания помехи дальнейшему их распространению, приобретение названными русскими лицами указанных выше концессий. Ходатайствую о мощной поддержке вашим высокопревосходительством этой политической необходимости.

Гирс».

На этом документе «собственной его императорского величества рукой» написано: «следует поддержать».¹

Комментарии, разумеется, излишни. Иностранные капиталисты, получив десятки концессий на разработку ископаемых богатств, на деле разрабатывали лишь единицы.

Вторая причина заключалась в том, что иностранные капиталисты, которые вели разработку тех или иных ископаемых, производили ее хищническими методами, не применяя никаких новейших технических усовершенствований, стараясь разработать лишь ископаемые, близко прилегающие к поверхности земли, не требующие большого вложения капитала. Основной метод, применявшийся ими, заключался в беспощадной эксплуатации дешевой рабочей силы, что было для них основным источником сверхприбыли.

Достаточно ярким примером в этом отношении является французское общество «Гераклея» по добыче угля в угольном бассейне на Черном море. Существовая с 1896 г., эта компания, которая действует и сейчас, применяла самые отсталые методы разработки. Иностранный капитал, препятствуя развитию туземной промышленности, сам мало в ней участвовал. Как сообщает Зурабов: «по официальным сведениям из 1.5 млрд. рублей английского, французского, германского капиталов только 5% вложены в промышленные предприятия, да и то в каменноугольное дело, обслуживающее тот же транспорт».² Более всего иностранный капитал участвовал в добывающей промышленности — вся имевшаяся промышленность этого рода была в его руках. В этой отрасли был главным образом представлен французский капитал. Промышленность, связанную с постройкой и ремонтом военных судов, прибрал к своим рукам английский капитал. В декабре 1913 г. судостроительные фирмы Armstrong, Withworth and Co Ltd и Wickers Ltd получили концессии на создание общества «Société Impériale Ottomane. Co intéressée des constructions maritimes de docks et arsenaux».

Это общество получило право на реконструкцию арсеналов на Золотом Роге и в Измиде, на постройку пловучих доков, мощ-

¹ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917 гг. Изд. Комиссии при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма под предс. М. Н. Покровского. Серия III, 1914—1917, т. 1, стр. 31.

² А. Зурабов. Германский империализм в Турции. Летопись, 1917, май—июнь, № 5—6, стр. 288.

ностью в 32 000 тонн, и ремонт военных и торговых судов. Оно имело монополию на постройку военных судов, которые морское министерство хотело бы построить внутри страны. В случае, если бы правительство пожелало построить новые доки и арсеналы, оно должно было бы сперва обратиться к этому обществу. Для ремонта и строительства турецких судов должен был употребляться только английский материал.¹ Благодаря этому договору турецкий флот попадал в руки англичан, тем более, что во главе его стоял английский адмирал. Торговые суда, кроме судов небольших размеров, в Турции не строились. Но ремонт торговых судов также был монополизирован в Константинополе англичанами в лице общества «*Société Ottomane des docks et ateliers du Haut-Bosphore (Stenia)*», которое построило верфь на Босфоре в бухте Стения. Оба английских общества вошли друг с другом в тесную связь. Война уничтожила эту английскую монополию в области судостроения: в ноябре 1914 г. концессии были аннулированы и верфь общества «*Stenia*» перешла в руки государства.²

В обрабатывающей промышленности иностранный капитал участвовал лишь в тех отраслях, которые были связаны с первичной обработкой экспортных продуктов (хлопка, табака, изюма, инжира и др.) или которые изготовляли промышленные товары на экспорт. К числу последних принадлежат главным образом ковры. Главную роль в этих отраслях промышленности играл английский капитал (кроме табака) как основной экспортер этих товаров. В области ковровой была создана в 1908 г. единая английская компания «*Carpet Manufacturer Co*», куда вошли шесть крупнейших и старейших английских фирм. Это общество, имевшее вначале основной капитал в размере 400 тыс. лир, который был затем увеличен до 1 млн. лир, поставило производство ковров в крупном масштабе, покупало большими партиями шерсть, заставляло ее мыть, прядь и красить и полученную пряжу распределяло среди вязальщиков как по окружающим деревням, так и в своих собственных крупных ковровых мануфактурах. Вязальщикам давались определенные образцы ковров, которые они должны были скопировать. Таким образом, как выражается Herlt, «на фантазию вязальщиц были наложены определенные узы,

¹ Gustav Herlt. Englische Monopole in der Türkei. Archiv für Wirtschaftsforsch. im Orient, 1916, H. 2, S. 306.

² Ibidem, p. 307.

и старое искусство передневносточных стран было превращено в механическое копирование по образцам».

Импералисты выступали, как видим, в роли купцов-скупщиков, поставивших себе на службу домашнюю промышленность крестьян, которых они по существу превратили в своих наемных рабочих. Какова была эксплуатация этих производителей ковров, показывают размеры их заработков. Оплата производилась из расчета определенного количества узлов и варьировалась в зависимости от места производства. В Смирне за 1700 узлов платили 40 пара золотом (20 пфеннигов), в Ушаке эту сумму платили уже за 2200 узлов, в Кыркагаче за 2400, в Спарте за 2600 и в Сивасе за 3000. Таким образом, чем дальше от более развитых районов вглубь Анатолии, тем более понижалась зарплата. Так как рабочий мог сделать в день от 5000 до 6000 узлов, то, следовательно, его дневной заработок составлял в Смирне 3—3.5, в Ушаке — 2.3—2.7, в Спарте — 1.9—2.3 и в Сивасе — 1.6—2 пиастра золотом (1 зол. пиастр стоил до войны 8.6 коп.) Еще ниже была оплата в крупных мануфактурах «Oriental Carpet Company».¹ Главные кадры ковровых рабочих составляли женщины.

Мы привели этот пример с ковровой промышленностью для того, чтобы показать, что империалисты, поскольку они участвовали в турецкой промышленности, действовали путем применения самых отсталых методов и путем наибольшей эксплуатации рабочих.

Отрасли промышленности, которые обслуживали внутренний рынок, переживали застой. Благодаря всей системе империалистического закабаления страны, в частности, системе капитуляций, благодаря импорту дешевых иностранных товаров, большая часть этих отраслей погибла. Большую устойчивость сохранили те отрасли промышленности, которые удовлетворяли специфические потребности внутреннего рынка (изготовление грубошерстной одежды крестьян, деревянной обуви, предметов домашнего обихода, готового платья, примитивных орудий сельскохозяйственного труда, кондитерское производство, хлебопечение и т. д.). Эти отрасли были связаны главным образом с крестьянским рынком. Формы этой промышленности — либо ремесло, либо

¹Nourullah Essad. Gewerbe und Industrie. Сборник «Die Türkische Republik» etc., S. 82.

мелкое товаропроизводство. Живучесть этих отраслей объясняется теми моментами, которыми объяснял т. Ленин живучесть мелких промыслов: «рынок крайне узок, расстояние от производителя до потребителя невелико, ничтожные размеры производства легко приспособляются к мало колеблющемуся местному спросу. Поэтому наибольшая устойчивость характеризует промышленность на этой стадии [т. е. на стадии мелкого товаропроизводства. А. Н.], но эта устойчивость равносильна застою техники и сохранению патриархальных общественных отношений, опутанных всяческими остатками средневековых традиций».¹ Эта живучесть ряда отраслей турецкой туземной промышленности уже обращала на себя внимание исследователей. Так, знаток турецкой промышленности Н. Honig пишет: «Прядение и тканье на дому еще не исчезло из турецкого дома. Вплоть до нашего столетия эта промышленность, достигавшая когда-то высокого расцвета, продукция которой посылалась во все страны Средиземного и Черного морей, обнаруживает нигде невиданную жизнеспособность. Сильно прижатая конкуренцией иностранных фабрикантов, она медленными темпами уже издавна продлевает процесс изменения, старые застывшие формы начинают отпадать одна за другой и превращаться в более современные».² Это относится не ко всей домашней и ремесленной ткацкой и прядильной промышленности, а лишь к тем, которые, как мы говорили выше, обслуживают специфические местные потребности.

Фабрично-заводская промышленность была очень слабо развита в Турции. Мы имеем неполные сведения (данные промышленной переписи за 1913 и 1915 гг.)³ о той группе турецкой промышленности, которую можно причислить в основном к фабрично-заводской, потому что в перепись вошли лишь предприятия, в которых работало не менее 10 человек при наличии двигателя и не менее 20 при отсутствии такового. Данные этой переписи не охватывают промышленности всей Турции, так как она была произведена лишь в Константинопольском вилайете и городах—Смирне, Брусе, Пандерме, Ушаке и Измиде.

В перепись не вошли такие отрасли промышленности, как угольная и вообще почти вся добывающая промышленность, не

¹ Ленин. Развитие капитализма в России. Собр. соч., 2 изд., т. III, стр. 426.

² Honig. Über Industrie und Handwerk in Konstantinopel. Archiv für Wirtschaftsforsch. im Orient, 1916, H. 3—4, S. 436.

³ 1329 ve 1331 seneleri sanayi istatistikisi. Istanbul, 1333—1917.

вошла промышленность таких районов, как побережье Средиземного и Черного морей. По условиям военного времени не вошла в перепись также и металлообрабатывающая промышленность. Следовательно, данные этой переписи охватывают только наиболее крупные турецкие предприятия, и притом расположенные только в Западной Анатолии.¹

Правда, в предисловии к переписи утверждается, что в этом районе сосредоточено 90% всей турецкой промышленности, но мы позволяем себе с этим не согласиться. Несомненно все же, что большая часть ее была расположена в этом районе. Согласно данным этой переписи, в 1913 г. было 269 предприятий, в которых работало 16 975 рабочих и служащих (последних 666 чел.). По отдельным группам и отраслям промышленности предприятия и рабочие распределяются следующим образом (см. табл. 11).

Приведенные данные показывают, что в турецкой довоенной промышленности преобладали две отрасли — текстильная и пищевая. Но достаточно просмотреть состав этих промышленных групп, чтобы убедиться в неполноценности цифр, которую мы отмечаем выше: в текстильной группе отсутствует большая часть ковровой промышленности² и промышленность по первичной обработке хлопка, а в пищевой не представлены все предприятия по сушке и сортировке фруктов (главным образом изюма и инжира) и по первичной обработке табака.

Если бы промышленность была охвачена переписью полнее, то несомненно, что на первом месте находилась бы пищевая промышленность.

¹ Незнание этого факта привело некоторых наших авторов к недоразумениям. Дело в том, что на русском языке впервые данные этой переписи приведены в работе И. Бутаева «Проблемы Турции», изд. «Прибой» 1925 г., который в свою очередь заимствовал их из вторых рук — из статьи F. Hoffman'a «Промышленность Турции», помещенной в «Weltwirtschaftliches Archiv», № 14 за 1919 г. Как это ни странно, но Бутаев не сообщает того важного обстоятельства, что в перепись вошли лишь предприятия, отвечающие известному цензу (который мы указали выше). У последнего заимствовали эти данные все другие авторы, которые пользуются ими для сравнения с данными последующих промышленных переписей, построенных на совершенно иных основаниях, что, естественно, приводит к недоразумениям и ошибкам. Подробно об этом см. нашу статью в «Революционном Востоке», № 9—10 за 1930 г. «К вопросу об экономическом кризисе в Турции».

² Составители переписи объясняют это тем, что работа по изготовлению ковров производится главным образом на дому. «Перепись», стр. 103.

Таблица 11

Наименование группы и отрасли промышленности	Количество предприятий	Количество рабочих и служащих
П и щ е в а я		
1) Мукомольная	31	953
2) Макаaronная	9	179
3) Кондитерская	18	324
4) Консервная	8	274
5) Пивоваренная	4	367
6) Изготовление льда	4	75
7) Табачная	2	2 109
	76	4 281
М и н е р а л ь н а я		
1) Кирпичная	7	273
2) Известковая	6	66
3) Цементная	2	452
4) Цементные изделия	3	99
5) Фарфоровая и хрустальная	2	90
	20	980
К о ж е в е н н а я		
1) Выделка кожи	12	930
	12	930
Д е р е в о о б д е л о ч н а я		
1) Столярная	10	405
2) Изготовление ящиков	8	280
3) Прочие деревообдел. отрасли	1	20
	19	705
Т е к с т и л ь н а я		
1) Шерстяная пряжа и ткани	13	2 402
2) Хлопчатобумажная пряжа и ткани	3	612
3) Изготовление шелка-сырца	41	3 648
4) Шелковые ткани	6	806
5) Прочие текстильные отрасли	12	297
	75	7 765

Наименование группы и отрасли промышленности	Количество предприятий	Количество рабочих и служащих
Б у м а ж н а я		
1) Изгот. папиросной бумаги	12	550
2) Типографии и отрасли производства бум. изделий	43	1 347
	55	1 897
Х и м и ч е с к а я		
1) Маслобойни	5	121
2) Мыловаренная	3	85
3) Изготовление дубильного экстракта из валоней	2	140
4) Прочие отрасли хим. промышлен- ности	2	71
	12	417
Итого	269	16 975

Так или иначе, при всех недостатках переписи, она нам все же дает достаточное представление о той низкой ступени развития турецкой промышленности, на которой ее задержал иностранный капитал совместно с феодальным режимом.¹

Младотурки стали применять методы поощрения развития туземной промышленности, но они это делали соответственно своей классовой природе трусливо и нерешительно, их мероприятия не затрагивали иностранный капитал, а между тем для того, чтобы добиться существенных результатов в области промышленного развития страны, необходимо было прежде всего повести решительную борьбу с империалистическим засильем.

Основным документом, характеризующим промышленную политику младотурок, является закон о поощрении промышленности, изданный 1 декабря 1913 г. Фактом, характеризующим эту политику как трусливую и нерешительную, является уже то, что целых пять лет понадобилось младотуркам на издание этого

¹ Укажем еще вдобавок, что в 1915 г. вся промышленность располагала механической энергией всего в 20 977 лощ. сил, из которых три четверти падало на паровые двигатели.

закона. Еще больше характеризует эти черты политики младотурок сам закон.¹

Последний устанавливает ряд льгот и привилегий для промышленных предприятий. Правом их получения пользуются все фабрики и заводы, как уже существующие, так и те, которые будут построены, если они отвечают следующим трем условиям: 1) если они обладают двигателем не менее пяти лош. сил; 2) если они стоят вместе со строениями, пристройками, машинами и инструментами минимум тысячу лир; 3) если они имеют в течение года не менее 750 рабочих дней.

Предприятия, не отвечающие этим условиям, также пользуются льготами, но уже меньшими. Закон, следовательно, распространяет право на льготы на очень широкий круг предприятий, включая большинство мелких предприятий, из которых и состояла главным образом турецкая промышленность. Льготы и привилегии, предоставляемые законом предприятиям, состояли в следующем:

а) государство предоставляло им безвозмездно земельный участок размером до 5 денюмов; если нужный участок принадлежит эвкафу,² то он также передается промышленнику, причем стоимость участка уплачивается эвкафу государством;

б) предприятие вместе со всем имуществом, в том числе и земельным, освобождается от всех налогов;

в) разрешается беспошлинный импорт необходимого сырья, машин и материалов;

г) государство обязуется потреблять для своих нужд, в той мере, в какой это будет возможным, продукты собственного производства;

д) изготовленная внутри страны продукция, предназначенная для экспорта, освобождается от экспортных пошлин и т. д.

Предприятиям, пользующимся указанными льготами, вменяется в обязанность, чтобы служащие и рабочие были из османских подданных, кроме специалистов, которых нет в стране. Срок действия закона — 15 лет.

Казалось бы, что закон охватывает большинство турецких предприятий, дает достаточное количество привилегий и льгот, и обвинять законодателей в нерешительности нельзя. Однако, воз-

¹ 1926 Türkiye Salnamesi. Teşviki Sanayi Kanunu.

² Духовному ведомству.

никает весьма важный вопрос: распространялся ли этот закон на иностранцев? Оказывается, что — да. Иностранцам также было предоставлено право пользоваться льготами и привилегиями при условии выполнения ими закона о земельной собственности для иностранцев, подчинения их турецким законам и уплаты ими государственных налогов и муниципальных сборов (ст. 6).

Лишь на концессионные общества, действующие на основе заключенных договоров, закон не распространялся (ст. 23). При таком положении, когда иностранцы не только не лишались тех преимуществ, которые они имели, в особенности прав капитуляций, а могли еще пользоваться новыми наравне с турками, когда таможенная система оставалась без изменений, когда в руках иностранцев находилась вся кредитная система, закон дать многое не мог. Лишь во время мировой войны, когда главные страны-импортеры — Англия, Франция, Россия и Италия находились с Турцией в состоянии войны, младотурецкое правительство внесло изменение в закон о поощрении промышленности в части, касающейся распространения льгот на иностранцев, и 14 марта 1915 г. постановило: привилегии и льготы, предоставляемые законом о поощрении промышленности, предназначены исключительно для османских подданных и османских анонимных обществ. Льготы, данные иностранцам прежде, сохраняются. Остаются они в силе и при переходе предприятия к османским подданным. В случае передачи предприятия иностранцам или по наследству льготы полностью анулируются.

Немецкий экономист N. Honig, изображавший, наряду с другими ему подобными, дело таким образом, что во время войны экономика Турции при содействии Германии обнаружила широкое развитие, писал, что во время войны имелись налицо три условия для осуществления развития турецкой промышленности: 1) отмена капитуляций; 2) поощрение промышленности младотурецким правительством, 3) союз с центральными державами. Первое дает возможность поощрения промышленности, второе выражено в принятии нового протекционистского таможенного тарифа, а третье выражается в экономической реорганизации путем немецкого сотрудничества и применения немецких капиталов.¹ В чем выражалось «немецкое сотрудничество», мы обстоятельно осветим в особой главе. Точно так же мы особо коснемся вопроса о протекционистском тарифе. Несомненно, что отмена капитуляций, резкое сокращение импорта

¹ N. Honig. Op. cit., S. 421.

и протекционистская политика младотурецкого правительства дали толчок развитию отдельных отраслей промышленности во время войны. Но нельзя подходить с о б щ е й меркой ко в с е м отраслям промышленности и делать вывод, что в с я турецкая промышленность во время войны обнаружила рост. Нельзя забывать того факта, что значительная часть турецкой промышленности состояла из предприятий по первичной обработке экспортного сырья. Прекращение внешней торговли вследствие войны должно было нанести — и нанесло этим отраслям огромный удар. Необходим дифференцированный анализ положения разных отраслей, для того чтобы получить подлинную картину состояния турецкой промышленности во время войны.

Нам уже приходилось указывать на ошибочность той точки зрения, согласно которой сразу же после вступления Турции в войну началось развитие турецкой промышленности.¹ Мы, на основе анализа данных промышленной переписи 1913 и 1915 гг., показали, наоборот, что с вступлением Турции в войну промышленности был нанесен жестокий удар, от которого многие отрасли не могли оправиться ряд лет после войны.

Подтверждение своей точки зрения мы получили у Ahmed Emin'a, который пишет: «Накануне войны Турция находилась в состоянии большой промышленной и торговой активности. Мобилизация ударила по деловой жизни страны, как молния среди ясного неба». И в другом месте: «Мелкая промышленность равным образом была изуродована призывом в армию всех классов».²

Наконец, сводка донесений секретной агентуры царской армии сообщает 28 октября 1914 г.: «тысячи турецких рабочих остались без работы».³

Действительно, материалы переписи рисуют нам такую картину: в 1913 г. было 269 предприятий, в 1915 г.—282, таким образом за этот двухлетний период возникло 13 новых предприятий. Возникли за это время следующие предприятия: 2 мельницы, 1 цементный завод, 1 кожевенный завод, 2 строительных предприятия, 3 текстильных фабрики (в том числе 2 хлопчатобумажных), 3 плотничьих предприятия и 1 химическое. Следова-

¹ А. Новичев. К вопросу об экономическом кризисе в Турции. «Революционный Восток», 1930, № 9—10, стр. 183.

² Ahmed Emin. Op. cit., p. 108.

³ В. И. А., д. № 643. Сведения, касающиеся экономического положения, Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, л. 12.

тельно, прав Ahmed Emin, когда он говорит о промышленной активности накануне войны. Но нам станет ясным, к чему привело вступление в войну, если мы рассмотрим количество действующих предприятий. Тогда картина резко меняется. В 1913 г. действовало 90% предприятий, охваченных переписью, а в 1915 г.— 69%. Какие предприятия прекратили работу и сколько, показывает следующая таблица, которую мы заимствуем из нашей цитированной выше работы, составленной на основе материалов переписи:

Т а б л и ц а 12

Виды промышленных предприятий	Число закрывшихся
Мельницы	5 (из 33)
Фабрики льда	3 (из 4)
Консервные фабрики	3 (из 8)
Кондитерские предприятия	5 (из 18)
Пивные заводы	2 (из 4)
Кожевенные заводы	1 (из 13)
Кирпичные заводы	7 (из 7)
Известковые заводы	1 (из 6)
Цементные заводы и предприятия	3 (из 6)
Фаянсовые и хрустальные предприятия	1 (из 2)
Плотничьи предприятия	1 (из 13)
Предприятия по изготовл. упаков. ящиков	3 (из 8)
Прочие деревообделочн. предпр.	1 (из 3)
Фабрики для изготовления шерст. пряжей и тканей	6 (из 13)
Хлопчатобумажн. фабрики	1 (из 5)
Фабрики для выработки шелка-сырца	21 (из 41)
Шелко-ткацкие фабрики	4 (из 6)
Разные текстильные предприятия	5 (из 13)
Всего закрылось по текстильной группе предприятий	37 (из 73)
Типографии и отрасли промышленности, производящие бум. изд.	42 (из 42)
Предприятия для выработки масел	3 (из 4)
Фабрики по изготовлению валонейн. экстракта	2 (из 2)
Разные химические предприятия	2 (из 3)
Всего закрылось	82 предприятия

Однако, одни эти цифры еще недостаточны для того, чтобы составить себе представление о падении производства в той или иной отрасли. Возможен рост продукции при сокращении количества предприятий вследствие большей нагрузки остальных (так обстоит, например, с мукомольным производством), возможно обратное положение, когда оставшиеся предприятия работают с меньшей нагрузкой. Лучшим критерием при этом является динамика продукции, притом не по стоимости, так как таковая может расти за счет роста цен, а по массе. Поэтому мы приведем данные о продукции за 1913 и 1915 гг. именно по массе, а в тех случаях, когда подобные данные будут отсутствовать — по стоимости. Здесь мы приведем лишь данные об отраслях, производство коих сократилось. Данные же о продукции тех отраслей, которые обнаружили рост, мы приведем ниже. Цифры таковы:

Т а б л и ц а 13

Производства	Вес (в кг)		‰ к 1913 г.	Стоимость в зол. лирах		‰ к 1913 г.
	1913 г.	1915 г.		1913 г.	1915 г.	
Производство сладостей	6 997 110	527 750	7.5	223 733	42 201	18.8
Табак	—	—	—	1 923 932	1 645 018	85.7
Минеральная группа в целом	—	—	—	133 825	26 838	20.0
Ш е р с т я н а я пряжа	1 675 064	33 336	19.9	27 638	6 000	21.7
Шелк-сырец	125 992	65 400	52.0	2 398 385	915 600	38.3
Шелковые ткани	—	—	—	11 031	5 148	46.7
Шерстяные и бумажные ткани	—	—	—	27 262	3 850	14.1
Халаты, сети, кушаки, фески, ковры, подделки и пр	—	—	—	32 754	12 004	36.6
Столярное	—	—	—	45 628	25 901	56.7
Изготовление ящиков	—	—	—	65 000	26 500	40.6

Обе приведенные таблицы показывают нам, с какой резкостью война ударила по ряду отраслей производства. Производство сладостей почти прекратилось, хотя из 18 предприятий закрылось только пять, следовательно, нагрузка оставшихся упала. Причина

этого нам станет более понятной, если мы приведем еще некоторые дополнительные данные. Главное место в этой отрасли производства занимало производство муки для халвы, халвы, рахат-лукума и т. п. Из всего количества произведенной продукции, в размере около 7 млн. кг на сумму в 223.7 тыс. зол. лир, 4 163.9 тыс. кг на сумму в 135.1 тыс. лир было экспортировано.

Следовательно, непосредственной причиной падения этой отрасли производства было прекращение внешней торговли из-за войны.

На 80% сократилось производство шерстяной пряжи, которая шла на изготовление ковров. Опять-таки, причиной этого являлось сокращение экспорта. По этой же причине сократилось производство шелка-сырца. В этой отрасли, в отличие от всех прочих, наблюдалось еще понижение цен. Более чем наполовину сократилось в 1915 г. производство шелковых тканей, также бывших в значительной мере предметом экспорта. В результате мировой войны шелковая промышленность была почти целиком разрушена. Как сообщает профессор Ali Madschid, продукция этой отрасли в результате мировой войны упала на 85%.¹ Упало производство и таких отраслей, которые связаны с экспортом, например, ящичного и др.

Из других крупных отраслей турецкой промышленности, производство коих пало по тем же причинам, надо упомянуть ковровую, табачную, хлопкоочистительную, маслобойную и ряд других.

Сокращение ковровой промышленности косвенно рисуется падением выработки шерстяной пряжи, которое мы отметили выше.

По остальным отраслям такими косвенными показателями могут служить приведенные в главе о сельском хозяйстве данные о сокращении производства сырья, подвергавшегося первичной обработке — табака, хлопка и олив. Говоря об упадке табачной промышленности, надо иметь еще в виду невозможность доставки продукции из лучшего табачного района Турции — Черноморского побережья — в Константинополь и другие потребительские центры ввиду того, что русские военные суда топили турецкие транс-

¹ Ali Madschid. Seidenraupenzucht und Seidenindustrie. Сб. „Die Türkische Republik u. s. w.“, S. 94.

порты. Наряду, однако, с падением производства в отраслях, связанных с экспортом, пало и производство в ряде отраслей, обслуживавших внутренний рынок, главным образом крестьянский, ввиду резкого сокращения покупательской способности разоренного крестьянства. Об этом свидетельствуют приведенные данные о сокращении производства шерстяного и бумажного трико, халатов, сетей, столярных изделий и т. п.

Сократилось и производство ряда продуктов городского потребления, напр., пива. Продукция пива в годы войны по данным, приведенным у Ahmed Emin'a, была такова:

1914 г.	7 598 330 кг
1915 »	6 518 288 »
1916 »	5 106 706 »
1917 »	2 076 231 »
1918 »	4 277 881 »

Сократившееся вследствие войны строительство также вызвало кризис в промышленности, изготовлявшей строительные материалы, как кирпич (закрылись все предприятия), известь и пр.

Сильный упадок вследствие войны переживали не только перечисленные отрасли обрабатывающей промышленности, но также и ряд отраслей добывающей промышленности Турции. Важнейшая в Турции отрасль добывающей промышленности — угольная сократила свое производство абсолютно и относительно следующим образом:

Т а б л и ц а 14
Добыча угля в Эрегли-Зунгулдакском бассейне¹

Г о д ы	Добыто угля в тыс. т	%
1913	827	100.0
1914	651	78.7
1915	420	52.0
1916	408	49.4
1917	146	17.7
1918	186	22.5

¹ İstatistik Yılı, cilt 5, 1931—1932, p. 223.

Столь резкое сокращение добычи угля объясняется отнюдь не падением потребности в нем, а невозможностью его вывоза из бассейна в Константинополь и другие потребительские центры страны. Железной дороги, которая соединяла бы Эрегли-Зунгулдакский угольный бассейн с страной, не было,¹ до войны вся доставка производилась морем, но во время войны она стала невозможной — русские военные суда топили все угольные транспортные и обстреливали Эрегли и Зунгулдак. Все снабжение углем столицы производилось маленькими суденышками-фелюгами (они доставляли около 2000 т ежемесячно), которые погибали тысячами под жерлами русских пушек. Эрегли-Зунгулдакский угольный бассейн, принадлежавший французскому обществу «Гераклея», переменил во время войны своего хозяина: контроль над ним во время войны взяло турецкое правительство, а в 1917 г. образовалась особая группа немецких капиталистов с представителями Дейче Банка во главе для эксплуатации этого бассейна.² Таким образом немцы захватили во время войны эту важную позицию французского капитала, но продукция, однако, не возросла от этого. Доставкой и распоряжением углем ведало «Угольное бюро», во главе которого стоял германский офицер.

Сильно сократилась добыча соли. По данным Администрации оттоманского долга, приведенным у Ahmed Emin'a, добыча соли в годы войны была такова:

Средняя ежегодная добыча за пятилетие до войны равнялась 350 000 т.

Во время войны добыча равнялась (1913 г. принят за 100):

1914 г.	209 320.7 »	59.8
1915 »	153 624.4 »	43.6
1916 »	159 215.9 »	45.5
1917 »	140 875.5 »	40.2
1918 »	163 606.7 »	46.8

Падение добычи соли в столь сильной пропорции несомненно имело своей основной причиной сокращение ее потребления крестьянством.

Итак, одной части турецкой промышленности во время войны был нанесен огромный удар, притом главным образом той,

¹ В 1916 г. Дейче Банк получил концессию на постройку железной дороги внутри страны (к Боу), но дорогу не построил. См. «Раздел Азиатской Турции», стр. 315, прим. 3.

² Там же.

которая была связана с экспортом и зависела от иностранного рынка.

Наряду с этим мы имели в Турции во время войны и обратный процесс — процесс роста ряда отраслей промышленности. Отраслями, выросшими и вновь появившимися во время войны, были те, которые обслуживали, во-первых, потребности военного ведомства продуктами, необходимыми для армии, и, во-вторых, внутренний рынок, замещая либо в натуральном виде, либо в виде суррогата те товары, которые до войны импортировались из-за границы.

К числу отраслей, которые обслуживали непосредственно военное ведомство, относится добыча некоторых руд, например, хромистого железа. Мы не располагаем подробными данными о добыче хрома за весь период войны, но по сведениям, сообщаемым приват-доцентом Hamid Nafiz'ом, добыча равнялась в 1913 г. 20 094 620 кг, в 1914 г. 9 826 252 кг, в 1915 г. 33 807 077 кг.¹ Добычу производила немецкая фирма Крупп.

Увеличилась также и добыча медных руд в Аргане. Конкретными цифрами мы не располагаем, но известно, что если до 1914 г. добыча меди (почти вся добывавшаяся медь скупалась англичанами) производилась кустарным способом, то с 1914 г. началась правильная эксплуатация рудников под руководством немецких инженеров. Для облегчения вывоза руды к Диарбекиру была проложена узкоколейная железная дорога.²

Для нужд армии начала добываться в стране сера, которая ранее ввозилась из-за границы. Увеличилась также и добыча бурого угля вследствие невозможности доставки каменного угля из Гераклеийского бассейна. В шахте Барбарос на Мраморном море работало 650 рабочих-турок под руководством 1 инженер-механика германского флота, 4 унтер-офицеров и 8 матросов (немцев). В этой шахте ежедневно добывалось 134 т, а всего было добыто 29 000 т. В другой шахте Шефкетие было добыто 12 000 т. В шахте Аясма на Черном море добывалось ежедневно около 300 т бурого угля, в шахте Беклеме — 500 т. Весь добываемый уголь шел на нужды, главным образом, морского

¹ Hamid Nafiz. Über Bodenschätze Kleinasien. Сб. «Die Türkische Republik u. s. w.», S. 73. У автора вкралась досадная ошибка — вместо килограммов показаны тонны.

² «Раздел Азиатской Турции», стр. 294, прим. 4.

флота.¹ До войны в 1907 г. было добыто 31 443 т. бурого угля.²

Однако, добыча бурого угля ни в какой мере не могла компенсировать недостаток топлива, поэтому начали усиленно заготавливать дрова. Железные дороги отапливались главным образом дровами. Для руководства лесным хозяйством был приглашен еще до войны австрийский Oberforstrat Veith в качестве советника министерства торговли и земледелия. Во время войны было приглашено еще несколько австрийских и немецких специалистов-лесоведов. Так, например, референт по лесу по б. немецкой колонии Того в государственном колониальном ведомстве Dr. Metzger был послан в Сирию, а на другого немецкого специалиста было возложено руководство лесными школами.³

Насколько хорошо заботились австрийские и немецкие специалисты о турецком лесном хозяйстве и о ком они заботились, показывает свидетельство такого видного лица, как военнополномоченный Австро-Венгрии в Турции Joseph Pomiankowski, который пишет, что для отопления паровозов были вырублены леса Тавра, Амануса и Либанона.⁴

Для заготовки дров были организованы специальные военные бюро, которые вели заготовку через подрядчиков. Ввиду того, что для работы не хватало рабочих рук, подрядчикам для этой цели давали солдат. По сообщению Ahmed Emin'a, было взято из армии 31 428 солдат, большинство из которых работало по заготовке дров, а часть работала на подрядчиков, поставлявших другие продукты для армии. Этот же автор указывает, что урон, принесенный уничтожением лесов, был так велик, что гораздо дешевле стоило бы построить железную дорогу к Гераклейскому угольному бассейну. По его словам, такую дорогу в военных условиях можно было построить в течение 10—12 месяцев, но

¹ Г. Лорей. Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. ГВИЗ, 1934, стр. 256.

² Honig. Statistische Tabellen über die Minen der Türkei, Tabele VI. Из сборника под ред. Gugo Crothe «Die Grundlagen türkischer Wirtschaftsjüngung».

³ Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Обзор за период с 1 мая по 30 сентября 1916 г. Weltw. Archiv, Bd. 9, H. 2, S. 109*.

⁴ Joseph Pomianowsky. Der Zusammenbruch des ottomanischen Reiches. Wien, 1928, стр. 50.

считали, что после войны она будет нерентабельной в сравнении с морским путем.

Говоря «в военных условиях», автор, надо полагать, имеет в виду употребление дарового труда солдат. Направление солдат подрядчикам и предпринимателям для работы было очень распространено в Турции во время войны. Использование дарового труда рабочих и крестьян, одетых в солдатскую форму, было для турецкой буржуазии одним из немаловажных источников накопления во время войны. Солдаты использовались как в одиночку, так и группами и целыми рабочими батальонами (на ремонте дорог, например).¹

Некоторые отрасли обрабатывающей промышленности расширили свое производство для удовлетворения потребности армии. Ряд фабрик, заводов, мастерских производили амуницию и военные материалы, вследствие чего, в частности, выросла в Турции промышленность по обработке металлов. Большой толчок для своего развития получила кожевенная промышленность, в частности, возросло изготовление седел и хомутов. По этой же причине текстильные фабрики также увеличили свое производство. Например, государственная фабрика в Хереке (40 км от Измита), изготовлявшая грубые сукна для армии, имевшая в 1912 г. 800 рабочих, была дооборудована немецкими машинами (раньше текстильные фабрики Турции снабжались исключительно английскими машинами) и увеличила число своих рабочих вдвое. Была выстроена одним турецким инженером суконная фабрика в Эюбе (вблизи Константинополя).²

В Адане была построена фабрика для изготовления перевязочной ваты и т. п. Для нужд армии же был выстроен в Ада-Базаре завод для изготовления телег, который изготовлял также предметы крестьянского обихода. Это предприятие было выстроено обществом, которому протезировало военное министерство. Руководство этим заводом принадлежало немецким инженерам. Фирмой Крупп был выстроен в Константинополе стекольный завод.

¹ Наряду с этим посылка солдат для работы сделалась удобной формой для того, чтобы уклониться от действительной военной службы для тех, которые могли за это заплатить как следует, т. е. для богатого населения. Взятчики из военного ведомства развернули широкую деятельность по продаже соответствующих документов.

² N. Honig. Über Industrie und Handwerk in Konstantinopel. Arch. für Wirtschaft. im Orient, 1916, Bd. 3—4, S. 440.

Также в целях удовлетворения нужд армии при активном участии военного министерства была развита спиртовая промышленность, для которой сырьем служил инжир. В 1917 г. было построено два спиртовых завода — один военным министерством, другой частным лицом — турком. Тем самым была создана в Турции и спиртовая промышленность, которая до войны отсутствовала. Продукция сырого алкоголя, по данным Ahmed Emin'a составлявшая в 1914 г. только 386 кг, равнялась 21 463 кг в 1915 г.; 75 405 кг в 1916 г. и 965 336 кг (в результате постройки двух новых заводов) в 1917 г. Возросла и выработка турецкой водки — с 2 860 477 кг в 1914 г. и 2 130 192 кг в 1915 г. до 5 243 358 кг в 1916 г. и 4 589 920 кг в 1917 г. Производство вина, наоборот, упало: в 1914 г. оно дало 12 500 250 кг, в 1915 г. — уже 3 886 065 кг, в 1916 г. — 7 861 934 кг и 6 394 345 кг — в 1917 г.

Хотя основными отраслями производства, выросшими во время войны, были те, которые обслуживали интересы военного ведомства, все же ряд отраслей, обслуживавший не только последнее, но и внутренний рынок, также расширил свое производство. Как нам уже приходилось указывать, мировая война привела Турцию в состояние почти полной экономической изоляции. Ее главные пути экономической связи с иностранными государствами — морские — были блокированы неприятельским флотом. Персидская граница не могла стать местом оживленного товарооборота по условиям чрезвычайно плохого транспорта. К тому же русское правительство зорко следило за тем, чтобы русские товары не попадали в Турцию. Оно знало об отсутствии в Турции промышленных товаров, знало и о том, что нужда в них создает дополнительные трудности для его врага. К этому надо добавить, что персидская граница, хотя официально считалась нейтральной, была по существу ареной военных действий между турками, русскими и англичанами. По болгарской границе шло военное снабжение из Германии и Австро-Венгрии и происходили также чрезвычайно ограниченные по своему размеру коммерческие отношения с этими странами.

Вот эта экономическая изоляция Турции и была стимулом для известного развития турецкой промышленности, обслуживавшей внутренний рынок. Уже промышленная статистика за 1913 — 1915 гг. показывает нам рост некоторых отраслей (см. табл. 15).

В приведенной таблице обращает на себя внимание значительное превышение роста в ценностном выражении сравнительно

Т а б л и ц а 15

Наименование производства	Количество		°/о к1913 г.	Стоимость про- дукции в зол. лирах		°/о к1913 г.
	1913	1915		1913	1915	
М е л ь н и ц ы (квинт. муки) .	1 547 301	2 101 731	135.0	2 166 221	3 362 770	155.0
Макаронное . . .	—	—	—	69 443	98 990	142.0
Р а з н ы е к о ж и (в кг.)	208 175	466 787	225.0	41 056	149 386	363.0
О в ч и н а и к о з- л и н н ы е к о ж и (штук)	248 692	738 189	296.0	28 935	109 650	380.0
Грубошерстные сукна (в метрах)	1 388 304	1 833 971	132.0	347 076	495 172	143.0
Папиросная бу- мага и т. п. . .	—	—	—	175 963	295 873	168.0
Мыло	—	—	—	47 883	127 605	265.0

с количественным. Так, в то время как количество муки, полученное в 1915 г., лишь на 35°/о больше количества, полученного в 1913 г., соответствующая стоимость выше на 55°/о и т. д. Это — результат роста цен. Следовательно, в тех случаях, когда увеличение производства иллюстрируется только возросшей стоимостью продукции, надо иметь в виду, что реальное возрастание производства будет ниже.

Несомненно, что указанные выше отрасли обслуживали военное ведомство. Такое производство, как производство грубых сукон, — целиком, изготовление папиросной бумаги, кож и т. д. — большей частью. Внутренний рынок при всем сокращении его покупательской способности во время войны не мог быть удовлетворен турецкими фабриками и заводами. Так, например, стоимость довоенного (в 1913 г.) импорта мыла равнялась 209 300 лирам, а уже в 1915 г. собственного мыла было выработано на 127 605 лир. Вследствие этого создалось большое поле деятельности для всяких мелких товаропроизводителей. Большое развитие во время войны получило производство всяких суррогатов. Так, например, вместо кофе, импорт которого в Турцию был прекращен, изготовлялся суррогат из ячменя и пшеницы и т. д.

Нельзя, однако, переоценивать промышленное развитие Турции во время войны. В основном оно было незначительным, так как промышленность до войны была очень отсталой и была слабо оборудована, а переоборудовать ее во время войны, построить ряд новых крупных предприятий турецкой буржуазии было не под силу.

Младотурецкое правительство делало некоторые попытки поощрять развитие турецкой промышленности. Как мы упоминали выше, в 1915 г. оно изменило закон о поощрении промышленности, отменив для иностранцев право пользования предоставляемыми этим законом льготами и привилегиями.

Повышение таможенных пошлин до 15% в сентябре 1914 г. и до 30% в июне 1915 г. усиливало защиту турецкой промышленности от конкуренции импортных товаров. 30 ноября 1914 г. правительство издало новый закон об акционерных обществах, дополненный законом от 10 августа 1915 г., который имел своей задачей, поскольку большинство акционерных обществ принадлежало иностранцам, подчинить последние действию турецких законов. Этот закон вытекал из факта отмены капитуляций. Он предусматривал, что каждое акционерное общество, желающее работать в Турции, должно подать в министерство торговли заявление, в котором оно должно особо записать свое обязательство подчиняться турецким законам. Закон предусматривает, что все иностранные акционерные общества, которые большую часть своей деятельности проводят в Турции, должны стать турецкими.¹ Отменив для иностранных акционерных обществ старые привилегии, этот закон имел своей задачей оказание содействия развитию как турецкой торговли, так и турецкой промышленности.

В следующем 1916 г. турецкое правительство пошло дальше и впервые в турецкой истории ввело законом от 10 марта — новый дифференцированный весовой таможенный тариф, который носил явно протекционистский характер. Об этом достаточно ярко свидетельствуют ставки на ряд промышленных товаров и отношение размера обложения к стоимости продукции, которые мы приводим в следующей таблице:²

¹ Mehmed Wehbi. Die Stellung der Handels- und Industrie-Gesellschaften in der Türkei. Сб. «Die Türkische Republik u. s. w. », S. 36—37. Более подробно мы изложим этот закон при анализе торговли.

² Dr. Carl Anton Schaffer. Neutürkische Zollpolitik. Arch. f. Wirtschaftsforsch. im Orient, Juli 1916, H. 2.

Т о в а р	Ставка на 100 кг в зол. пиастр. 1916 г.	% к стоимости
Пшеничная мука	95	89
Изюм	560	340
Фруктовые консервы	800	93
Табак (запрещен к импорту)		
Кожа сырая, баранья, козья	2 700	64
Обыкновенная обувь	1 500	40
Обувь из сафьян. кожи	3 300	89
Габот (небелен.)	400	40
Газ, тюль	680	69
Тюль (белен.)	1 320	96
Шелковые ткани	17 500	75
Шелковая пряжа	6 400	145
Готовое платье из хлопч. бумаги	2 000	68
» » » шерсти	4 000	136
» » » шелка	35 000	1 195
Домашнее мыло	100	32
Туалетное мыло	600	191

Правительство в своей таможенной политике руководилось следующими соображениями в отношении промышленности:

Обложить повышенными пошлинами те товары, которые производятся внутри страны или производство которых не вызывает особых трудностей, и незначительными пошлинами те товары, которые требуют продолжительного времени для постановки их производства внутри страны. Однако, много таких товаров, которые не производились и не могли в скором времени производиться внутри страны, были обложены высокими пошлинами, тяжесть которых падала на широкого потребителя. Этот вопрос станет предметом нашего анализа при рассмотрении внешней торговли и таможенной политики во время войны.

Большого значения этот тариф во время войны не имел, потому что внешняя торговля резко сократилась: в 1916 г.—год введения нового тарифа—импорт равнялся 2210 тыс. лир против 41 749 тыс. лир в 1913 г.; к тому же надо еще учесть падение стоимости лиры.

Младотурки выдвинули ряд проектов расширения промышленности, которые исходили от специально созданного в 1917 г. Экономического совета в составе 24 человек, куда входили представители министерств, ведающих хозяйственными вопросами, сенаторы, депутаты, профессора университета, президенты и члены торговых палат и другие лица. Одним из проектов был проект о создании сахарной промышленности в Турции. Было предположено вырабатывать в Турции сахар как из сахарной свеклы, так и сахарного тростника. Для этой цели предполагалось разделить страну на зоны, сообразно их особенностям, для разведения либо сахарной свеклы, либо сахарного тростника. В каждой зоне должен был быть построен сахарный завод, производительностью не менее 500 т. ежегодно. Предполагалось построить 48 заводов.¹ Но широкие планы, подобные приведенному, получили свою реализацию только на бумаге.

Таким образом, предостерегая от переоценки промышленного развития Турции во время войны, мы все же приходим к выводу о том, что некоторые отрасли, главным образом те, которые обслуживали потребности военного ведомства, а также и внутреннего рынка, в частности, мелкая промышленность, обнаружили во время войны известное развитие. Создавшиеся во время войны обрисованные нами условия содействовали привлечению капитала в промышленность, о чем известное представление могут дать следующие сведения об обществах, созданных во время войны:

Т а б л и ц а 17

Р о д о б щ е с т в	Количество	Сумма вложенного капитала (в лирах)
Торговые	} 42	2 298 800
Промышленные		2 863 000
Строительные	} 15	2 019 000
Транспортные		
Страховые	9	1 403 950
Сельскохозяйственные .	6	495 000
Финансовые	16	542 000
Всего	88	9 621 750

¹ Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Обзор за 1917. Weltw. Archiv, Bd. 11, Н. 4, S. 246 *.

Судя по этим данным, из 9 621 750 лир общего капитала на промышленные, куда можно включить и строительные общества, приходится не менее $\frac{1}{3}$. По времени организации эти общества распадаются таким образом: 10 обществ было организовано в 1914 г., 15—в 1915 г., 15—в 1916 г., 29—в 1917 г. и 19—в первые месяцы 1918 г.

Подытоживая анализ развития промышленности в Турции во время мировой войны, мы приходим к следующим выводам:

Одна часть турецкой промышленности, главным образом та, которая была связана с экспортом, переживала во время войны сильный кризис и резко сократила свое производство.

Другая часть турецкой промышленности, обслуживавшая нужды военного ведомства и внутреннего потребления, получившая рынок вследствие почти полного прекращения импорта, поощряемая младотурецким правительством, используя часто даровой или полударовой труд турецких крестьян и рабочих, обнаружила во время войны известное развитие.

Таким образом, турецкая промышленная буржуазия, связанная с экспортом, зависящая от экспорта, сильно ослабела. Наоборот, усилилась та часть промышленной буржуазии, которая имела свои интересы внутри страны, в частности мелкая буржуазия, которая была связана с внутренним рынком и которая развилась именно вследствие прекращения импорта. К этому надо еще добавить следующее: первая часть промышленной буржуазии была по национальности в основном не турецкой, она состояла главным образом из греков, затем армян. Младотурецкое правительство, проводившее пантюркистскую политику, всячески содействовало ее ослаблению методами прямого грабежа — реквизициями всякого рода и т. п. Наоборот, вторая часть промышленной буржуазии была главным образом турецкой по своему национальному составу. Методами протекционизма младотурецкое правительство всячески содействовало ее росту.

Ряд позиций, особенно в добывающей промышленности, захватил немецкий империализм, в том числе и некоторые старые позиции англо-французского капитала.

СОСТОЯНИЕ ТРАНСПОРТА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

За исключением Геджасской ж. д., все прочие железные дороги в довоенной Турции, как и морской транспорт, полностью при-

надлежали империалистам. Борьба за железнодорожные концессии в Турции в эпоху империализма была одним из важнейших моментов борьбы империалистических государств между собой за мировое господство и передел колоний.

Накануне войны Турция располагала следующей железнодорожной сетью:

Восточные ж. д.	466 км
Хайдар-Паша — Анкара . .	578 »
Арифие — Ада-Базар . . .	10 »
Эскишевр — Кония	445 »
Багдадская ж. д.	935 »
Смирна — Касаба	266 »
Ала-Шеирская ж. д.	250 »
Сома — Пандерма	250 »
Дамаск — Хама	682 »
Яффа — Иерусалим	86 »
Мудания — Бруса	41 »
Геджасская ж. д.	1750 »

Всего 5 759 км

Главенствующие позиции в железнодорожном транспорте принадлежали Германии, Франции и Англии. Империалисты не столько строили, сколько препятствовали железнодорожному строительству в Турции, мешая друг другу в получении железнодорожных концессий, опасаясь каждый увеличения политической мощи своих конкурентов.

Обеспеченность Турции железными дорогами сравнительно с другими странами была такова (в 1911 г.).¹

	Количество километров железных дорог	
	на 100 км	на 10 000 жителей
Малая Азия	0.57	3.2
Европейская Турция . .	2.5	3.0
Сирия	0.91	6.8
Германия	11.1	9.5

Эта таблица достаточно убедительно показывает отсталость Турции в транспортном отношении.

Во время мировой войны железнодорожное строительство имело место лишь в небольших размерах и преследовало чисто стратегические цели. К такому строительству принадлежит про-

¹Hecker. Die Eisenbahnen der Asiatischen Türkei. Archiv für Eisenbahnwesen, 1914, Н. 6, S. 1539.

рытие туннеля через Аманус и постройка небольшого участка, соединяющего прерванную в этом месте линию Константинополь — Адана (закончена в январе 1917 г.). Эта же дорога была прервана и в другом месте благодаря отсутствию туннеля через Тавр. Этот туннель был прорыт и был построен участок в 70—80 км; тем самым дорога была соединена и в этом месте. Было закончено строительство дороги Хайфа — Иерусалим.

Турецкое правительство выработало во время войны проект развернутого железнодорожного строительства. Законом от 25 июня 1915 г. правительство запроектировало постройку следующих железных дорог: 1) Самсун — Сивас, 2) Ангора — Сивас — Эрзерум, 3) Эрзерум — Ризе, 4) Родосто — Мураджи (станция на восточной ж. д.), 5) Узун-Кёprü (станция на той же дороге) — Галлиполи.

Первые три дороги были незадолго до войны переданы для постройки французам при заключении последнего до войны займа в Париже. В начале войны турецкое правительство лишило французов их концессионных прав. Последние две дороги (первая протяжением в 44 км, вторая в 79 км) имели главным образом стратегическое значение. На постройку этих дорог был открыт кредит в размере 150 млн. пиастров. О принятии подобного закона сообщает русский военный агент в Греции донесением от 29 июля 1915 г. При этом он сообщает любопытную подробность: «так как свободных средств в данное время нет, то для этого (железнодорожного строительства. А. Н.) взяты остатки наличности кассы министерства народного просвещения». ¹

По сообщению «Frankfurter Zeitung», поместившей в номере от 8 ноября 1915 г. большую статью о новых проектируемых железных дорогах, турецкое правительство предполагало реализовать этот проект менее чем в 10 лет.

Предполагалось для строительства использовать немецкий капитал и немецких специалистов. Другими словами, немцы получили в свои руки крупнейший объект железнодорожного строительства, имевший для них первостепенное политико-стратегическое и экономическое значение. Предполагалось, что новые дороги будут связаны с Багдадской ж. д. через Аргона — Маадэни, и таким образом установится прямой путь от Черного моря к Персидскому заливу. Как указывают сами немецкие авторы, был бы создан путь

¹ В. И. А., д. № 175—726. Сведения военного агента в Греции, л. 20.

Рейн—Рейнско-дунайский канал — Дунай—Черное море—Тигр—Шат-Эль-Араб.

Предполагалось также проложить дорогу от Ада-Базара до Гераклеи, чтобы дать доступ гераклейскому углю во внутрь страны. Во время войны вновь стал предметом обсуждения старый план превращения реки Сусурлу-Чай в судоходную. Эта река протекает по району, богатому зерном, шерстью и другими продуктами. Путем превращения указанной реки в судоходную был бы устроен удобный подъездной путь к Мраморному морю и к Константинополю без перегрузки товаров. Таким образом этот путь очень облегчил бы снабжение Константинополя продовольствием. Эту же цель преследовал и проект превращения в судоходные озера Сабанджа и реки Сакария, благодаря чему был бы открыт водный путь от Мраморного моря к Черному.

Все эти проекты лишь в некоторой части нашли свою реализацию. Еще до принятия законопроекта велись работы по постройке дороги Самсун—Сивас. Так, царский секретный агент сообщал еще в январе 1915 г. о том, что между Ангорой и Сивасом ведутся спешные работы по постройке железной дороги.¹

В декабре 1916 г. агентура доносила:

«До октября с. г. на переход пехотных частей от Ангоры до Сиваса требовалось 12 — 15 дней, в данное время войска проходят этот путь всего в 3 — 4 дня, что дает возможность допустить законченность железнодорожной линии Ангора — Сивас.

По имеющимся сведениям, германо-турецкий генеральный штаб еще в апреле составил проект постройки сети новых стратегических дорог к Сивасу, а в начале июля агентура отмечала усиленный подвоз строительных материалов в Ангору и большую поспешность постройки узкоколейной железной дороги Ангора — Сивас». Однако, в апреле 1917 г. агентура сообщала, что «на участке Ангора — Сивас проводятся только земляные работы, но рельсы еще не укладываются, узкоколейная железная дорога готова часов на 10 пешеходного пути от Ангоры».²

Состояние наличного транспорта было очень скверным. Было всего 280 годных паровозов, 720 пассажирских и 4500 товарных вагонов, из которых $\frac{1}{4}$ нуждалась в ремонте. Из наличного

¹ В. И. А., д. № 175—177. Сводки сведений штабов Кавказской армии и 7-й армии о турецких войсках, л. 33.

² В. И. А., д. № 175—485. Сводка сведений, издаваемых штабом Кавказской армии, л. 487.

вагонного парка можно было составить 100 небольших составов. Маневрирование вагонным и паровозным парком было невозможно, ввиду того, что дороги, принадлежащие различным компаниям, имели разную ширину путей.

И без того изношенный железнодорожный транспорт, во время войны изнашивался еще более. Как сообщает русский военный агент в Швейцарии со слов американского консула в Харпуге: «от Бозанти до Хайдар-паши все паровозы и вагоны кажутся в высшей степени изношенными».

Несмотря на изношенность железнодорожного транспорта, крайний недостаток в нем (60 солдат помещались из-за этого в одном вагоне) и его большую перегруженность, бережного и экономного отношения к нему власти не проявляли. Весьма сложно обстоит вопрос с топливом для транспорта. Доставка угля для паровозных топок была крайне затруднена. В большинстве случаев паровозы отапливались дровами или брикетами из древесного угля. Русский агент в Константинополе в донесении своем от 25 июня 1915 г. сообщает, что «близ ст. Черкез-кей около 3000—4000 рабочих рубят леса для приготовления древесного угля. Приготовленный уголь отправляют в Константинополь, где специальная машина перерабатывает его в порошок, а потом вместе с другими примесями делают угольные кирпичи для отапливания машин пароходов и паровозов».¹

Как мы уже указывали выше, для обеспечения снабжения топливом флота, транспорта, промышленности и прочих отраслей народного хозяйства были предприняты попытки построить железную дорогу до Эрегли. Для постройки этой дороги были созданы специальные рабочие батальоны (амеле-табури) главным образом из не мусульман. Для переноски угля были созданы отряды грузчиков (хамал-табури). Военный агент России в Греции сообщает в своем донесении от 3 июля 1915 г.: «из христиан сделаны амеле-табури, которые строят спешно железную дорогу от Ада-Базара в Эрегли, и хамал-табури, кои носят уголь на плечах до Ада-Базара до 40 кг».²

¹ В. И. А., д. № 176—002. Донесения наших военных агентов во Франции, Англии, Японии, Италии, Румынии, Швейцарии и др. о Турции и турецкой армии за период июль—октябрь 1917 г., л. 28.

² В. И. А., д. № 175—726. Сведения военного агента в Греции. Переписка по выяснению расположения турецких войск, о внутреннем положении Турции и об организации турецкой армии, л. 84.

Итак, положение железнодорожного транспорта было во время войны крайне тяжелым.

В составе собственников турецких железных дорог произошли чрезвычайно важные изменения. Турецкое правительство обратило в государственную собственность все железные дороги, принадлежавшие обществам воевавших с Турцией стран. В ведение правительства перешли следующие железные дороги: Мудания — Бруса, Пандерма — Сомма, Смирна — Касаба, Смирна — Айдын, сирийские железные дороги и Яффа — Иерусалим. Вместе с дорогами правительство забрало в свои руки и портовые сооружения Бейрута, Смирны и Зунгулдака. Для управления перешедшими в ведение государства железными дорогами и портами было создано главное управление военных железных дорог и портов. Нетронутыми, понятно, остались железные дороги и порты, принадлежавшие немцам.

Морской транспорт до войны также находился в руках иностранцев. Не только дальние рейсы, но и все каботажное плавание обслуживалось судами, принадлежавшими иностранным обществам. Если учесть протяженность морских границ Турции, омываемой с трех сторон морями, учесть еще вдобавок, что транспортировка товаров морем сопровождалась и их страхованием,¹ каковая отрасль тоже находилась полностью в руках иностранцев, то можно понять, каким могучим средством высасывания капиталов из страны владел иностранный капитал. Турецкий флот составлял до войны лишь небольшую часть судов, посещавших турецкие воды. Согласно данным Administration Sanitaire de l'Empire Ottoman, доля турецкого флота в общем движении судов в турецких портах составляла только $\frac{1}{5}$ общего тоннажа. Его состояние и развитие за годы 1874—1911 показывают следующие данные:²

	1874 — 1875 гг.		1899 — 1900 гг.		1911 г.	
	колич.	тоннаж	колич.	тоннаж	колич.	тоннаж
Паровые суда						
(100 тонн и выше) . .	29	18 060	79	47 424	120	66 878
Парусные суда						
(50 тонн и выше) . . .	277	43 360	1380	261 780	963	205 641

¹ Морское страхование находилось большей частью в руках английского Lloyd'a.

² Honig. Schiffahrt und Schiffahrtspolitik der Türkei. Weltw. Archiv, Bd. 7, H. 1, S. 82.

Данные показывают, что в составе турецкого флота резко преобладали парусные суда. Количество и тоннаж последних за последнюю четверть прошлого столетия сильно выросли — более чем на 600 % по тоннажу.

Столь большой рост турецкого парусного флота, обслуживавшего почти исключительно каботажное плавание, показывает, что существовали известные условия для роста торгового флота, однако, факт большого роста именно парусного флота указывает на то, что Турция была не в состоянии обеспечить себе усовершенствованный паровой флот. Объясняется это тем, что турки не могли противостоять конкуренции иностранцев, которые обладали, во-первых, достаточными капиталами и, во-вторых, пользовались в Турции благодаря капитуляциям огромными привилегиями. Именно усилившейся конкуренцией иностранных транспортных обществ надо объяснить то явление, что к 1911 г. значительно сократился турецкий парусный флот без соответствующего роста турецкого же парового флота. В целом, тоннаж турецкого флота, парусного и парового, вместе взятых, понизился к 1911 г. по сравнению с 1899 — 1900 гг. на 25 685 т нетто.

До войны главенствующее значение в обслуживании морских перевозок Турции имели Англия, Греция (греки играли главную роль в каботажном плавании), Австро-Венгрия, Германия, Италия, Россия и др.

Во время войны вопросы турецкого каботажного плавания были предметом обсуждения правительства и парламента. Депутат от Кутахии внес предложение о предоставлении права каботажного плавания только турецким подданным. Однако, условия военного времени для Турции были таковы, что не только не могло быть речи о развитии турецкого торгового флота, но и тот, который существовал до войны, был наполовину уничтожен. Турецкие берега были блокированы, вследствие чего движение по Эгейскому и Средиземному морям замерло. На Черном море русские военные суда топили массами турецкие парусные суденышки, перевозившие уголь из Зунгулдака в Константинополь. Даже в Мраморном море оперировали вражеские подводные лодки. Таким образом, несмотря на отсутствие иностранной конкуренции, турецкий морской транспорт не только не развился во время войны, но понес очень крупные потери.

ПОЛОЖЕНИЕ ТОРГОВЛИ И ТОРГОВОЙ БУРЖУАЗИИ

Торговля в Турции до войны характеризовалась в основном тем, что она была чрезвычайно сильно связана с экспортом по линии поставки на иностранный рынок туземного сырья и некоторых фабрикатов и импортом по линии реализации на внутреннем рынке иностранных готовых изделий и продовольствия. При этом важно отметить, что среди кадров торговой буржуазии, огромный удельный вес имела инонациональная буржуазия, состоявшая главным образом из греков, армян и евреев. Инонациональная буржуазия была гораздо лучше и в больших масштабах, чем турецкая, связана с иностранным капиталом как внутри страны, так и вне ее, она и была его основной агентурой в Турции.

Между представителями отдельных национальностей существовало даже своеобразное разделение сфер торговли и районов страны. Так, например, греки были больше заняты торговлей жизненными припасами, армяне главным образом торговлей мануфактурой, кровельным и другим железом и строительным материалом, евреи занимались торговлей галантерейными и колониальными товарами.

Территориальное разделение сфер влияния заключалось в том, что крупные греческие фирмы Константинополя были больше всего связаны с населенным греками побережьем Черного, Эгейского и Мраморного морей, армянские фирмы с внутренними районами страны, где армяне составляли значительную часть населения.¹

Иностранцы основным местом своего пребывания имели Константинополь, а затем Смирну. В Константинополе проживало 129 243 иностранца.

Весьма значительная их часть занималась торговлей.

Доминирующее положение между ними занимали англичане. В экспорте продуктов садоводства и большинства технических культур, а также ковров, они играли основную роль.

Кроме англичан, видное место в торговле занимали австрийцы, швейцарцы и немцы, занимавшиеся главным образом продажей товаров своих стран. Французы занимали видное место в торговле ввозившимися из Франции предметами роскоши и моды.

¹ М. Honig. Der Handel Konstantinopels. Weltw. Archiv, Bd. 11, H. 1, S. 50—51.

Иностранцы, помимо того, что пользовались капитуляциями, имели еще хорошо организованные учреждения для защиты своих торговых интересов в лице своих торговых палат. Кроме того, для защиты общих интересов иностранного капитала в Турции была основана организация, именовавшаяся «Union Permanente des Délégués Etrangers», распущенная лишь во время войны.

Как мы отмечали, турки в торговле, особенно в крупной и притом в основных торговых центрах страны, играли меньшую роль, чем инонационалы, не говоря уже об иностранцах. Турки были лучше представлены в торговле предметами внутреннего производства для внутреннего же рынка. Позиции инонациональной буржуазии были предметом ненависти и одновременно зависти турецкой торговой буржуазии.

Мировая война принесла в области торговли крупнейшие изменения, которые были чреваты огромной важности политическими результатами. Именно во время мировой войны значительно выросла крупная турецкая торговая буржуазия и было основательно подрезано доминирующее положение инонационалов в торговле.

Продовольственные лишения, голод и страдания сотен тысяч трудящихся масс города и деревни — вот что явилось главным источником роста турецкой торговой буржуазии во время мировой войны. Ниже, при анализе положения трудящихся масс в городе, мы подробно обрисуем состояние продовольственного вопроса в городах. Мы укажем лишь здесь, что оно было чрезвычайно напряженным с первых же дней мобилизации турецкой армии и в дальнейшем, по мере истощения продовольственных ресурсов страны, оно все более и более ухудшалось. Десятки тысяч людей голодали. На почве недостатка продовольствия пышным цветом расцветала огромная спекуляция продуктами питания, одеждой, обувью и пр., причем не только всемерно использовался правительственный аппарат для создания широких возможностей обогащения узкого круга лиц, но само правительство вело сознательную политику именно в этом направлении. Ведь и члены правительства, крупные чиновники, видные деятели партии младотурок составляли как раз основное ядро спекулянтов и нуворишей.

Во время войны был создан целый ряд торговых и прочих акционерных компаний. «Дивиденды в первый год войны были

столю высоки,—пишет Ahmed Emin,—что стало всеобщей манией вкладывать средства без разбора во все новые компании». Главным организатором обществ подобного рода был один из руководящих деятелей младотурецкой партии Кемаль-бей. Были основаны компании: «Национальный продукт», занимавшаяся торговлей зерном, «Национальная компания по торговле колониальными товарами», «Национальная компания пекарей», «Национальная ткацкая компания». Для того чтобы усилить конкурентоспособность турецкой торговой буржуазии и ослабить позиции иностранных обществ, правительство издало в 1915 г. закон об иностранных обществах. Содержание его таково:

1) Все торговые и акционерные общества, основанные за границей и желающие открыть свои филиалы в Турции, должны подать мотивированное заявление в министерство торговли и земледелия и взять на себя обязательство выполнять в своей деятельности законы Османской империи.

2) Торговые общества, которые уже действуют в Турции, должны подать в течение двух месяцев заявление в министерство торговли и земледелия о том, что они обязуются выполнять все обязательства, установленные законом, в противном случае их деятельность будет приостановлена.

3) Иностранные общества обязаны наметить своих уполномоченных лиц и оформить их у турецких властей; при судебном разбирательстве подданство этих лиц не принимается во внимание.

4) Обществам, не выполняющим указанных установлений, закон угрожает судебным преследованием и наказанием на первый раз штрафом в размере 50 лир, закрытием предприятия и преданием суду уполномоченного лица в случае рецидива.

5) Закон требует, чтобы иностранные общества, действующие главным образом в Турции, в течение максимум трех месяцев со дня его опубликования превратились в османские общества, в противном случае они подлежат ликвидации.

6) Иностранные общества, занимающиеся финансовыми делами, обязываются представлять министерству торговли каждые три месяца отчет о положении дел и ежегодно баланс. Точно так же страховые общества должны были представлять ежегодно отчет. Они обязывались также внести в банк залог в размере от 5 000 до 15 000 лир за каждый вид страхования (от огня, страхования жизни, морского страхования и т. д.).

Таково содержание этого закона. Читая его, надо иметь в виду, что общества, которых он касался, были главным образом английские и французские. А так как во время войны последние фактически прекратили работу в Турции, то закон этот имел в основном декларативное значение. Во всяком случае, его удар был направлен главным образом против англо-французского капитала. В этом же смысле надо расценивать и закон об обязательном употреблении турецкого языка в концессионных иностранных обществах, принятый в марте 1916 г., который, помимо того, что имел своей задачей вытеснить инонациональных служащих из иностранных обществ, главным образом греков, армян и евреев, и заменить их турками, был в то же время направлен против французского языка, являвшегося по существу вторым языком, если не первым, в экономических центрах страны.

Для того чтобы дать большую свободу торговому обороту, младотурки намеревались переработать торговый кодекс и обновить его. Для этой цели была создана особая комиссия.

Как видим, младотурецкое правительство пыталось во время войны создать наиболее благоприятные условия, которые бы содействовали росту турецкой торговой буржуазии, основное ядро которой концентрировалось главным образом в тех обществах, о которых мы говорили выше.

Имея в своем составе многих крупных представителей государственной власти и руководящих членов младотурецкой партии, эти общества всячески поощрялись правительством, которое предоставляло им монопольные права на снабжение населения теми или иными предметами первой необходимости, что служило огромным источником обогащения.

«Общество пекарей», например, в начале войны снабжало константинопольское население хлебом. Главная забота этого общества заключалась в том, чтобы путем повышения цен и ухудшения качества хлеба увеличить свои прибыли. Мука распределялась муниципалитетом среди пекарей сообразно нуждам обеспечиваемого ими района из расчета определенного количества хлебов, выпекаемых из одного мешка муки. Полиция следила за тем, чтобы в руки одного покупателя не попадало больше одной булки. Послушаем характеристику, какую дает этим обществам представитель австро-венгерской армии в Турции Joseph Romiankowski:

«Организация в 1915 г. так называемого «Джемиет» (Общество) привела к столь сильному вздорожанию многих продуктов первой

необходимости, что бедные классы населения вообще не были в состоянии покупать таковые. «Джемиет», взятое в основе, есть не что иное, как оптово-торговая монополия в пользу господствующей младотурецкой партии, прежде всего для членов Комитета (партия младотурок. *А. Н.*) и государственных людей, точно так же, как и для их родственников и друзей. Не краснея, сказал мне Энвер паша в минуту откровения: «мы хотим торговую прибыль не оставлять торговцам, а присвоить себе».

В результате, к 1 декабря 1915 г. цены на большинство предметов первой необходимости были в Константинополе в 4 — 5 раз выше довоенных. Лишь для того, чтобы не возбуждать массы бедного мусульманского населения, заботились искусственным путем о том, чтобы цены на хлеб и древесный уголь остались на прежнем уровне.¹ Метод обогащения был достаточно прост. По описанию корреспондента «*Kölnische Zeitung*» *Stuermer*'а, он заключался в следующем: из получаемого для распределения продовольствия часть по мизерным и голодным нормам распределялась среди населения; в то же время большие партии продуктов секретно продавались по чрезвычайно высоким ценам кликой спекулянтов. «Для тех, кто мог платить по баснословным ценам, было все, бедняк — умирал с голода» — резюмирует корреспондент.

Мудрено ли после этого, что «Общество торговцев» по данным *Ahmed Emin*'а получило 1 200 000 долл. чистой прибыли только на снабжении хлебом Константинополя и 1 500 000 долл. на снабжении другими предметами первой необходимости. Борьба за один из основных источников обогащения — право на монопольное снабжение населения предметами продовольствия между отдельными группами спекулянтов приводила к тому, что это право переходило от одной влиятельной в правительственном аппарате группы к другой.

Особенно сильная борьба велась между двумя группами — гражданской, во главе с упомянутым выше Кемаль-беем, и военной, во главе с руководителем интендантства Исмаил-Хаккы-пашой.

Так как в руках последнего находилось распоряжение транспортом и право реквизиции мельниц и продовольствия для нужд армии, то он им широко пользовался для ухудшения продоволь-

¹ J. Pomiankowski. *Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches*, S. 180.

ственного положения Константинополя, чтобы показать, что гражданские власти (муниципалитет) не справляются с задачами снабжения населения продовольствием.

В зависимости от того, какая группа брала в данное время верх, снабжение населения переходило либо к гражданским, либо к военным властям. 19 апреля 1916 г. был опубликован временный закон, которым мэр Константинополя и губернаторы провинций уполномочиваются:

1. Производить в случае необходимости конфискацию мельниц, пекарен, транспорта, магазинов с гарантией надлежащего вознаграждения.

2. Фиксировать в случае необходимости лимитные цены на продовольственные продукты.

3. Предписывать методы, каковыми должны распределяться продукты.

Военные власти, однако, чинили всяческие препятствия гражданским властям. 23 июля 1916 г. последовал закон об организации продовольственного совета под председательством министра внутренних дел; в совет входили в качестве членов руководитель военного интендантства, товарищи министров финансов и торговли и ряд других лиц. Всякое различие между военными и гражданскими продовольственными запасами было уничтожено. Совету предоставлено было право установить монополию торговли. Страна была разделена на пять зон, между которыми была запрещена торговля продуктами. В упомянутых зонах должны были быть организованы подкомиссии, которые бы ведали закупкой и продажей продуктов. Закупка и отправка по железной дороге частными лицами предметов продовольствия запрещалась под угрозой конфискации груза без вознаграждения. Было установлено распределение продуктов по карточкам. Кроме хлеба была установлена выдача по карточкам 100 драмм бобов, 50 драмм сахара (440 драмм = $1 \frac{1}{4}$ kg). Окко риса могли получить лишь семьи, имеющие детей.

Продовольственный совет фактически возглавлялся двумя немецкими экспертами и находился под техническим руководством немецкого генерального консула Meyer'a.¹

Немцы, как видим, пытались избрать к своим рукам дело организации снабжения, устранить конкуренцию между воен-

¹ G. Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Weltw. Archiv, Bd. 11, H. 4, S. 249*.

ными и гражданскими властями и несколько это дело упорядочить по немецкому образцу.

Однако, реально это ничего не дало. Продукты по карточкам почти не распределялись вследствие их отсутствия. Попытки лимитировать цены привели к исчезновению продуктов с рынка. В октябре 1916 г. лимитирование цен было отменено. В феврале 1917 г. правительство объявило, что вместо лимитирования цен оно будет применять другой метод борьбы с дороговизной, а именно: транспорт будет передан в распоряжение продовольственного совета, который будет предоставлять его лишь тем торговцам, которые согласятся продавать продукты с прибылью не свыше 15—20%.

На деле это мероприятие привело к тому, что выдача разрешений на погрузку стала источником заработать деньги, и разрешениями стали усиленно спекулировать. Цена разрешения на вагон колебалась от 1 500 до 2 500 лир. Разрешения получались крупными государственными чиновниками для того, чтобы путем перепродажи их купцам хорошо и без всякого риска заработать. Необходимость приобретать эти разрешения содействовала росту дороговизны.

Лишь в мае 1918 г. было отменено обязательство получать эти разрешения. Под напором торговцев было по существу отменено запрещение частным лицам покупать и провозить продукты — было дано разъяснение, что экспорт продовольствия из одной зоны в другую для коммерческих целей запрещается лишь в том случае, если данного вида продовольствия не хватает в первой зоне. Понятно, что за соответствующую взятку торговец мог получить справку о том, что в данной зоне достаточно продуктов. Борьба между разными спекулятивными группами, концентрировавшимися вокруг муниципалитета, с одной стороны, и военного интендантства, с другой, за монопольное право грабить население путем снабжения его продовольствием не прекращалась, и в сентябре 1917 г. забота о продовольственном снабжении гражданского населения вновь перешла в ведение военного ведомства. В марте 1918 г. это дело переходит к новому органу — Высшей продовольственной комиссии в составе 5 сенаторов, 5 депутатов и 16 представителей различных департаментов и профессий. На местах были созданы продовольственные комиссии в составе местного губернатора, высшего военного командира, высшего жандармского офицера, главного бухгалтера

и двух членов муниципалитета. В июле 1918 г. было создано министерство продовольствия во главе с Кемаль-беем в качестве министра. Это министерство стало одним из самых активных спекулятивных учреждений. Негодные продукты покупались этим министерством у сановников как годные, и за счет государственных средств последние наживали огромные прибыли. Большие прибыли наживали спекулянты из руководящих государственных учреждений и их близкие на импорте отдельных товаров массового потребления.

С успехом использовали государственный аппарат для спекуляции чиновники провинциальные, о чем свидетельствует следующий любопытный факт, сообщенный из Харпута:

«Недолго после отмены «беделя» (освобождение от службы с уплатой выкупа), — читаем мы в донесении, — освобожденные были призваны, но лишь часть зачислена в войска. С остальными вошли в соглашение, что они будут освобождены от действительной службы, при условии, что они возьмутся перевозить из Харпутского округа на фронт известное количество, по столько-то на человека, пшеницы, доставляемой правительством. Они должны были сами раздобыть перевозочные средства. Вскоре после того, как началась эта перевозка, образовался синдикат из чиновников и других лиц, которые взяли на себя эту перевозку, взимая с обязанных по 6 лир в месяц. Постепенно этот синдикат взял в свои руки всю перевозку на фронт. Цена на пшеницу в Харпите значительно упала с этого момента. В действительности это произошло оттого, что синдикат продавал на рынке большие партии казенной пшеницы, предназначенной для войск. Благодаря подкупам им удавалось получать на фронте квитанции в получении полного количества».¹

Комментарии, разумеется, излишни.

Огромные возможности нажить большие средства давали поставки для армии. Например, мука, поставляемая армии, продавалась по цене, превышавшей в несколько раз покупную цену. Некоторым привилегированным лицам часто давалась известная сумма денег и предварительная информация, которая позволяла им делать продажи для армии.

¹ В. И. А., д. № 176 — 002. Донесения наших военных агентов во Францию, Англии, Японии, Италии, Румынии, Швейцарии и др. о Турции и турецкой армии, л. 80.

К числу главных источников, из которых турецкие торговцы черпали огромные средства для своего обогащения, принадлежат реквизиции товаров всякого рода. Государственные чиновники, военные и гражданские, уже с самого начала войны широко прибегали к этому методу не только, или вернее не столько, для того, чтобы удовлетворить общегосударственные потребности, сколько для того, чтобы набить свои собственные карманы. Реквизировалось все — шелковый трикотаж, детские ботинки, продовольствие. Реквизиции производились главным образом у греков, армян и подданных Антанты и были одним из важнейших методов, коими турецкая торговая буржуазия боролась за уничтожение командных позиций инонационалов в торговле.

После того организованного участия самих высших представителей государственной власти в спекуляции, которое мы показали выше, было бы смешно ожидать от этих же лиц подлинной борьбы со спекуляцией.

Младотурецкое правительство, видя огромное возмущение масс царящей спекуляцией и тяжелым продовольственным положением, нашедшее свое отражение даже в выступлениях в парламенте, вынуждено было как-то реагировать на это, но принятые «меры» имели своей основной задачей обман масс, а не подлинную борьбу со спекулянтами.

Хотя, как видно из вышеизложенного, спекуляция получила широкое развитие с первых же дней войны, правительство начало реагировать на нее лишь с 1917 г. В апреле и мае были произведены аресты спекулянтов, но их выпустили за отсутствием основания для их привлечения к ответственности. 24 мая был опубликован временный закон против спекуляции и была создана противоспекулятивная комиссия во главе с вице-президентом парламента. Закон предписывал торговцам продавать товар по определенным нормам и по твердым ценам, устанавливаемым комиссией. Торговцы были обязаны объявлять количество имеющихся у них товаров и выставлять в окнах твердые цены. Необъявленные товары подлежали конфискации, а их собственники наказанию. Нарушение постановлений комиссии каралось штрафом в размере от 100 до 500 лир или арестом на срок от 3 месяцев до 3 лет.

Твердые цены были установлены на кофе, шоколад, сахарные изделия, мясо, древесный уголь, кожу, ботинки, чай, рис, ткани и др.

Даже казенные немецкие обозреватели турецкой экономики во время мировой войны вынуждены были признать, что «мероприятия правительства по борьбе с дороговизной (создание комиссии по борьбе со спекуляцией и ростовщическими ценами на товары) не дали благоприятных результатов. Дороговизна все возрастала, особенно же на жизненные припасы. Вздорожали и такие продукты, производство которых не стало дороже, как фрукты, овощи, рыба и пр. Поэтому условия жизни бедных классов сильно ухудшились.

Закон против спекуляции жизненными припасами от 24 мая 1917 г. не применялся. Иногда спекулянт арестовывался и осуждался, но на остальных это не производило никакого впечатления».¹

31 мая 1918 г., т. е. через год, комиссия перестала существовать, лимитные цены отменены и торговля сделалась свободной.

Такова была «борьба» младотурок со спекуляцией. Иной она и быть не могла. Младотурки в лице своих видных представителей были активнейшими участниками этой спекуляции, ведя политику, всячески облегчающую рост на этой основе турецкой торговой буржуазии, проявляя при этом исключительно циничное отношение к лишениям масс. В качестве образца такого отношения можно привести следующую фразу из статьи, напечатанной в полуофициальной газете «Tanin», и приведенную в работе Stuermer'a: «можно провести ночь с соответствующим блеском без керосина в единственной лампе, если думать о блестящей и славной будущности, которую эта война готовит для Турции». Но в то же самое время «когда провозглашались эти слова, — правильно пишет Stuermer, — и тысячи бедных турецких семейств проводили длинные зимние вечера без луча света, — тысячи тонн керосина лежали в одном Константинополе в складах официальных скупщиков».²

Именно во время мировой войны на основе безудержной спекуляции, используя голод и лишения сотен тысяч трудящихся масс, методом реквизиции, поставками для армии, изгоняя инонационалов из старых позиций в области торговли, поддерживаемая сознательно проводимой в этом направлении политикой

¹ G. Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Обзор за период август 1917 г. — май 1918 г., Weltw. Arch, Bd. 13, H. 4.

² Stuermer. Op. cit., p. 123.

младотурок, развилась и выросла турецкая крупная торговая буржуазия.

Положение внешней торговли во время мировой войны было таким, что из него вытекало резкое ослабление compradorской буржуазии, среди которой, как мы упоминали, преобладали в большинстве своем армяне, греки, евреи.

Во время войны внешняя торговля резко сократилась, о чем свидетельствуют следующие данные об экспорте и импорте за годы войны (в тыс. лир.): ¹

Т а б л и ц а 18

Годы	Импорт	Экспорт
1913	41 749	21 436
1914	22 927	11 487
1915	—	—
1916	2 210	3 405
1917	15 077	13 970
1918	21 276	24 889

К 1916 г. внешняя торговля настолько упала, что почти прекратилась целиком. В следующие годы она возросла, однако, реально далеко не в той мере, как это может показаться на первый взгляд на основе данных приведенной выше таблицы, так как в последних не учтено падение валюты. А между тем среднегодовая стоимость золотой лиры равнялась 1.33 бумажной лиры в 1916 г., 3.53 в 1917 г. и 4.55 в 1918 г. Для того чтобы получить более реальную картину динамики внешней торговли за годы войны, необходимо к приведенным выше данным за 1916, 1917 и 1918 гг. сделать поправку на падение курса денег, после чего мы получим совершенно другой результат, а именно (в тыс. лир, см. табл. 19).

Резкое сокращение внешней торговли было вызвано блокированием турецких берегов военными судами Антанты и прекращением торговых связей с теми государствами, которые до войны занимали преобладающее положение в турецкой внешней торговле, как Англия, Франция, Россия, Италия.

¹ Seveti Sureyya. Cihan iktisadiyatında Türkiye, p. 90.

Таблица 19

Годы	И м п о р т		Э к с п о р т	
	Сумма	% к 1913 г.	Сумма	% к 1914 г.
1913	41 749	100.0	21 486	100.0
1914	22 927	54.8	11 487	53.5
1916	1 661	4.0	2 560	12.0
1917	4 271	10.3	3 937	18.5
1918	4 676	11.3	5 470	25.4

Рост внешнеторговых операций с 1917 г. объясняется усилением вывоза Германией и Австро-Венгрией продовольствия и сырья из Турции и ростом импорта военных припасов. Взамен пшеницы, ячменя, олив, скота, шерсти и пр. немцы посылали в Турцию орудия истребления, которыми турки должны были сражаться во имя интересов немецкого империализма.

Чем больше ухудшалось продовольственное положение Германии и Австро-Венгрии, в особенности первой, тем больше эти государства старались выкачать продовольствия из Турции, совершенно не считаясь с тяжелым продовольственным положением ее самой. Для закупок в Турции (также в Болгарии и Румынии) существовала в Германии специальная организация, называемая «Zentraleinkaufsgesellschaft» — «Центральное закупочное бюро». Сходная организация была и в Австро-Венгрии. Страны, в которых производились закупки, были распределены между Германией и Австро-Венгрией, и закупки в какой-либо стране производились одной комиссией для удовлетворения нужд обоих государств. Закупки в Турции производили немцы. Закупочное бюро через широко разветвленную сеть агентуры производило обширные заготовительные операции и фиксировало цены на экспортные продукты.

Широкая деятельность немцев по изъятию продовольствия из Турции снижала возможности спекуляции им турецкими торговцами, объединенными в общества, имевшие, как мы указали выше, монопольные права на снабжение населения, а вернее на спекуляцию продовольствием. Этот момент стал источником трений между турецкими купцами, «джемиетами» и немецким закупочным бюро. Противодействие турецких купцов привело к созданию 21 сентября 1916 г. Экспортной комиссии для контроля

над экспортом, под председательством министра торговли, которая имела в своем составе наполовину советников министерства, наполовину купеческих представителей. Все экспортные товары были разделены на две группы: а) экспорт которых не затрагивает интересов потребителя, и б) экспорт которых вредит интересам потребителя. В последнюю группу входили: злаки, коровье, масло, растительное масло, мыло, скот, кожи, шерсть, хлопок и др. Тот или иной товар мог быть переведен из одной группы в другую постановлением совета министров. Комиссия фиксировала цены на экспортные продукты и обуславливала, чтобы экспорт компенсировался соответствующим импортом. Однако, уже в 1916 г. экспорт превысил импорт, в 1917 г. он был несколько ниже последнего, а в 1918 г. вновь его превысил. При этом экспортировалось в Германию именно продовольствие и сырье из запрещенной к экспорту номенклатуры товаров. Объясняется это тем, что экспорт и импорт стали широким полем спекуляции правительственных кругов и близких к ним лиц, главным образом и сосредоточивших в своих руках внешнеторговые операции и имевших возможность получить необходимый для перевозки транспорт. Кроме того, они весьма усердно занимались контрабандой. Поскольку внешнеторговые операции сосредоточились в руках лиц, для которых законы не писаны, ясно, что эти последние, которые якобы имели в виду охрану интересов населения, на деле превратились в законы, обеспечивающие крупным торговцам и нуворишам возможность зарабатывать большие прибыли на экспорте и импорте.

Младотурки воспользовались войной и тем, что государства, которые до войны особенно сильно препятствовали проявлению турецким правительством малейшей самостоятельности в области таможенной политики, находились во вражеском стане, и произвели в последней весьма существенные изменения; впервые был введен дифференцированный и весовой таможенный тариф, разработанный с учетом собственных потребностей страны.

До войны Турция не имела никакой самостоятельной таможенной политики, так как этому препятствовали империалистические государства. Таможенная политика Турции до войны, если вообще может идти речь о таковой, была в своих основных пунктах установлена еще торговыми договорами 1861/622 г.

После длительных переговоров, продолжавшихся ряд лет, турецкое правительство лишь в 1907 г. получило санкцию

от империалистических держав на увеличение пошлин до 11% при сохранении всей старой системы обложения (Протокол от 25 апреля 1907 г., подписанный Австро-Венгрией, Германией, Италией, Францией, Россией и Англией).

При этом согласие было дано на весьма кабальных для Турции условиях, сводивших дело к тому, что суммы, получаемые от увеличения пошлин, должны были поступать империалистическим государствам.

Трехпроцентное увеличение пошлин не могло иметь большого значения для уменьшения бюджетного дефицита, и турецкое правительство вновь поставило вопрос об увеличении пошлин до 15%, но оно опять оказалось перед фронтом империалистических государств, из которых каждое стремилось использовать этот момент для усиления своих экономико-политических позиций в Турции.

Повышение пошлин на 4% до войны не состоялось и было произведено уже во время нее. Законом от 20 сентября 1914 г. правительство увеличило пошлины на 4%, а законом от 3 июня 1915 г. оно довело их до 30% на весь период войны; в декабре же 1915 г. был предложен парламенту новый таможенный тариф который был утвержден 23 марта 1916 г. и вступил в силу с 1/14 сентября 1916 г.

В документе, обосновывающем закон о новом таможенном тарифе, указывалось, что этот тариф окажет влияние на развитие торговли и промышленности, обеспечит большие поступления средств в государственную казну и что он защищает также интересы сельского хозяйства.¹ Несомненно, что новый таможенный тариф отражал протекционистские устремления младотурецкого правительства, что мы отмечали выше при анализе промышленности. Этому соответствовало и обложение разных групп товаров. Например, металлы, химические и фармацевтические продукты были обложены в размере от 10 до 15% их стоимости, машины в 10%, трикотажные изделия, бельевой материал и др. были обложены уже в размере до 30% их стоимости; все готовые текстильные изделия, мебель и пр. были обложены ставкой от 40 до 60%.²

¹ Begründung zum Entwurf des neuen türkischen Zolltarifgesetzes. Перевод с турецкого. Arch. f. Wirtschaftsforsch. im Orient, 1916, H. 2, S. 308.

² Таможенный тариф и таможенное законодательство Турции. Константинополь, 1925. Изд. Информ-эконом. бюро торгпредства СССР в Турции, стр. 7. См. также статью Aini Zade Hassan Tahsin. Der Zolltarif der türkischen Republik. В сборн. «Die türkische Republik u. s. w.».

Однако, высокими ставками облагались и предметы широкого потребления, которые в Турции не производились, напр. кофе, чай, сахар и др.

Приведенные ниже данные, вычисленные Карлом Шефером,¹ дают нам подробную справку об обложении отдельных товаров новым тарифом:

Т а б л и ц а 20

Т о в а р	Ставка на 100 кг в зол. пиастрах 1916 г.	‰ к стоим- мости
Мясные консервы	450	63
Пшеница	30	39
Рожь	19	26
Кукуруза	19	35
Пшеничная мука	95	89
Изюм	560	346
Кофе сырой	130	17
« молотый	250	33
Сахар очищенный	76	42
Табак (запрещен к импорту) .	—	—
Кожа сырая, баранья, козья .	2 700	64
Обыкновенная обувь	1 500	40
То же из сафьяна	3 300	89
Хлопч.-бум. пряжа	80	29
Хлопч.-бум. ткани		
Габот (небеленый)	400	40
Газ, тюль	680	69
Тюль (беленый)	1 320	96
Шелковые ткани	17 500	75
Шелковая пряжа	6 400	145
Готовое платье		
из Хлопч. бум.	2 000	68
» шерсти	4 000	136
» шелка	35 000	1195
Керосин.	25	40
Мыло для стирки	50	16
Туалетное мыло	600	191
Домашнее мыло	100	32

¹ Carl Anton Schaeffer. Neutürkische Zollpolitik. Arch. für Wirtschaftsforsch. im Orient, 1916, H. 2, S. 87.

Так как новый таможенный тариф был принят во время мировой войны, то никто из держав Антантовской группировки не мог в момент его принятия выступить против него. Но каково было отношение немцев к новому тарифу, мы можем судить на основании слов цитированного Schaeffer'a. Отношение Германии к новому таможенному тарифу, говорит он, является особенным. Из политических соображений Германия должна приветствовать ведомую Турцией (в определенных границах) промышленную политику, так как при ее посредстве Турция станет сильнее и в экономическом и в военном отношении. Ее можно, с другой стороны, принять и исходя из хозяйственных соображений, так как можно быть спокойным, что Турция в течение многих лет не будет выступать конкурентом в области специфической немецкой промышленной продукции. Мы не сомневаемся, — говорит он далее, — что таможенные пошлины на подобного рода промышленную продукцию смогут быть понижены при заключении нового немецко-турецкого торгового договора. Турцию надо сделать более покупательно-способной, чтобы она могла покупать больше немецких товаров; нужно также инвестировать в Турцию немецкий капитал (в городскую промышленность, текстильную, сахарную, нефтяную, банки). Автор рекомендует Турции не торопиться с промышленным развитием страны и поучает ее терпению.¹

Как видим, автор «приветствует» тариф, исходя из стремления обеспечить немецкому империализму как можно больше позиций в Турции.

После этого глубоким цинизмом звучат следующие его же слова, сказанные тут же, в которых он противопоставляет германскую политику в отношении Турции политике других империалистических стран: «Там грабеж, здесь строительство (Dort Raubbau, hier Aufbau), там стремление сделать Турцию слабой и зависимой, здесь стремление сделать ее сильной и самостоятельной».

На деле империалистический грабеж и порабощение Турции проводили все империалистические страны, включая и Германию, которая отличалась от прочих стран лишь методами проведения своей империалистической политики.

Новый таможенный тариф, как мы уже указали выше, не имел во время войны существенного значения, так как внешняя торговля резко сократилась.

¹ Schaeffer. Op. cit., S. 182.

ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА И ТРУДЯЩИХСЯ ГОРОДА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Рассмотрев вопрос о положении торговли и промышленности в Турции и промышленной и торговой буржуазии во время мировой войны, исследуем положение турецкого рабочего класса и трудящихся города в это время.

Турецкий рабочий класс в силу отсталости турецкой промышленности был немногочислен. К тому же, поскольку в этой промышленности преобладали мелкие заведения, он был крайне распылен.

Благодаря тому, что в составе турецкого пролетариата было много выходцев из среды ремесленников, а также и из деревни, в нем очень сильны были цеховые пережитки и средневековые цехи и землячества были важнейшей формой его организации. Кроме того сильна была национальная рознь среди рабочих; в составе квалифицированных рабочих было больше всего армян и греков.

Фабрично-заводский пролетариат имел еще небольшой удельный вес соответственно удельному весу фабрично-заводской промышленности. К тому же он был еще пролетариатом молодым, так как фабрично-заводская промышленность Турции насчитывала всего лишь пару десятков лет своего существования. По данным промышленной переписи 1913—1915 гг. в Турции в 1913 г. было 16 309 рабочих, которых мы можем отнести к фабрично-заводскому пролетариату. Так как сюда не вошли рабочие основных отраслей добывающей промышленности, в частности угольной (около 11 000 ч.), рабочие металлообрабатывающей промышленности (около 5 000 ч.), в частности военных заводов, арсеналов, рабочие хлопкоочистительных заводов (около 3 000 ч.), муниципальных предприятий (5 000 ч.), железных дорог (5 000 ч.) и пр., то число фабрично-заводских рабочих по нашим расчетам надо довести до 45—50 000 человек.

Как изменился количественно пролетариат во время мировой войны?

Выше, при анализе развития промышленности, мы показали, что значительная часть последней закрылась или сократила свое производство. Это означает, что количество рабочих в ней сократилось. Об этом свидетельствуют и данные промышленной переписи: в 1913 г. было 16 309 рабочих (по 226 предприятиям,

представившим сведения, из 239 действующих), а в 1915 г. — 13 485 чел. (по 174 представившим сведения предприятиям из 182 действующих), т. е. количество рабочих сократилось на 17.3%. Если учесть, что падение производства охватило ряд отраслей, не охваченных переписью, то несомненно, что количество рабочих сократилось значительно больше. Но это означает не уменьшение количества рабочих, а рост числа безработных в некоторых отраслях. Часть из них могла переквалифицироваться, что имело место и в действительности, но значительная часть была взята в армию.

Наряду с этим развился ряд отраслей, главным образом связанных с военными нуждами. Это не могло не сказаться, и действительно сказалось, на росте количества рабочих в них. Во время войны появилась потребность в целом ряде новых квалификаций, главным образом — металлической, электротехнической и т. п. специальностей. Для их подготовки был принят ряд мер, в частности были использованы школы; для руководства техническим образованием в них правительство пригласило одного немецкого и одного австрийского специалиста. Техническая школа в Стамбуле была расширена и разделена на 5 отделений, готовивших механиков, шоферов, электротехников, сапожников и приемщиков сельскохозяйственных машин. Местные наблюдатели утверждают, что это как раз те профессии, кроме сапожников, которые приобрели значение лишь во время войны. В частности, электротехническая специальность во время войны получила применение особенно в связи с необходимостью перехода на электроэнергию, к чему вынуждала невозможность доставки угля из Гераклеийского бассейна и керосина из Румынии после вступления последней в войну.

Для подготовки квалифицированных рабочих пытались использовать сиротские дома, где из живших там сирот старались подготовить рабочих, в особенности кузнецов и слесарей, которых не хватало. В Смирне была организована школа для подготовки железнодорожников. Несколько сот рабочих было послано в Германию для обучения там различным профессиям, в частности горному и судостроительному делу.

Недостаток рабочих рук по ряду специальностей вызывался также призывом большого количества рабочих в армию, где они находились не столько в действующих частях, сколько во всякого рода военных мастерских.

Таким образом можно констатировать, что численно турецкий рабочий класс во время войны вырос.

Кроме численного роста, рабочий класс Турции в известной части стал более квалифицированным, в частности, вырос кадр металлистов. Этот процесс роста как количественного, так и качественного проделывала именно турецкая по национальности часть рабочего класса, чему сознательно содействовали младотурки, которые натравливали турецких трудящихся на другие национальности, главным образом, на греков и армян, что было на руку турецкой буржуазии.

В частности, младотурки старались рядом мероприятий расширить применение турецких служащих. Главным мероприятием в этих целях надо считать закон от 31 марта 1916 г., согласно которому с 10 июля того же года железнодорожные и прочие транспортные общества должны были во всех своих операциях и в своей корреспонденции употреблять турецкий язык: неконцессионные общества всякого рода, имеющие турецкое подданство, должны были все свои внутритурецкие операции и корреспонденцию, все книги и счета вести на турецком языке, иностранные акционерные общества, зарегистрированные в министерстве торговли, обязывались употреблять турецкий язык в своей корреспонденции с правительством и частными лицами.¹ Иностранные общества были обязаны также переписать вывески на турецкий язык.

Надо отметить, что в ряды как рабочих, так и служащих во время войны было втянуто много женщин и детей, что вызывалось, с одной стороны, недостатком рабочих по ряду профессий, и с другой стороны—дешевизной женского и детского труда и большими возможностями их эксплуатации.

Если благодаря потребностям, вызванным войной, младотурецкое правительство было вынуждено принимать меры к тому, чтобы подготовить новые отряды турецкого рабочего класса по ряду профессий более высокой квалификации и тем самым содействовать количественному и качественному росту турецкого про-

¹ Еще раньше, 26 сентября 1915 г., был издан закон, согласно которому все частные школы, где преподавание ведется не на турецком языке, обязаны были ввести как обязательные предметы преподавания турецкий язык, географию и историю. *Mittwoch. Die wirtschaftliche Bedeutung der Sprachenfrage in der Türkei. Arch. für Wirtschaftsforsch. im Orient.* 1916, Н. 3—4, S. 338.

летариата, то с другой стороны оно принимало все меры к тому, чтобы обеспечить турецкой буржуазии максимальные условия для усиленной эксплуатации турецких рабочих.

Наряду с отмеченным выше количественным ростом турецкого пролетариата во время мировой войны значительно ухудшилось его экономическое положение.

О состоянии зарплаты мы можем получить представление по данным промышленной переписи 1913—1915 гг., дополненным другими данными.

По отдельным отраслям промышленности средняя дневная зарплата в 1913—1915 гг. в золотых пиастрах (1 пиастр=8.6 коп.) составляла (% дан к 1913 г.):

Т а б л и ц а 21

Виды промышленности	Г о д ы		%
	1913	1915	
П и щ е в а я			
Мукомольное произв-во	15.1	16.2	107.0
Макаронное » 	13.9	13.2	109.0
Производство сладостей	8.0	12.7	159.0
Консервное произ-во	5.0	9.0	180.0
Пивоваренное » 	15.0	—	—
В среднем по всей отрасли	11.8	14.2	112.0
Минеральная промыш- ленность			
Кирпичное произ-во	14.2	—	—
Известковое » 	13.5	17.0	126.0
Цементное » 	11.4	—	—
Цементные изделия	15.8	18.4	116.0
Фарфорово-фаянсовые	14.0	—	—
В среднем по всей отрасли	13.8		

Виды промышленности	Г о д ы		%
	1913	1915	
Кожевенное производство . .	13.6	13.9	102.0
Деревообделоч. промысл-сть			
Столярное произ-во	16.3	14.2	87.0
Ящичное »	17.5	19.0	108.5
Прочее деревообд. произ-во .	—	15.0	—
В среднем по всей отрасли	16.9	16.0	94.6
Текстильная промышленность			
Производство шерст. пряжи и ткани	8.4	9.5	113.0
Хлопчатобумажн. произ-во . .	—	7.8	—
Произ. шелка-сырца	4.0	4.0	100.0
Произв. шелк. тканей	6.8	7.6	112.0
» проч. текст. изделий .	5.4	5.0	92.5
В среднем по всей отрасли	6.1	6.8	111.5
Бумажно-полиграф. производство			
Производ. папироси. бумаги .	9.8	11.4	116.5
Полиграф. произ-во и пзгот. прочих бумажн. изделий . .	13.6	15.9	117.0
В среднем по всей отрасли	11.7	13.6	116.0
Химическая промышленность			
Маслобойное производство . .	17.1	—	—
Производство мыла	11.3	11.1	101.8
Производство валека (валонейного экстракта)	12.9	—	—
Прочее химическое производство	14.0	—	—
В среднем по всей отрасли	13.7	—	—

Наиболее низкая зарплата была, как показывают данные, в текстильной промышленности, в особенности в шелковой, в ковровой промышленности. Наиболее низкая зарплата после текстильной была в консервной промышленности и в предприятиях по изготовлению сладостей. При рассмотрении зарплаты в других отраслях надо иметь в виду одно чрезвычайно важное обстоятельство — это в большинстве случаев сезонные предприятия, которые действуют в течение 5—6 месяцев в году, а то и меньше, а остальное время рабочий вынужден жить за счет той зарплаты, которую он получил в рабочее время. Женщины и дети получали гораздо меньше. А ведь рабочий день равнялся, как правило, 13—14 час. в сутки.

Что изменилось во время войны?

Приведенные в нашей таблице данные показывают, что из 24 отраслей в 5 зарплата либо осталась без изменения (или повысилась на 1—2⁰/₀), либо даже понизилась (на 7.5⁰/₀ в производстве разных текстильных изделий и даже на 13⁰/₀ в столярном производстве), повысилась на 10—20⁰/₀ в 7 отраслях и выше, чем на 20⁰/₀, в трех отраслях; по 9 отраслям нет данных, но это как раз те отрасли, предприятия которых либо совсем прекратили производство (кирпичное, производство валекса), либо сильно его сократили (пивоварение, маслобойное и пр.).

Мы не имеем сведений о состоянии зарплаты в последующие военные годы, но Ahmed Emin сообщает, что зарплата в сравнении с довоенной выросла в среднем вдвое, считая в золоте. По зарплате наборщиков он приводит следующие конкретные данные (в пиастрах):¹

	У наборщиков газет	У наборщиков книг
До войны	25—30	20—30
На 2-й год войны	40—45	30—40
В последний год войны . .	60—80	50—70

Наборщики были и до войны лучше оплачиваемой группой рабочих, поэтому ни размер их зарплаты, ни степень ее повышения не являются характерными для всех турецких рабочих. Но, если даже принять вышеприведенное указание о том, что зарплата возросла во время войны вдвое, то речь идет только о номинальной, а не реальной зарплате, потому что о последней мы получим представление после того, как мы рассмотрим рост дорого-

¹ Ahmed Emin. Op. cit., S. 152.

визны. Нам придется повторить здесь некоторые данные, сообщенные в разделе о сельском хозяйстве.

Хлеб до войны продавался по цене, в зависимости от качества, от 0.9 до 1.25 пиастра за килограмм.

В январе 1917 г. он в свободной продаже (хлеб распределялся также по карточкам, но об этом ниже) стоил 15 пиастров за килограмм, в августе 21 пиастр, в ноябре 35, в апреле 1918 г. — 44 и в декабре того же года — 56. Цены на прочие продукты в Константинополе были таковы (в пиастрах за окко):

Т а б л и ц а 22

П р о д у к т ы	Июль 1914 г.	Январь 1917 г.	Сентябрь 1917 г.	Январь 1918 г.	Сентябрь 1918 г.
Сахар	3	62	150	140	250
Кофе	12	160	450	1000	600
Рис	3	35	90	95	90
Макароны	3	42	90	110	95
Картофель	1	8	20	36	27
Бобы	4	19	55	65	65
Лук	0.50	6	11	16	16
Оливковое масло	8	45	140	200	180
Соль	1.50	2.50	2.50	2.50	5.50
Молоко	2	9	19	40	45
Сыр	12	55	130	250	280
Баранина	7	28	65	130	120
Масло	20	100	210	260	400
Яйца	0.50	1.50	2.50	7.25	4.25
Мыло	7	32	75	140	140
Керосин	1.50	50	110	125	160
Древ. уголь	0.50	2.75	5.50	10	13
Дрова	45	150	320	380	540

Сильно выросли также цены на одежду и обувь. Отрез на костюм, который стоил до войны 5 лир, стоил в сентябре 1916 г. 10 лир, в июле 1917 г. 20 лир, а в сентябре 1918 г. уже 90 лир. Пара ботинок, стоившая до войны 0.7 лиры, стоила в январе 1917 г. 2.5 лиры, в июле 1917 г. 3.5 лиры и в сентябре 1918 г. — 12 лир.

В провинции цены были во много раз выше. Смирнские цены были в 2.5—3 раза выше константинопольских. Причинами столь высокого роста цен и резкого расхождения между ценами Константинополя и провинции были помимо недостатка продуктов еще и безудержная спекуляция товарами, обилие посредников и транспортные затруднения. Надо заметить, что рост цен сопровождался ухудшением качества продуктов. Большинство продуктов питания было фальсифицировано. При рассмотрении повышения цен не надо упускать из виду падение ценности турецких денег, которое началось вследствие введения бумажных денег в июле 1915 г., и дальнейшей инфляции. С сентября этого года бумажная лира начинает падать; в этом месяце за золотую лиру давали уже 102 бумажных пиастра, через год — 133, через два — уже 447, в 1918 г. — 536. Но, как мы видим, падение денег не идет ни в какое сравнение с ростом цен. Чрезвычайно возросла в Константинополе также арендная плата за жилище. Если принять плату в июле 1914 г. за 100, то в июле 1917 г. она составила 790, а в июле 1918 г. — 1905. Домовладельцы отказывались заключать новые договоры на наем квартиры. Жилищный кризис в этом городе резко обострился из-за наплыва беженцев из мест, служивших театром военных действий. В провинции, где не наблюдалось жилищного кризиса, арендная плата номинально не выросла, но так как она выплачивалась в золоте и серебре, то можно считать, что она выросла в 4—5 раз, соответственно вздорожанию серебряных и золотых денег.

Запоздавшая попытка правительства бороться с этим — 8 апреля 1918 г. был издан закон, согласно которому арендная плата может быть повышена только на 50% в сравнении с таковой на 1 марта 1916 г., контракты были объявлены действующими на весь период войны и в течение 6 месяцев после нее — ни к чему не привела. Домовладельцы, которые не могли бы покрыть арендной платой, получаемой по закону, даже налогов, страховых ставок и стоимости ремонта, просто старались сдвигать свои дома обеспеченному населению, которое соглашалось платить требуемую сумму, не прибегая к помощи упомянутого закона.

Вздорожала и стоимость ряда других коммунальных услуг — воды и пр.

Мы можем, следовательно, прийти к определенному заключению о том, что реальная зарплата рабочих во время войны пала в несколько раз.

Наряду с усилившейся эксплуатацией рабочих во время войны вследствие резкого снижения их реальной зарплаты турецкая буржуазия при прямом содействии военного аппарата эксплуатировала значительную часть рабочих фактически почти даром. Мы уже выше отметили, что на лесных разработках подрядчикам даром предоставлялись солдаты для работы. Кроме этого, военные власти предоставляли частным нанимателям рабочих. Военные командиры получали за это соответствующую мзду от предпринимателей. Рабочие же, одетые в солдатскую форму, не должны были получать сверх своего солдатского пайка никакого вознаграждения. Но предприниматели обычно платили им небольшую сумму для того, чтобы их больше заинтересовать в работе.

Весьма плачевно было и положение служащих и в частности государственных служащих. Низшие категории последних и до войны получали весьма низкую зарплату, а во время войны, несмотря на огромный рост дороговизны, зарплата им не была увеличена; даже наоборот — им выплачивали зарплату только в половинном размере, так что она фактически была снижена наполовину. 8 января 1916 г. была установлена законом надбавка на дороговизну — получающим до 10 лир в месяц — 20%, а свыше 10 лир — 15%. Плачевное состояние государственных служащих было предметом оживленной дискуссии в парламенте в ноябре 1917 г.; отмечалось, что чиновник первого класса находится в худшем положении, чем обычный носильщик. Многие чиновники находили выход в том, что занимались всякого рода добавочными делами, даже запрещенными, занимались спекуляцией и т. п. Чаще всего применялось старое, испытанное в Турции средство — взяточничество, особенно развитое в среде крупного чиновничества.

Общий же уровень жизни рабочих и трудящихся масс города резко понизился. Эти слои населения городов, особенно Константинополя, голодали.

Продовольственное положение прибрежных центров сразу же резко ухудшилось с вступлением Турции в войну; несмотря на то, что в производственных центрах цены даже упали, потребительские центры были охвачены паникой. Основной причиной тому был захват транспорта для военных нужд и сокращение импорта злаков и муки.

Хлеб или мука, перевозимые в большом количестве по улице, находились постоянно под угрозой быть захваченными толпой.

Был установлен специальный военный суд для наказания тех, которые стремились заготовлять больше хлеба, чем это вызывалось их непосредственными нуждами, а также тех, которые нарушали правила о продовольственном снабжении и которые распространяли тревожные слухи.

В начале 1916 г. правительство освободило импорт зерна от таможенных пошлин, особенно надеясь на импорт из Болгарии. Однако, ввиду напряженной работы восточных железных дорог для военных нужд, ввоз был чрезвычайно затруднен. Отмена ввозных пошлин была распространена также на ряд других продуктов потребления, как сахар, кофе, рис, бобы, мыло, уголь, керосин, спички и т. д.

Каково было продовольственное положение потребительских центров, рисует нам очевидец — корреспондент «*Kölnische Zeitung*» доктор Stuermer.

«Во время очень острых хлебных кризисов, которые имели место несколько раз, особенно в начале 1916 г., дюжина людей ежедневно буквально умирала от голода в одном только Константинополе. Я сам собственными глазами видел неоднократно женщин, падающих от истощения на улице. Из разных мест внутренних районов, особенно Сирии, получались верные сообщения о еще более худшем положении дела».

И далее: «Я часто поражался тому, что в действительности народ ест, и я никогда не мог прийти к какому-нибудь удовлетворительному заключению, хотя я часто сам ходил на рынок покупать и видел, что народ покупает».¹

В отношении Сирии мы имеем свидетельство такого авторитетного свидетеля, как Romiankowski, который сообщает, что вследствие того, что хлебопроизводящие районы должны были большую часть их излишков поставлять государству для снабжения армии и перегруженные воинским транспортом железные дороги не могли доставлять хлеб в непроизводящие районы, население Сирии уже в 1915/16 г. не получало хлеба и в массе голодало.

Ввиду недостатка хлеба, правительство ввело выдачу хлеба по твердым ценам по карточкам, ежедневно 250 г, который, по словам того же Stuermer'a, был «неудобоварим и сомнительного

¹ Dr. Harry Stuermer. Two war years in Constantinople. Пер. с немецкого. London, 1917, p. 118.

качества». По карточкам же начали распределять сахар — по 100 драмм на человека (немногим более $\frac{1}{4}$ кг) в месяц.

Несмотря на столь тяжелое продовольственное положение, приводившее к случаям смерти от голода, мы имеем ряд свидетельств о том, что в Константинополе в то время еще не чувствовался недостаток в жизненных припасах. В этом нет никакого противоречия. Действительно, продовольственное положение было тяжелым для трудящихся масс города, но оно совсем не было тяжелым для буржуазии, крупных чиновников и т. п. Продукты были, но они были совершенно недоступны массам из-за своих высоких цен. К 1 декабря 1915 г. цены на большинство предметов необходимости, по свидетельству Помянковского, были в Константинополе в 4—5 раз выше довоенных. Росту цен сильно содействовала политика младотурецкого правительства, которое передало монополию на снабжение населения кучке торговой буржуазии, тесно связанной с государственным аппаратом, нажившей на этом деле огромные барыши.

Цены на предметы первой необходимости так сильно возросли, что бедные массы населения вообще не были в состоянии их покупать.

Примечательно, что, вводя нормированное распределение хлеба, правительство старалось использовать этот момент для разжигания национальной розни. По свидетельству Stuermer'a, «правительство сосредоточило больше всего запасов в кварталах, населенных мусульманами, так что жившие в Фатихе или других кварталах Стамбула снабжались лучше, чем греки—жители европейской Перы».

Чем дальше затягивалась война, тем продовольственное положение становилось все хуже, так как турецкая деревня была настолько разорена, что сама голодала.

К этому надо прибавить такой сильный бич, как выкачка продовольствия и сырья из страны Германией и Австро-Венгрией.

Вступление Румынии в войну на стороне стран Антанты также сильно ударило по снабжению потребительских центров, так как прекратился импорт муки; точно так же в день объявления Румынией войны на константинопольском керосиновом рынке была настоящая паника. Через несколько месяцев город остался фактически без освещения. Положение улучшилось лишь тогда, когда из завоеванной Румынии вновь начали поступать продукты.

Несмотря, однако, на то, что уже в начале 1916 г. в стране был настоящий голод, Талаат-паша, премьер министр, делал все

возможное, чтобы обмануть голодающее население и изобразить положение с продовольствием в самом розовом свете.

Выступая в парламенте, он заявил, что продовольственные запасы всей Турции так возросли в результате огромных закупок в Румынии, что страна полностью обеспечена на два года. Правда, ему никто не верил.

Продовольственное положение продолжало все ухудшаться. В пшеничную муку начали примешивать муку из каштанов, начали выдавать кукурузный хлеб. С конца марта 1917 г. было объявлено, что население будет получать по твердым ценам по карточке ежедневно кроме хлеба по 300 г бобов (по цене 20 пиастров за окко) и 15 г сахара (по цене 20 пиастров за окко). Окко риса могли получить лишь семьи, имеющие детей.

С июля 1917 г. правительство начало распределять мясо по карточкам. С 1 ноября 1917 г. было решено установить в Константинополе три постных дня. Это снабжение по карточкам было, однако, не регулярным.

В частности, снабжение мясом доставляло огромные трудности. Скота пригоняли мало, а тот, который пригоняли, наполовину подыхал от голода.

Население Константинополя испытывало, между прочим, также большие лишения из-за отсутствия воды. Вода доставлялась двумя европейскими компаниями, одна из которых прекратила подачу воды во время войны, что повлекло за собой губительные результаты также и для здравоохранения. Вода, так же как и продукты, стала предметом спекуляции.

Здесь следует упомянуть про замысел англичан уничтожить русскими военными силами источники снабжения Константинополя водой.

Русский военный агент в Великобритании телеграфировал 16 июня 1915 г. командованию русской армии: «Лорд Китченер получил негласное сообщение, что если бы русский флот мог разрушить водяные резервуары у озера Теркос и шлюзы у Бахчикея к западу, то все снабжение Константинополя водой прекратилось бы».¹

К 1918 г. положение трудящегося городского населения стало уже просто невыносимым. Даже некоторые немецкие свидетели,

¹ В. И. А., д. № 171—379. Донесения военных агентов в Румынии, Швейцарии и др. с разведывательными данными о турецкой армии, предположениях турок, дислокации и перебросках турецких войск.

которые все время занимаются прикрашиванием фактического положения вещей, стремясь показать, что мероприятия правительства улучшают продовольственное положение, и которые в своих обзорах скрывают тяжелые страдания масс, вынуждены уже к концу войны констатировать, что мероприятия правительства по борьбе с дороговизной ни к чему не привели, что дороговизна все возрастает и что условия жизни для бедных классов сильно ухудшились.

«Вследствие всеобщего вздорожания, — пишет один из них, — положение бедных классов населения стало крайне тяжелым. Нужда стала так велика, что константинопольские собаки, которые сильно размножились во время войны и которые жили выбрасываемыми на улицу отбросами, все подошли от голода». И далее: «дрова и древесный уголь в Константинополе нельзя было достать. Все годные деревья в городе и окрестностях были вырублены еще в 1917 г. К примеру, знаменитая аллея платанов по Босфору полностью была уничтожена» (Pomiankowski).

Каково было положение провинции в 1917 г., можно судить по сведениям, полученным английской контрразведкой из Харпута.

«За прошлую зиму число смертей от тифа в Харпите было от 15 до 30 ежедневно среди гражданского населения и от 40 до 50 среди войска. Эти цифры незначительны в сравнении с количеством смертей в позапрошлую зиму, когда в Харпите умирало ежедневно около 200 человек. Смертность достигала тогда 40—50%. Из 12 миссионеров в Харпите девять заболели тифом и трое умерли.

Некоторое число селений вокруг Харпута совершенно вымерло от тифа и голода». Он сам посетил несколько деревень, где не осталось ни единой живой души.¹

Из других донесений мы узнаем, что к 1 ноября 1917 г. положение было таково:

«Жизнь в Турции, — говорится в одном донесении, — в настоящее время приблизительно вздорожала на 2000% в сравнении с летом 1914 г.».

В другом донесении сообщаются следующие цены на продукты первой необходимости, действовавшие внутри страны к тому же времени:

¹ В. И. А., д. № 176 — 002. Донесения наших военных агентов во Франции, Англии, Японии, Италии, Румынии, Швейцарии и др. о Турции и турецкой армии за период июль—октябрь 1917 г., л. 80.

Мука — 5 франков фунт, кофе — 195 фр., чай — 160 фр., сахар — 34 фр., бел. хлеб — 308 фр., турецк. уголь — 660 фр. тонна, катушка ниток — 9 фр. 50 сант.

«Внутри страны, — говорится далее, — большой недостаток предметов первой необходимости; говорят, что большое количество людей умирает с голода.

Бедный люд питается только хлебом. Даже зажиточные люди с трудом достают необходимые съестные припасы.

Таким образом, экономическое положение очень тяжелое, и от этого страдают все, кроме разве людей, разбогатевших от войны и находящихся в близких отношениях с Комитетом «Единение и Прогресс», который пользуется описанным тяжелым положением и которому оно дает возможность делать крупные денежные дела.

... Дороговизна особенно возросла в Малой Азии, где крестьяне требуют, чтобы им платили за их продукты золотом или меджидие (т. е. серебром. *А. Н.*), и в противном случае прячут припасы, несмотря на то, что многие за это заплатились жизнью».

Любопытно следующее место из того же донесения: «Там, откуда можно вывезти местные продукты, их, очевидно, и вывозят без всякой заботы о местных нуждах. Поэтому сведения из провинции говорят об ужасном положении населения в частях страны, где есть пути сообщения, и сравнительно менее тяжелом положении там, где дорог почти нет, как, например, в Адалии».

Голод среди населения младотурки также стремились использовать для усиления национальной розни. Из этого же дела мы узнаем следующее:

«В Смирне местный генерал-губернатор открыл общественную столовую на 15 000 человек. Пользуются ею только мусульмане, греческое же население голодает, и смертность среди него усиливается».

Что касается центра — Константинополя, то цитированные нами документы также подтверждают то тяжелое продовольственное положение, которое этот город переживал и которое все ухудшалось со дня на день.

«Положение в Константинополе как с точки зрения продовольственной, так и санитарной становится с каждым днем все хуже и хуже вследствие, главным образом, острого кризиса в съестных припасах и их дороговизны. Почти все дешевые столовые,

действовавшие, хотя и с грехом пополам, в прошлом году, будут закрыты на эту зиму. . . . Все магазины съестных припасов находятся под контролем властей и сперва должны снабжать своих покупателей мусульман, которые имеют привилегии перед другими.

. . . Нищих — множество, среди которых преобладают женщины и дети. Многие госпитали должны были закрыться из-за недостатка аптекарских товаров, а между тем болезни и эпидемии свирепствуют в городе, особенно поражая бедный квартал».¹

Итак, экономическое положение трудящихся масс города, которое было плохим в «нормальное» время, в период войны резко ухудшилось.

Столь тяжелое экономическое положение трудящихся масс города, сопровождавшееся массовыми голодовками и смертностью на почве голода, вызывало неоднократные волнения в городах, несмотря на тот диктаторский режим, который был создан младотурками и немцами в отношении трудящихся города и в первую очередь в отношении рабочего класса. Секретные агенты царской России, дававшие сведения о настроении тыла турецкой армии, приводят в своих донесениях целый ряд фактов, свидетельствующих о наличии демонстраций против младотурок и немцев на почве тяжелого продовольственного положения. Уже в январе 1915 г., по донесениям агентуры, отмечается недовольство населения войной. При этом агент сообщает:

«Единственным результатом ее (войны — А. Н.) явилось — открытое выражение ненависти к иностранцам со стороны низших классов населения. Несмотря на этот искусственно поддерживаемый фанатизм, и в народных массах начинает проявляться несочувствие к войне вследствие установившейся дороговизны жизни и отсутствия заработков. В некоторых случаях, когда недоставало хлеба, вследствие временного прекращения подвоза из Болгарии, недовольствие населения принимало форму почти открытого возмущения».²

По данным греческой прессы 23 декабря 1915 г., в этих числах произошла голодная демонстрация женщин и детей, собрав-

¹ В. И. А., д. № 126—145. Положение в Турции (по данным из-за границы) к 1 ноября 1917 г., л. 1 — 6.

² В. И. А., д. № 175—777. Сводки сведений штабов Кавказской армии и 7-й армии о турецких войсках. Сводка № 29 (к 24 января 1915 г.), л. 33.

шихся перед зданием правительства и требовавших хлеба. Демонстрация была с трудом рассеяна.¹

В сентябре 1915 г. военный агент в Греции сообщает:

«Несмотря на хороший урожай, недостаток хлеба дает себя очень чувствовать ввиду недостатка угля для паровозов и мукомолен. Бедный народ голодает. На этой почве были вспышки и убийства полицейских».

Он же 26 сентября доносит, что «все паровые мукомольни реквизированы и работают для нужд армии. Для потребления населения столицы необходимо ежедневно 4000 мешков муки, а для армии в проливах и Фракии 6000 мешков. Однако, подвоз муки ежедневно далеко не достигает потребного количества 10 000 мешков, а потому постоянно урезывается в пользу армии, отсюда недостаток хлеба, голодание и недовольство населения, осада булочных и давка, во время которой ломают руки и ноги и пр.».²

Подобные волнения константинопольского трудящегося населения не прекращались за весь военный период. Чрезвычайно характерный случай, относящийся к марту 1917 г., сообщает агент в Константинополе.

«В начале марта турецкое правительство решило послать в Германию 10 млн. окко (около 750 000 пуд.) зерна из военных складов. При отправке второй партии в 50 000 кг. на станции Сиркеджи (в Константинополе) население, узнав об этом, ночью пыталось овладеть грузом. Произошла стычка с охраной, в результате чего оказалось более 20 убитых и раненых.

Комитет «Единение и прогресс», чтобы успокоить население, опубликовал, что зерно предполагалось послать на турецкий фронт и что больше отправок не будет».³

Волнения и демонстрации населения имели место не только в центре, но и в провинциальных городах. В одном донесении сообщалось, что «вали Ангоры требует удвоить жандармерию для усмирения народных волнений».

¹ В. И. А., д. № 172—812. Вырезки из иностранных газет о Турции и турецкой армии.

² В. И. А., д. № 175—726. Сведения военного агента в Греции, л. 211 и 294.

³ В. И. А., д. № 175—485. Сводка сведений, издаваемых штабом Кавказской армии (За 1916 и 1917 гг. Сводка № 425 от 13/22 мая 1917 г., л. 492).

Штаб Кавказской армии указывает в своих сводках, что «в Харпуге на почве недостатка хлеба были женские беспорядки».¹

Приведенных фактов достаточно для того, чтобы было ясно, что, несмотря на существовавший во время войны диктаторский режим, трудящееся население как Константинополя, так и провинциальных городов не оставалось безмолвным.

И не выдумкой является, надо думать, следующий факт, сообщаемый штабом Одесского округа, по данным греческой прессы, относящийся к марту 1916 г.

«Германские войска охраняют дворец Высокой Порты, военное министерство и другие казенные здания.

Германцы пытались было поставить свои войска и на охрану здания Шейх-уль-Ислама, но со стороны духовенства последовало заявление, что такая мера будет сочтена за оскорбление религии».²

Как ни старались немцы стать полными хозяевами в Турции, трудно предположить, чтобы они решились на подобного рода мероприятия, направленные против озлобленного и ненавидевшего их населения, без согласия самого правительства и султана, которые давали свое согласие, боясь ненависти широких трудящихся слоев населения к правительству, ввергнувшему их в неимоверно тяжелое положение.

Особо старались младотурки ликвидировать во время войны какую бы то ни было политическую активность рабочего класса. Социалистическое движение, существовавшее в некоторых размерах до войны, во время войны под давлением тяжелых репрессий прекратило существование. «Турецкая социалистическая партия и ее органы были ликвидированы и руководители по различным политическим обвинениям были направлены в ссылку, ... остальные члены партии были взяты на военную службу и переданы под «железный надзор» немецким офицерам. Во время мировой войны не было возможности не только писать о социализме, но и слова «социализм» было достаточно, чтобы попасть в руки палачей Энвера».³

¹ В. И. А., д. № 175—485. Сводка сведений, издаваемых штабом Кавказской армии за 1916—1917 г., л. 487, св. № 421 от 3 апреля 1917 г.

² В. И. А., д. № 171—662. Обзор иностранной печати штабом Одесского военного округа, л. 18.

³ Зиннатулла Навширванов. Социалистическое движение в Турции. «Новый Восток», № 2, стр. 620.

По выражению Талаата, «в Турции господствовала гинденбургская железная дисциплина».¹

И все же несомненно, что рабочий класс Турции политически во время войны вырос.

Нам уже приходилось выше указывать на то, что количественно рабочий класс Турции вырос во время войны. Мы указывали также и на то, что рабочие, взятые в армию, в значительной части работали там соответственно их квалификации. Вот что, напр., сообщает военный агент в Греции в своем донесении от 21 апреля 1915 г.

«Призывные 1863—1893 гг., по профессии кузнецы, мельники, шоферы, мастера по ружейному делу, сталелитейному, по постройке моторов и т. д., будут оставлены в Константинополе и будут работать на имеющихся фабриках».²

Значительно возрос среди рабочего класса удельный вес наиболее передовых слоев пролетариата — металлистов, электриков и т. п., сосредоточенных на крупных предприятиях.

Последнее обстоятельство имеет большое значение для учета качественного роста турецкого пролетариата во время войны. Нельзя упускать из виду, что в этот период возникло в Турции несколько военных предприятий, на которых были заняты тысячи рабочих. Согласно донесениям царских агентов в Константинополе «на патронных заводах было следующее количество рабочих: в Топханэ — 1800 чел., в Зейтунбурну — 3500 чел., в Бурутханэ — 2600 чел., в Текси — 600 чел.».

Из другого донесения мы узнаем, что «на заводе боевых припасов в Макрикее работают постоянно по 3000 чел.».

Такая концентрация рабочих не могла не содействовать росту их сплоченности и классового самосознания.

Качественному росту турецких рабочих несомненно содействовала и посылка нескольких сот рабочих в Германию для обучения квалифицированным профессиям. Некоторые из этой группы вернулись спартаковцами и стали в дальнейшем членами турецкой коммунистической партии. Не могло пройти бесследно для качественного роста турецких рабочих и наличие большого

¹ Зиннатулла Навширванов. Там же.

² В. И. А., д. № 175—726. Сведения военного агента в Греции. Переписка по выяснению расположения турецких войск, о внутреннем положении в Турции и об организации турецкой армии, л. 83.

числа немецких рабочих в Турции. По донесениям царской агентуры, в Турции было 5000 немецких рабочих.

При всем том антагонизме, который существовал между немцами и турками, и вероятном наличии шовинистических настроений среди немецких рабочих, присланных в Турцию, все же совместная работа немецких и турецких рабочих, несомненно, хотя бы в отдельных звеньях, содействовала росту классового самосознания последних. Наконец, те рабочие, которые находились в действующей армии и которые попали в плен в Россию, политически сильно выросли, будучи свидетелями двух революций — февральской и октябрьской. Значительная часть из них, обогатившись опытом октябрьской революции и опытом российской коммунистической партии, собралась на конференцию турецких левых социалистов в Москве 23 и 24 июля 1918 г.,¹ а затем основала турецкую коммунистическую партию.

Итак, положение турецкого рабочего класса во время войны и в итоге войны сводилось к следующему:

Резко ухудшилось его экономическое положение, усилилась эксплуатация его, при весьма значительном обогащении турецкой буржуазии — как промышленной, так и торговой. Одновременно с этим турецкий рабочий класс вырос не только количественно, но и политически. Тиски военной диктатуры, в которых он находился, еще более обострили классовый антагонизм. Ненависть рабочего класса к турецкому режиму и его носителям — младотуркам и империалистической Германии резко усилилась. Его наиболее передовые слои заложили основы турецкой коммунистической партии.

Что касается остальных трудящихся города, то нищета и голод, которые они терпели во время войны, также создали среди них атмосферу огромной ненависти к младотуркам и немецким империалистам, которую мы обрисовали выше. Эти слои в дальнейшем явились благодарной средой, из которой кемалисты черпали значительные силы для борьбы с султанской реакцией и иностранными империалистами.

¹ Подробный отчет об этой конференции см. «Известия» от 25 июня 1918 г. Отчет помещен в д. № 173—429 «Папка с вырезками иностранной корреспонденции по Ближнему и Среднему Востоку за 1918 г.».

ФИНАНСЫ ТУРЦИИ В ПЕРИОД МИРОВОЙ ВОЙНЫ

БЮДЖЕТ

Война возложила на Турцию огромные финансовые тяготы и привела к резкому усилению ее задолженности в пользу Германии. Общие расходы на военные нужды равнялись огромной сумме в размере 1 млрд. 600 млн. долларов.¹ Такую сумму турецкое правительство не могло конечно получить внутри страны, тем более что бюджет Турции, вследствие необходимости выплачивать ежегодно огромные суммы для покрытия долгов, отличался всегда огромной дефицитностью, о чем свидетельствуют следующие данные (в турецких золотых лирах):²

Т а б л и ц а 23

Г о д ы	Преду- смотр. доход	Предусмотр. расход	Обозначен- ный де- фицит	Действи- тельный дефицит
1909/10	25 078 962	30 539 545	5 460 582	
1910/11	29 183 418	35 994 587	6 811 169	
1911/12	31 645 708	41 161 729	9 516 021	12 638 531
1912/13	33 682 475	36 891 366	3 208 891	10 373 118

Из бюджета на 1911/12 г. 11 268 000 лир, или 30.7⁰/₀, предназначались на уплату Администрации оттоманского долга, 13 млн. лир было ассигновано военному ведомству, 1 млн. 429 тыс. лир — жандармерии. Лишь 850 тыс. лир, 2.3⁰/₀, было ассигновано на просвещение и 373 тыс. лир, т. е. всего на всего 1⁰/₀, — на нужды торговли и сельского хозяйства.

Образовывавшийся ежегодно дефицит покрывался иностранными займами, увеличивавшими финансовое бремя, лежащее на стране.

С начала войны финансовое положение резко ухудшилось не только в связи с тем, что с вступлением Турции в войну сильно

¹ По данным, опубликованным в Сборнике № 24 Carnegie Endowment for International Peace, 1920. Эти данные приведены в статье С. Мирского. «К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции». «Новый Восток», № 3, стр. 473.

² Mears. Modern Turkey, p. 390.

возросли расходы на военные нужды, но и потому, что разруха, которую война принесла для народного хозяйства страны, повлекла за собой сокращение доходных поступлений. Динамика военного бюджета была такова (в тыс. лир в переводе, начиная с 1916 г., на золотую валюту):¹

Т а б л и ц а 24

Г о д ы	Поступления		Расходы		Фактиче- ский дефицит
	Ожидае- мые	факти- ческ.	Затребо- ванные	Утвержд. парла- ментом	
1913/14	33 682.5	29 201.9	36 891.4	49 395.8	6 128.1
1914/15	36 004.2	24 739.2	37 054.6	73 932.3	33 102.1
1915/16	30 015.9	22 325.8	38 451.4	84 722.2	43 219.3
1916/17	21 000.0	19 000.0	31 800.0	75 200.0	43 500.0
1917/18	8 980.0	»	17 100.0	33 200.0	24 200.0
1918/19	9 300.0	»	13 200.0	30 200.0	20 800.0

Данные таблицы показывают прежде всего резкое сокращение доходной части бюджета в его реальном (золотом) выражении. Ожидавшиеся доходы 1915/16 г. составили 89% соответствующей суммы 1913/14 г., в 1916/17 г. они составили уже только 62%, а в 1917/18 г. упали до 25.7%, чуть повысившись в 1918/19 г.—до 27%.

Фактические поступления, которые были и до войны ниже ожидаемых, в первые годы войны снизились еще больше; в последующие годы они возросли вследствие усиления налогового пресса. Подоходный налог был увеличен в 1917 г. вчетверо, с целью компенсировать падение валюты, хотя заработки трудящихся масс города отнюдь не увеличились. Налог на скот (агнам) менялся соответственно падению валюты.

Были введены новые налоги — налог на потребление, коим облагались все предметы первой необходимости, каковы, напр., сахар, керосин, спички, кофе, чай, папиросная бумага.

В 1918 г. был введен налог на спиртные напитки. Усиливая налоговое обложение трудящихся, обирая крестьянство путем

¹ Таблица составлена нами по данным, приведенным у Mears'a, стр. 390.

реквизиций и закупок в кредит по твердым ценам, правительство, однако, не трогало огромных доходов, которые получали спекулянты во время войны. Лишь к концу 1917 г., после того как ряд газет требовал обложения военных прибылей, правительство представило наконец проект такого обложения, который принял силу закона, предусматривавший следующую шкалу обложения:¹

Т а б л и ц а 25

Акционерные общества		Частные лица	
% прибыли на основн. капитал	% налога на прибыль	Размер дохода (в лирах)	% обложения
5	10	500	5
10	{ с первых 50/0—10	501—2 500	10
	{ с последующих 50/0—15	2 501—5 000	15
10—25	25		
25—50	35	5 001—10 000	20
50 и выше	50	10 001—25 000	25
		25 001—50 000	35
		Свыше 50 000	50

Мы не располагаем сведениями о размере суммы, поступившей в государственный бюджет от обложения военных прибылей, но надо полагать, что она не была велика, а если учесть ту крупную роль, какую играли среди нуворишей военного времени представители турецкого государственного аппарата, то следует прийти к заключению, что навряд ли закон об обложении военных прибылей как следует проводился в жизнь.

Именно в это время правительство усилило обложение крестьян, заставляя их продавать казне свою продукцию по твердым ценам ниже рыночных.

Анализируя расходную часть бюджета, мы видим, что она на много превышала доходную, и разрыв между этими двумя частями во время войны был гораздо сильнее, чем до войны. Так, в 1913/14 г. ожидаемые доходы составили 98.3% кредитов,

¹ О налоге на военные прибыли см. *La législation turque*. Editeur Rizzo, Suppléments, vol. I.

утвержденных парламентом, в 1914/15 г. — 48.7%, в 1915/16 г. — 35.6, в 1916/17 г. — 27.8, в 1917/18 г. — 27.1% и в 1918/19 г. — 31% (в золотом исчислении).

Необходимо сказать, что цифры расходов по бюджету не имеют реального значения. Бюджетного режима во время войны не существовало. Фактические расходы были на много выше тех, которые мы указали, и основным источником их покрытия были эмиссия и займы у центральных держав, главным образом у Германии. Так как авансы, получавшиеся у последней турецким правительством, служили в качестве покрытия эмиссии, то вопросы денежного обращения и займов в период мировой войны были тесно между собой переплетены.

ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ

Накануне войны денежное обращение Турции состояло из золотых, серебряных и никелевых монет на сумму в 50 млн. лир (228.8 млн. долларов). На рынке обращались также иностранные металлические монеты на сумму в 10 млн. лир и на 1 млн. банкнот, выпущенных Оттоманским банком.

В первый год войны денежное обращение Турции не претерпело существенных изменений. Турция сохранила еще к тому времени свой золотой стандарт. В первые месяцы со дня объявления мобилизации курс золотой лиры даже упал в связи с тем, что большое количество золотых монет, бывших у населения в качестве сбережения или служивших женским украшением, было выброшено на рынок. К размену крупных золотых монет на мелкие деньги вынуждала население мобилизация и связанные с нею расходы по отправке мужчин в армию. Потеря золотыми монетами своей стоимости доходила до 1/11 части последней. Но это продолжалось недолго. В дальнейшем, в связи с выпуском бумажных денег, ценность золотой лиры стала возрастать, и чем больше увеличивалась эмиссия бумажных денег, тем глубже становилась пропасть между курсом бумажной лиры и золотой.

Первые боны были выпущены в июле 1915 г. По данным С. Мирского, Турция выпустила бумажные деньги еще в сентябре 1914 г. на сумму в 22.5 млн. долларов и в январе 1915 г. на сумму в 9 млн. долларов.¹ Займы на эти суммы действительно были

¹ С. Мирский. К вопросу об определении стоимости войны для Турции. «Новый Восток», № 3, стр. 470.

Турцией получены, но ни в одном источнике мы не встретили подтверждения тому, что на эту сумму тогда же были выпущены бумажные деньги. В самой статье С. Мирского имеется противоречие. Сообщая о выпуске бумажных денег, автор правильно перечисляет 7 выпусков, но он сам не включает в их число те выпуски, которые имели место по его данным в сентябре 1914 г. и в январе 1915 г. Неправильно также его указание на то, что эти семь выпусков имели место до августа 1917 г. Последний выпуск имел место в 1918 г. По данным Ahmed Emin'a выпуск бумажных денег во время войны происходил следующим образом:

Т а б л и ц а 26

№№ выпусков	Сумма выпуска (в лирах)		Дата закона, утвердившего выпуск
I	6 582 094		13 июня 1915 г.
Добавление . . .	750 000	7 333 094	22 ноября 1915 г.
II	6 000 000		31 декабря 1915 г.
1-е добавление . .	1 240 000		16 февраля 1916 г.
2-е добавление . .	900 000	8 140 000	23 июля 1916 г.
III	11 510 000		28 февраля 1916 г.
Добавление . . .	200 000	11 710 000	25 июля 1916 г.
IV	35 981 400		6 августа 1916 г.
1-е добавление . .	18 000 000		4 октября 1917 г.
2-е добавление . .	6 000 000	59 981 400	25 сентября 1918 г.
V	42 500 000	42 500 000	4 февраля 1917 г.
VI	32 000 000	32 000 000	4 октября 1917 г.
VII	24 000 000	24 000 000	25 сентября 1918 г.
Общая сумма всех семи вы- пусков соста- вляла	185 564 494 лиры		

По другим данным, несколько отличным, имели место следующие выпуски бумажных денег (в амер. долларах):¹

¹ Carnegie Endowment for International Peace, 1920; см. также С. Мирский. К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции. «Новый Восток», № 3.

Из года в год правительство все больше прибегало к эмиссии. В 1915 г. эмиссия равнялась 13 333 тыс. лир, в 1916 г. сумма выпущенных бумажных денег вместе с предыдущей возросла уже до 63 164,5 тыс. лир, т. е. на 475%, в 1917 г. — до 155 664,5 тыс. лир., или на 1170%, и в 1918 г. — до 185 664,5 тыс. лир, или на 1400%.

Чем больше возрастала эмиссия, тем сильнее падал курс бумажной лиры. Хотя закон устанавливал, что бумажные деньги имеют хождение наравне с золотыми деньгами, но это не спасало от систематического падения их курса.

Первый выпуск, обеспеченный займом, заключенным на ту же сумму в Германии и Австро-Венгрии, был полностью покрыт золотом, предоставленным Германией и Австро-Венгрией. Но этого золота Турция не видела. «И германское и австрийское золото осталось каждое на своей родине».¹

На сумму предоставленного займа Управление оттоманского публичного долга должно было выпустить бонды в золотом обозначении, которые считались, таким образом, покрытыми золотом и которые должны были быть выкуплены через 6 месяцев после заключения мира. По существу, однако, как это следует из выше сказанного, покрытие было фиктивное, — золото в большей своей части осталось в Германии.

Второй и все последующие выпуски бумажных денег были также покрыты полученными у Германии займами, но покрытие состояло уже не из золота, а из германских казначейских знаков на ту же сумму, которые должны были быть также переданы в Управление оттоманского публичного долга в Берлине и там же храниться, правда, «под пломбой» Управления (как и золото). Второй выпуск должен был уже быть выкупленным через год после заключения мира, как и третий. Выкуп в золоте четвертого выпуска

№№ выпусков	Сумма выпуска
I	29 335 000
II	35 109 000
III	52 650 000
IV	125 000 730
V	144 000 000
VI	144 000 000
VII	108 000 000
Итого . . .	638 094 730

¹ В. И. А., д. № 126—145. Положение в Турции, л. 4.

должен был начаться уже через два года после заключения мира и совершаться в равные сроки в течение пяти лет. Боны этого выпуска имели на оборотной стороне следующую надпись:

«Эквивалент этого выпуска бумажных денег передан Администрации оттоманского публичного долга, и последняя обязуется погасить эти боны золотом таким образом, что весь выпуск бумажных денег будет в равные сроки изъят из оборота в течение пяти лет. Этот срок начинается спустя два года после заключения мира».¹

Выкуп пятого выпуска должен был уже начаться после окончания платежа по четвертому выпуску и должен был быть закончен в течение 4 лет; на тех же условиях должен был быть выкуплен шестой и седьмой выпуски — после окончания платежа по предыдущему выпуску.

Несмотря на грозные распоряжения правительства принимать боны наравне с золотом, несмотря на кары в виде штрафа и тюрьмы за обмен бумажных денег по пониженному курсу, несмотря на закрытие большого числа меняльных лавок, курс бумажных денег систематически и неуклонно падал из месяца в месяц. Никто, конечно, не верил в реальность покрытия и в то, что эти боны будут выкуплены в золоте после войны. Даже военный представитель Австро-Венгрии в Турции Romiankowski прямо говорит, что это фиктивное покрытие. В ноябре 1917 г. министр финансов Турции жаловался на то, что турецкие бумажные деньги обесцениваются, несмотря на то, что за ними стоит «весь кредит Германии» и что они будут после войны обменены на золото. Но население трезво смотрело на вещи и понимало, что речи министра финансов не более, как обман. Как сообщает корреспондент «Kölnische Zeitung», излюбленной шуткой в Константинополе было брать какой-нибудь бумажный денежный знак и говорить: «Это (указывая на лицевую сторону, на которой была напечатана приведенная выше надпись) современная ценность, а это (указывая на гладкую оборотную сторону) будет его ценность после заключения мира».

Турецкий народ имел уже печальные опыты с бумажными деньгами, так называемыми «каймэ», в том числе и с выпущенными во время Крымской войны, выкуп которых был обещан правительством, но которые не были выкуплены. По аналогии население и новые бумажные деньги также называло «каймэ».

¹ Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Обзор за период с 1 мая по 30 сентября 1916 г. Weltw. Archiv, № 9, II. 2, S. 110*.

Еще с большим недоверием, чем в центре, относились к бумажным деньгам в провинции, особенно в деревнях. Анатолийские крестьяне прятали в горшки не только золотые, но серебряные и даже никелевые монеты. Чем строже преследовало правительство за обмен бумажных денег по курсу ниже официального, тем более этот курс падал.

В июле и августе 1915 г. бумажные деньги еще принимались по паритету, с сентября они начали обесцениваться; процесс их обесценения в Константинополе шел следующим образом (стоимость золотой лиры в бумажных пиастрах):¹

Т а б л и ц а 28

М е с я ц ы	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Январь	—	105	187	460
Февраль	—	110	210	490
Март	—	114	262	473
Апрель	—	117	268	422
Май	—	122	258	432
Июнь	—	121	305	462
Июль	—	121	381	460
Август	—	133	411	486
Сентябрь	102	137	447	536
Октябрь	103	154	487	458
Ноябрь	104	178	550	340
Декабрь	105	183	470	438

По сведениям других авторов, понижение курса бумажных денег было еще большим. Так, Herlt сообщает, что в конце ноября за один золотой фунт давали шесть бумажных. По данным, сообщаемым Помянковским, в сентябре 1917 г. 1 зол. лира стоила 5.5 лир бумажных (по Ахмед Эмину — 447 пиастров).

В провинции бумажная лира была еще более обесценена. Курс ее различался в зависимости от места, но нигде не превышал $\frac{3}{4}$ константинопольского курса. В центральных провинциях уже на второй год войны за одну золотую лиру давали 3.5 бумажных лир, на третий год — 4—5 и 6 на четвертый. В глухих местностях, в Сирии и Аравии и в Восточной Анатолии, совсем отказывались принимать бумажные деньги.

¹ Ahmed Emin. Op. cit., p. 146.

Население провинций старалось припрятать золото и сразу обменять бумажные деньги на металлические.

Сами члены Комитета партии «Единение и Прогресс», как сообщает Stuermer, переправили свое золото в Швейцарию. В стране происходила широкая спекуляция валютой. Звонкая монета исчезла с рынка, несмотря на все карательные мероприятия правительства. В качестве меры пресечения спекуляции валютой правительство запретило отправку золота из Константинополя в провинцию, но это давало лишь премию контрабандистам и привело к еще большему обесценению бумажных денег. В целях пресечения спекуляции иностранной валютой и регулирования курса девизов была создана Центральная валютная комиссия, которая начала функционировать с 1 февраля 1917 г. Эта комиссия состояла из двух чиновников министерства финансов, по одному представителю Оттоманского банка, Османского национального банка, Deutsche Bank, Deutsche Orientbank, Wiener Bankverein, Ungarische Bank und Handels Aktion Gesellschaft и Салоникского банка.

Комиссия собиралась ежедневно в 11 ч. утра, рассматривала заявки на покупку валюты и определяла курс. Девизы на Берлин и Вену оборачивались свободно, через валютный центр проходили лишь девизы на Софию, Цюрих, Амстердам и Нью-Йорк.¹

В ноябре 1917 г. в деятельность Валютной комиссии были внесены некоторые изменения. Девизы на Берлин и Вену, обращавшиеся доселе на рынке свободно, впредь могли переводиться лишь с разрешения комиссии, которая устанавливала на них курс. Было затем установлено, что все едущие за границу могут везти с собой не больше 50 лир или 100 марок, крон или лев, или чек на ту же сумму. На вывоз большей суммы требовалось разрешение комиссии. Приезжающие в Турцию из-за границы должны были везти с собой только чеки или кредитные письма, которые должны были быть визированы Управлением девизов в Берлине, Вене или Будапеште.

С января 1918 г. девизы на Берлин вновь были сделаны свободными по курсу 18.90 марок за лиру.²

Роль этого валютного центра была, очевидно, так ничтожна, что большинство источников о нем даже не упоминает.

¹ Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Weltw. Archiv, Bd. II, H. 4, S. 215.

² Herlt. Kriegswirtschaft in der Türkei. Weltw. Archiv, Bd. 13, H. 4.

Одним из весьма серьезных факторов, затруднявших денежное обращение в стране еще до войны, было то, что золотые и серебряные монеты имели до 90 различных стоимостей в зависимости от района и характера сделки. Так, напр., при операциях с опиумом в Смирне 1 меджидие считалось за 20 пиастров, с сахаром — $21\frac{1}{2}$, с фруктами — $23\frac{1}{2}$, с кофе — 25 и т. д.

Наличие множества курсов золотых и серебряных монет, отсутствие стандартизации денежной системы еще более усиливали сложности денежного обращения, существовавшие в стране. Правительство попыталось использовать этот момент, чтобы путем стандартизации денежной системы и принятием в основу ее теоретической (так как реальной не было) золотой единицы укрепить курс бумажных денег.

26 марта /8 апреля 1916 г. был принят закон об унификации денежной системы. По этому закону в основу турецкой валюты было положено золото, а не серебро, как раньше. За единицу был взят пиастр, долженствовавший быть из никеля, 1 пиастр равен 40 пара, 100 пиастров равны одному фунгу (лире). Из никеля чеканились монеты в 20 и 40 пара, 2 и 10 пиастров, из серебра 1, 2, 5, 10, 20 и 25 пиастров, из золота 25, 50, 100, 250 и 500 пиастров. Каждый был обязан принимать не свыше 300 пиастров серебром и 50 пиастров никелем. Таким образом серебряные деньги стали лишь разменными деньгами и перестали считаться основным платежным средством, как было раньше.

Применение различных денежных курсов было категорически запрещено. Точно так же категорически запрещалась спекуляция деньгами и отступление от легального курса.

Закон не содержит никакого упоминания о бумажных деньгах, так как они, как «обеспеченные золотом», рассматривались как золотые.

Издавая закон об унификации денежной системы, правительство, однако, оказалось беспомощным устранить существовавшую разницу в курсах, так что основным платежным средством были ничем не обеспеченные бумажные деньги, систематически падавшие в курсе. Оно не было в состоянии удержать их курс. В целях удовлетворения своей нужды в деньгах оно все более прибегало к печатному станку и к займам у своего «союзника» Германии, вследствие чего во время войны финансовая задолженность Турции сильно возросла и одновременно на много усилилась ее зависимость от германского империализма.

ЗАЙМЫ И ФИНАНСОВОЕ ЗАКАБАЛЕНИЕ ТУРЦИИ ГЕРМАНИЕЙ

Как известно, займы представляли собой важнейшее орудие закабаления Турции иностранным капиталом. Одна треть всего турецкого бюджета обращалась на погашение займов и на уплату процентов, а в некоторые годы еще больше (1911/12 г. — 30.72 %₀, а в 1915/16 г. — 43 %₀).

Накануне вступления Турции в войну долг ее равнялся 170 648 107 лирам или 750 851 671 доллару; из этой суммы надлежит вычесть 17 041 750 лир, падающих на Египет. С начала войны Турция стала получать займы в Германии и отчасти в Австро-Венгрии как для покрытия эмиссии бумажных денег, так и непосредственно на военные нужды.

Военные кредиты получались не только деньгами, но и припасами.

Первый военный заем был получен в сентябре 1914 г. в размере 22.5 млн. долларов, или 5 млн. лир. Очевидно, этот заем имел в виду царский посол в Париже Извольский, когда он 17 (30) сентября 1914 г. в секретной телеграмме сообщал министру иностранных дел:

«Сегодня утром Делькассе получил от Бомпара телеграмму со следующими подробностями: тотчас же по передаче Порте условленных 50 000 000 (очевидно, рублей. — А.Н.) германский посол потребовал от нее немедленного выступления против России.

В состоявшемся совете турецких министров голоса разделились и, чтобы выиграть время, было решено послать в Вену Халиль-бея. Тогда германский посол, по соглашению с преданными Германии министрами, отдал приказание турецкому флоту под начальством германских офицеров открыть против нас военные действия».¹

Младотурки, как видим, должны были дорогой ценой расплачиваться за полученные у Германии займы. Первый заем был получен в золоте, которое, как мы указали выше, осталось в Германии.

Дальнейшие займы, полученные Турцией в Германии и в незначительной части у Австро-Венгрии, были получены не в виде денег, а, как мы уже отмечали, в виде знаков германского казна-

¹ Царская Россия в мировой войне, т. I, стр. 45.

чейства, служивших обеспечением турецкой эмиссии бумажных денег, а также в виде боеприпасов.

Давая Турции одни лишь бумажки (да и те оставались в самой Германии), снабжая ее орудиями истребления во имя ее же интересов, Германия взвалила на плечи турецких трудящихся огромное финансовое бремя, тяжесть которого нам становится ясной из следующих данных.

Как мы уже упоминали, за вычетом части долга, падающей на Египет, турецкий долг накануне войны равнялся 153,6 млн. тур. лир. К концу войны государственный долг равнялся, по данным Ahmed Emin'a, 465 673 358 лир. По данным, приведенным в сб. № 24 Carnegie Endowment for International peace, государственный долг Турции в августе 1918 г., т. е. за месяц до выхода из войны, равнялся 2 200 млн. долларов, что, примерно, соответствует сумме, приведенной нами в лирах. Если вычесть из этой суммы довоенный долг в размере 600 млн. долларов, то государственный долг Турции, образовавшийся во время войны, составит 1 600 млн. долларов. В эту сумму вошли внутренний заем в размере 63 млн. долларов, неуплаченные суммы за реквизиции — 91,14 млн. долларов, неуплаченное жалование государственным чиновникам и непокрытые обязательства по отношению к частным лицам на сумму в 123 млн. долларов и разные внутренние долги в сумме 196 млн. долларов. Исключая все эти суммы, вместе взятые, мы получаем внешний долг Турции, образовавшийся во время мировой войны, равным 1 137 млн. долларов.

Эту колоссальную сумму Турция была должна главным образом Германии; на долю Австро-Венгрии падало лишь 45 млн. долларов. Таким образом, за период войны немецкие империалисты взвалили на Турцию финансовое бремя, почти в два раза превышавшее долг, который имела Турция накануне войны.

Внутренний заем был выпущен в апреле 1918 г. на сумму в 17 977 600 лир из 5 % годовых, с уплатой процентов Управлением оттоманского публичного долга в золоте, которое должна была дать Германия. Весь заем был гарантирован последней.

Кроме того, гарантией займа служила часть доли правительства в доходах Управления оттоманского публичного долга и налог «агнам» в некоторых вилайетах.

Закабалив Турцию займами, Германия прибрала к рукам также и учреждение, которое было основным аппаратом, служив-

шим для закрепления финансового господства империалистов в Турции — Управление оттоманского публичного долга.

Младотурки не осмелились тронуть это руководящее империалистическое учреждение в Турции. Когда среди иностранцев распространились слухи, что собираются его уничтожить, турецкое правительство поспешило успокоить иностранцев и заявить, что это отнюдь не входит в его намерения. Вот что сообщает по этому поводу русский посол в Константинополе Гирс в депеше своей от 6 /19/ октября 1914 г. № 102:

«Месяц тому назад в связи с объявлением об отмене оттоманским правительством капитуляций возник слух об уничтожении также и учреждения Оттоманского долга. Президент Совета последнего посетил тогда же Джавид-бея (министра финансов, — *А.Н.*), чтобы убедиться, насколько распространившиеся слухи отвечали действительности. Министр финансов заверил де-ла-Булиньера, что «в намерение правительства вовсе не входит посягать на учреждение, неоднократно оказавшее столь ценные услуги правительству, и обещал телеграфировать оттоманскому послу во Францию, дабы последний опроверг в печати слухи, неосновательность коих была очевидной».¹

Действительно, младотурки были слишком трусливы, чтобы решиться на такой шаг — мы видели выше, как «последовательно» они боролись за отмену капитуляций.

Но немцы уже в тот период действовали в том направлении, чтобы превратить Управление оттоманского публичного долга в учреждение, обслуживающее интересы Германии; это видно из того же донесения русского посла, который, сделав приведенное выше сообщение о позиции младотурок по этому вопросу, продолжает:

«Между тем вчера мне донесли из весьма доверительного источника, что представитель германских держателей оттоманских ценностей г. Приг, уехавший в Берлин дней 5 — 6 назад, увез с собою, дабы (пропуск) представить его на благовозрение своего правительства, проект о преобразовании Оттоманского долга. Из учреждения иностранной опеки над частью оттоманских финансов таковое намечается в проекте как чисто оттоманское учреждение с оттоманским министром финансов во главе и с иностранными специалистами натурецкой службе в качестве членов совета».²

¹ Царская Россия в мировой войне, т. I, стр. 52.

² Там же.

Не приходится брать в серьез слова Гирса о том, что немцы стремились реорганизовать Управление оттоманского публичного долга в чисто «оттоманское учреждение». Таким оно могло быть лишь по форме. Как оно на деле и произошло, немцы своим проектом попытались прибрать к рукам эту мощную позицию империалистов в Турции.

Почти так же прибрали немцы к рукам и другое крупнейшее империалистическое финансовое учреждение в Турции — Оттоманский банк.

Как сообщала иностранная пресса во время войны (в ноябре 1915 г.): «Решен вопрос о реорганизации Оттоманского банка, изъятии у него права эмиссий и создании нового государственного банка. Но, так как французские и английские администраторы ретировались, Оттоманский банк стал национальным. Его главный директор Хамид-бей. Административный совет создан в составе Джавид-бея — министра финансов, посла Германии в Турции и двух членов совета — представителей Deutsche Bank'a и Wiener Bankverein'a.¹

По составу совета мы видим, каков «национальный» характер реорганизованного Оттоманского банка — три члена его совета из четырех были немцы, в том числе германский посол.

Младотурки основали во время войны Оттоманский национальный кредитный банк с основным капиталом в размере 4 млн. лир, из которых половина должна была быть внесена правительством, а вторая половина должна была быть покрыта подписчиками. Предполагалось, что этому банку будет передано право эмиссии и он сделается государственным после окончания концессии Оттоманского банка. В качестве директора банка был поставлен австро-венгерский банковский специалист.

Президентом административного совета был назначен министр финансов Джавид-бей.

Во время войны возникла также и вторая банковская организация «Эснаф банкасы» — Ремесленный банк с капиталом в сумме 1 млн. лир.

Резюмируя анализ финансового положения Турции во время войны, мы приходим к следующему основному выводу:

война привела к полному расстройству финансовое хозяйство Турции, к огромному увеличению дефицитности бюджета, к бу-

¹ В. И. А., д. № 276—927. Сводки сведений о противнике (от 4 октября до 25 ноября 1915 г.), л. 306—307.

мажно-денежной эмиссии, к расстройству денежного обращения, резкому усилению финансовой зависимости Турции от Германии и захвату последней главнейших финансовых позиций в Турции.

ТУРЦИЯ И ЕЕ «СОЮЗНИКИ» ВО ВРЕМЯ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В июле 1915 г. германский консул в Дамаске, передавая в мечеть Омайядов лампаду, присланную Вильгельмом для гробницы Салах-эд-дина, произнес во время церемонии передачи, на которой присутствовали Джемаль-паша, вали, военные и гражданские власти и австрийский консул, следующую речь: «До тех пор, пока эта лампада будет освещать священную гробницу Салах-эд-дина, его душа будет освещать путь будущности мусульман. Пусть дружба немцев с турками будет всегда так светла, как свет этой лампы».¹

Немецкие империалисты не уставали клясться в «искренней и светлой» дружбе к Турции. Для того чтобы затушевать подлинную кабалу, которую они навязали этой стране, они старались и стараются изобразить отношения Германии и Турции в самых идиллических тонах. Проф. Врук, ездивший в Турцию во время войны с целью создания там хлопковой базы для Германии, писал в своей работе: «Можно заключить, что Германия приняла участие в относительно крупной работе по открытию страны в торгово-хозяйственном, сельскохозяйственном и горностроительном отнр-шениях. С гордостью может, особенно, Дейтче Банк осмотреться на то, что он сделал в течение нескольких десятилетий. Были созданы культурные ценности, которые отсталый, почти забытый народ — анатолийцев — подняли на более высокую ступень и поднимают еще выше».²

Известный востоковед Вескер в изданном в 1932 г. втором томе своих «Islamstudien» стремится отвести от Германии обвинения в том, что она втянула Турцию в войну. Официальные публикации Англии и России, говорит он, рисуют дело, будто Турция вступила в войну под давлением Германии. Автор против этого возражает. «Турция, — утверждает он, — вступила по доброй воле в эту войну, которая является для нее оборонитель-

¹ В. И. А., д. № 413—1913. Обзор иностранной печати, составленный в отделе генерал-квартирмейстера за август и сентябрь 1915 г., л. 156. «Tanin», 28 июля.

² Bruck. Die Türkische Baumwollwirtschaft, S. 9—10.

ной войной в подлинном смысле этого слова».¹ Просто, по его мнению, интересы Турции и Германии совпали. Поверхностному наблюдателю, говорит он в другом месте, могло казаться, что наряду с Россией, Англией и Францией появилось на арене новое государство, стремящееся к концессиям и территориальным приобретениям; но так могло только казаться. Достаточно, говорит он, взгляда на карту, «на несчастное географическое положение Германии», чтобы убедиться в нелепости такой точки зрения. Немецкая колония на турецкой земле против средиземноморских государств и против России была бы мертворожденным ребенком. Германская политика была исключительно экономической. «В этом заключается принципиальная разница между немецкой восточной политикой и всякой иной восточной политикой, за исключением разве Соединенных Штатов».²

О крупнейшей позиции германского империализма в Турции, Багдадской железной дороге, важнейшем орудии закабаления страны и борьбы за передел колоний, Веcker говорит следующее: «враги говорили, что проведением Багдадской ж. д. Германия стремится политически закрепиться в Турции», говорили о Турции, как о «германской провинции, или, по крайней мере, имели в виду германский протекторат над Турцией. И все же это чисто экономическая проблема».

«Германия была далека от желания подавлять экономически отсталую Турцию своим капитализмом». Слова «Берлин—Багдад» символизируют по его мнению «дружественные отношения между Германией и Турцией, они показывают путь, по которому шла Германия,—раскрыть обширные богатства Турции для турок и для всего мира».³

Как видим, немецкий востоковед старается изо всех сил изобразить немецких империалистов как мечтательных идеалистов, думающих только лишь о том, как бы осчастливить турок и весь мир.

Далеко не все оценивали немецкие и турецкие отношения в таких идиллических тонах, как Bruck, Веcker и им подобные.⁴

¹ Becker. Islamstudien, Bd. II, S. 282.

² Becker. Там же, стр. 256.

³ Там же, стр. 275.

⁴ В настоящее время, когда германские фашисты бешено готовятся к войне за передел колоний и вновь устремляют свои взоры на восток, когда делегат Германии на всемирной экономической конференции в Лон-

Например, представитель австро-венгерской армии в Турции во время мировой войны генерал-лейтенант Pomiankowski держался совсем иной точки зрения. Отрубая по-военному, он пишет: «Конечные цели немецкой политики в Турции и на ближнем Востоке вообще были для меня до войны в известном смысле загадкой. Все, что я видел и слышал, указывало на то, что немцы, хотя они естественно остерегались это провозглашать открыто, стремились все же к постепенному вступлению во владение всей турецкой территорией в форме протектората или политического договора и сверх того еще имели разные дальнейшие планы в отношении внутренней Азии, по возможности вплоть до Индии».¹

То, что видел и слышал Pomiankowski, а по роду своей деятельности он видел и слышал многое, не обмануло его представления о конечных целях немецкого империализма в отношении Турции, и во время войны, когда конкуренты последнего были из Турции удалены, немцы старались осуществить свое настоящее желание—превратить Турцию в свою колонию и сделать ее плацдармом для дальнейшей борьбы за передел колоний.

В таком же плане трактовали Турцию, собственно, и ряд немецких же авторов. Так, например, живший в Турции Herlt в своей статье «Будущее место Турции в мировом хозяйстве» трактовал Турцию:

1) С точки зрения того, какое место может занять Турция в едином политическом союзе Германия—Австро-Венгрия—Турция—Болгария. В данном случае он разбирал вопрос о том, какого рода сырье и сколько сможет Турция поставлять Германии;

2) С точки зрения использования роли Турции в качестве руководящей силы среди мусульманских народов и государств.²

Подобного рода высказывания немецких авторов можно было бы в несколько раз умножить.³ Однако, гораздо целесообразнее

доне в 1933 г. выступил с протестом против индустриализации Турции, освещение деятельности немецких империалистов в Турции во время мировой войны особенно своевременное.

¹ J. Pomiankowski. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches, S. 51.

² Herlt. Die zukünftige Stellung der Türkei in der Weltwirtschaft. W. Archiv, 1916, Bd. 7, H. 2, S. 328.

³ См. работы Gugo Grothe «Die Asiatische Türkei und die deutschen Interessen», 1913, и «Türkisch-Asien und seine Wirtschaftswerte», 1916.

будет вместо цитирования этих авторов рассмотреть фактическую деятельность в Турции немецких, а также и австро-венгерских империалистов во время мировой войны. Эта деятельность будет нами освещена, главным образом, по документам, хранящимся в военно-историческом архиве в Москве.

Для полноты картины нам придется несколько выйти за рамки нашей темы и рассмотреть деятельность турецких «союзников» во всех областях политической и экономической жизни страны.

Прежде всего, общеизвестно, что в руках немцев была главная сила — армия. Помимо того, что Фоп-дер-Гольц-паша, Лиман-фон-Сандерс-паша и др. были верховными командующими турецкой армией, во всех сколь-нибудь крупных соединениях командовали либо фактически, либо юридически и фактически вместе немецкие офицеры. В руках немцев находилось и снабжение турецкой армии соответствующим вооружением. Господство немцев в турецкой армии настолько общеизвестно, что нет смысла на этом подробно останавливаться. Мы хотим осветить другую сторону, а именно то глубокое недовольство немцами, которое царило в турецкой армии, как результат этого господства. Это недовольство было особенно сильно среди турецкого офицерства, но также и среди солдат. Оно нарастало из года в год и выливалось в форму невыполнения приказов немецких военачальников, в форму стычек между немецкими и турецкими офицерами и даже в форму убийств турецкими офицерами и солдатами немецких офицеров. Последние не оставались в долгу и пачками расстреливали турецких офицеров и солдат. Подобного рода факты многократно сообщались царской агентурой.

Уже в апреле 1915 г. агентура сообщала, что «в Топханэ произошли беспорядки на почве враждебных германо-турецких отношений». Далее, в мае 1916 г. агентура сообщала, что «среди офицеров турецкой армии все более и более усиливается недовольство германскими офицерами, являющимися фактическими хозяевами армии. В последнее время были случаи отказа со стороны высших начальников в исполнении распоряжений, отдаваемых немцами».¹

Рассматривая турецкую армию как пушечное мясо, немцы ввели в ней жестокую дисциплину. Бунты на этой почве были довольно

¹ В. И. А., № 180—147. Сводки о противнике штаба Одесского военного округа, л. 72.

часты. «Недовольство немцами в войсках всеобщее, дисциплина поддерживается лишь самым суровыми мерами, но все же бывают случаи бунта, как это на-днях было в трех полках V армии, куда для успокоения армии выезжал наследный принц; тогда было при-суждено к смертной казни более 70 офицеров. Такие же беспорядки имели место и среди полков IV корпуса».¹

Как мы уже сказали выше, недовольство приводило к убийствам немецких офицеров и к ответным репрессиям немцев. Из телеграммы агентуры в штаб Одесского военного округа мы узнаем, что «12 марта во время объезда укрепленной позиции был убит командующий Сивасской группой фон-Мютцнер и сопровождавший его полковник Суди-бей. Убийство произведено двумя турецкими офицерами турками по соглашению с тридцатью пятью нижними чинами».²

Об этом же сообщает и военный агент в Греции, который указывает в своем донесении от 9 июня, что «это убийство и раскрыло заговор офицеров II, III и V корпусов. 132 были арестованы, из них 57 были казнены. Будто с 1 мая заговорщики убили 38 немцев-офицеров, из коих 8 — на Кавказе, 4 — в столице». В этом донесении упоминается фамилия фон-Лейнцигера. Эта же фамилия упоминается и в других донесениях. Очевидно, в первом донесении фамилия перепутана. Хотя донесения агентуры, вероятно, страдают преувеличениями, но основной факт — факт глубокого недовольства турецкой армии, и в особенности офицеров, колонизаторским, господским поведением немецких офицеров и наличие эксцессов на этой почве — не подлежит никакому сомнению.

О заговоре сообщает и Лорей. «В августе 1916 г. — пишет он — в Константинополе был открыт заговор, имевший целью свержение правительства и заключение сепаратного мира с Англией. Патриотическое настроение заговорщиков было чисто внешнее: главным стремлением их являлось достижение власти. Турецкое правительство приняло крутые меры, главари были повешены, остальные — надолго лишены свободы. Германский посол обсудил эти события с Сушоном (командиром германо-турецких морских сил, А. Н.) для определения единообразной линии поведения обоих при повторении подобных случаев. Для немцев и для

¹ В. И. А., д. № 175—726. Сведения военного агента в Греции. Сводка от 26 сентября 1915 г., л. 291.

² Там же, д. № 180—147, л. 252. Телеграмма от 29 марта 1916 г.

правлящих министров главным обеспечением являлся турецкий флот, находившийся под германским командованием». ¹

Не меньшими господами чувствовали себя немцы и во внутренней политической жизни страны.

Документы архива Генштаба дают нам на этот счет не мало интересных фактов, показывающих, что немцы основательно положили ноги на турецкий стол. Достаточно сказать, что, по сообщению софийской газеты «Заря», фон-дер-Гольц пропускал через свою цензуру ирадэ султана и фетвы шейх-уль-ислама. Публиковались лишь те, которые получали одобрение фон-дер-Гольца. ²

Не менее характерным фактом, демонстрирующим господствующее положение немцев во внутренней политической жизни, является то, что к вали (губернаторам) были назначены германские инспектора, функции коих заключались в наблюдении за деятельностью вали. ³

Немцы, а также и австрийцы старались подчинить себе турецкую прессу для того, чтобы последняя освещала их деятельность в Турции в желательном для них духе. В качестве орудия давления на прессу и контролирования ее они пытались использовать снабжение газет бумагой, которая импортировалась из Германии и Австрии. Бумага приходила в адрес германского и австрийского посольства и ими непосредственно распределялась турецким газетам.

В целях противодействия указанным мероприятиям немцев и австрийцев была организована «Ассоциация турецкой прессы», которой после некоторой борьбы удалось добиться возможности закупать бумагу в Германии, распределявшуюся ассоциацией среди газет.

О захвате немцами руководящего положения почти во всех отраслях народного хозяйства мы писали при анализе каждой из последних вотдельности. Суммируя эти отдельные замечания, мы получаем следующую картину, рисующую господствующую роль немцев в турецкой экономике во время мировой войны.

¹ Лорей. Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. ГВИЗ, 1934, стр. 231. Подчеркнуто нами. А. Н.

² Там же, №№ 413—193. Обзор иностранной печати, составленный в отделе генерал-квартирмейстера за август и сентябрь 1915 г., д. 36.

³ В. И. А., д. 180 — 147. Сводки о противнике штаба Одесского военного округа. Донесение от 11 августа 1916 г., л. 45.

а) В сельском хозяйстве. В министерстве торговли и земледелия работали немецкие специалисты. Советником министерства земледелия был приглашен тайный советник д-р Nahl. Немецкие специалисты возглавляли работы по улучшению прир-гации Аданской низменности и по борьбе с саранчой. Климатологическое бюро при Географическом институте константинопольского университета возглавлялось немецким профессором Obst. Во главе вновь открытой одногодичной сельскохозяйственной школы был поставлен немец д-р König. Немцами было создано специальное турецко-немецкое земледельческое общество, которое помогло бы использовать Турцию как сырьевую и продовольственную базу. Во главе сельскохозяйственного банка, единственного национального банка Турции, был поставлен прусский тайный финансовый советник д-р Kautz. Немцы организовали в Конийской долине несколько ссудо-кредитных касс, пытаясь через них путем кредита поставить в зависимость от себя турецкое сельское хозяйство. Немецкие советники были деятельными участниками введения трудовой повинности для крестьян. Немцы создали специальное «Закупочное бюро», которое в массовом количестве вывозило из страны продовольствие и сырье, несмотря на то, что турецкое население голодало. Специальными мероприятиями немцы пытались расширить сырьевую, в частности, хлопковую базу, посылая для этой цели особые экспедиции («экспедиция д-ра Bruck'a).

б) В промышленности. Немцы во главе с Дейтче Банк захватили в свои руки Зунгулдакский угольный бассейн. Они же взяли в свои руки добычу меди в Аргане и хрома (фирма Крупп). Разработка леса, производившаяся в целях снабжения ж.-д. транспорта дровами, руководилась немецкими и австрийскими специалистами. Немцы же руководили лесными школами. Австрийцы получили крупные лесные концессии. Вся военная промышленность руководилась немецкими специалистами, причем для работы в ней прибыло в Турцию несколько тысяч немецких рабочих. Несколько сот турецких рабочих были посланы в Германию.

в) В области железнодорожного строительства. Немцы продолжали строительство Багдадской железной дороги для обеспечения переброски войск на Месопотамский фронт. После лишения французов права на концессию на строительство ж. д. Самсун—Сивас, Анкара—Сивас—Эрзерум, Эрзерум—Ризе и др. и перехода строительства этих дорог в ведение прави-

тельства, было решено привлечь к этому делу немецкие капиталы и технические силы. Другими словами, фактическими строителями этих дорог должны были бы быть немцы. В той мере, в какой велось строительство линии Анкара—Сивас, оно возглавлялось немцами. Австрийцы пытались получить разрешение на постройку дороги от Зунгулдакского угольного бассейна внутри страны, но этому помешало противодействие немцев. После принятия в свое ведение турецким правительством, несомненно, под давлением немцев, англофранцузских ж. д. и портов, немцы остались единственным иностранным владельцем огромной сети железных дорог и ряда портов в Турции.

г) В области торговли: всю внешнюю торговлю Турции, поскольку она имела место, главным образом с Германией и Австро-Венгрией, фактически контролировали эти государства, в особенности первое.

Во внутренней торговле колоссальную роль играли немецкие закупочные комиссии, закупавшие сырье и продовольствие, лимитировавшие цены, на каковой почве между ними и турецкими купцами возникали крупные трения;

д) В области снабжения немцы были вдохновителями карточной системы в Турции и фактически ею руководили;

е) Особенно крупные позиции захватили немцы в Турции во время войны в области финансов. Гарантируя своими казначейскими знаками эмиссию турецких бумажных денег, выдавая Турции кредиты военными материалами и снаряжением, немцы наложили на эту страну колоссальное долговое бремя.

Внешний долг Турции, равнявшийся накануне войны 600 млн. долларов, возрос во время войны на 1137 млн. долларов — почти исключительно в пользу Германии. Небольшая сумма падала на долю Австро-Венгрии.

Крупнейшая позиция империализма в Турции и важнейшее его орудие в деле закабаления страны — Управление оттоманского публичного долга — перешло к немцам. Немцы прибрали к рукам и другую, не менее важную позицию иностранного капитала — Оттоманский банк.

Основанный турками Оттоманский национальный кредитный банк, которому предполагалось придать функции государственного банка после окончания срока концессии Оттоманского банка (в 1925 г.), был возглавлен австро-венгерским банковским специалистом Виктором Вайлем в качестве его главного директора.

Все вышесказанное о роли немецких империалистов в Турции, показывает нам, что последние заняли во время войны командующее положение в важнейших отраслях турецкого народного хозяйства.

БОРЬБА МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ ЗА ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОЗИЦИИ В ТУРЦИИ

Хотя немцы и австрийцы совместно грабили Турцию, но отношения между ними были далеки от нормальных и часто портились. Всякая попытка австрийцев захватить в свои руки ту или иную сырьевую позицию в Турции наталкивалась на противодействия немцев. С другой стороны, австрийцы не могли равнодушно реагировать на столь резко выраженный «эгоизм» Германии, не позволявший им, как выражается Romiankowski, «занять скромное место под солнцем», и сетовали на несправедливость немцев. Об этом последний повествует следующее: «Несмотря на прочные, тесные союзные отношения, те же самые Австро-Венгрия и Германия вели на хозяйственном поприще в Турции оживленную конкурентную борьбу. Монархия, хотя и была далека от того, чтобы не признать или не ощущать перевешивающую силу немецкого господства в Турции также и в экономическом отношении, требовала, однако, для себя скромного места под солнцем и во всяком случае возможности свободной хозяйственной деятельности. Это безусловно справедливое желание большинство немцев совершенно не поняло и рассматривало австро-венгерские стремления как противозаконные посягательства на их исключительную сферу интересов. На этой почве возникали естественно известное соперничество, трения и конфликты, которые, однако, разрешались полюбовно и не помрачали взаимные хорошие отношения».¹

Австро-Венгрия не смогла заполучить в Турции во время войны крупные экономические позиции, хотя попыток для этого было сделано несколько.

В 1916 г. Австро-Венгрия попыталась реализовать свою идею об оплате поставок вооружения и амуниции турецкой медной и свинцовой рудой из копей Аргана Маадэни и Булгар Маадэни. Для этой цели был создан специальный консорциум из австрий-

¹ Romiankowski. Op. cit., S. 51.

ских и венгерских банков, который хотел предоставить турецкому правительству заем в размере 60 млн. крон (2 млн. зол. лир). Правительства Австрии и Венгрии в совместном заседании министерств постановили гарантировать договор. Для ведения переговоров в Вену и Будапешт выехал министр финансов Турции Джавид-бей. Для изучения залежей консорциум послал горно-геологическую экспедицию под руководством профессора Шеффера. Кроме того, австрийское Bodenkreditanstalt послало вторую геологическую экспедицию в западную Анатолию в район Муданийского залива.

Эта попытка, однако, не дала результатов ввиду сопротивления немцев. Последние сами не прочь были заполучить эти рудники в свои руки, что и выполнили.

В том же 1916 г. австрийцы попытались заполучить в свои руки нефтяные месторождения в районе между Мосулом и персидской границей. По договоренности Помянковского с Энвер-пашой было решено послать экспедицию в составе инженера-нефтяника Юлиуса Бельского и геолога-нефтяника Гржибовского. Текущей задачей экспедиции было добиться продукции для нужд 6-й армии. В дальнейшем Бельский должен был представить проект расширенной добычи нефти после войны. Из этого дела тоже ничего не получилось.

Вся хозяйственная деятельность Австро-Венгрии концентрировалась в особом аппарате при ее военном уполномоченном в Турции (каковым был Помянковский), который состоял из трех групп:

Первая группа занималась закупкой сырья. Эта группа входила в состав Германского Закупочного бюро, так как закупками на территории Турции руководили немцы.

Во вторую группу входили специалисты, хозяйственники и техники (по электротехнике, горным разработкам, добыче угля, ирригации и сельскохозяйственным работам), которые были предоставлены военным министерством Австро-Венгрии генерал-интенданту Исмаил-Хаккы-паше.

В третью группу входили специалисты и уполномоченные разных хозяйственных и промышленных предприятий (по постройке водных установок, электроустановок, канатных дорог и др.), которые были приглашены для работы во вновь образованном турецком Национальном кредитном банке, генеральным директором которого был поставлен, как мы указали выше,

австриец Виктор Вайль. Специалисты были предоставлены частью военным министерством, частью соответствующими промышленными организациями.

Таким образом, военнуполномоченный Австро-Венгрии в Турции был одновременно и главным уполномоченным ее хозяйственных и промышленных организаций.

В конце 1917 г. крупнейшая австрийская лесная фирма «Вагон Gröde» получила предварительную концессию на разработку лесов в вилайете Кастамуни. В том же году австрийцы исследовали возможность сделать судоходной самую крупную реку Турции Кызыл-Ирмак, которая впадает в Черное море и впадает далеко вглубь Анатолии. Превращением этой реки в судоходную преследовалась цель создать прямой водный путь из Австро-Венгрии по Дунаю через Черное море в глубь Турции и обратно, что дало бы австрийцам большие транспортные преимущества в отношении внешней торговли с Турцией сравнительно с другими государствами.

Для изучения возможностей реализации этой идеи и составления строительного проекта была послана военным министерством Австро-Венгрии специальная экспедиция во главе с представителем дирекции по постройке водных сооружений Oberbaugrat Вогно'ом в составе нескольких инженеров-специалистов. Эта экспедиция поехала в начале весны в район реки Кызыл-Ирмака и вернулась поздно осенью обратно в Константинополь для разработки планов. По словам Помянковского, результаты изысканий экспедиции не были особо утешительными, так как она нашла, что падение воды в реке очень сильное, вследствие чего плавание возможно лишь на небольших судах и только в нижнем течении.

Таким образом, из этой попытки заполучить в свои руки важную транспортную артерию также ничего не вышло.

Не нашла реализации и другая серьезная попытка австрийцев построить уже сухопутный железнодорожный путь из Зунгулдакского угольного бассейна внутри страны (до ст. Ада-Базар на Анатолийской железной дороге, недалеко от Константинополя). На первых порах автор этого проекта, Romiankowski, имел в виду построить полевую дорогу, которая дала бы возможность доставлять уголь, в первую очередь, железным дорогам и освободить их от необходимости производить заготовку дров. Энвер-паша и Исмаил-Хаккы-паша дали свое согласие на постройку

этой дороги, согласилось также и военное министерство Австро-Венгрии. Из Вены в Константинополь выехали офицеры-специалисты, и в начале октября начались изыскания, которые показали техническую возможность реализации проекта и рентабельность дороги. В последнем сомневаться не приходится, если учесть, во-первых, что дорога на значительном расстоянии проходила бы по богатой долине реки Сакарии, во-вторых, что она была бы единственной угольной артерией в глубь страны и, в-третьих, что она оттянула бы значительную часть грузов, которые имеют своим назначением порты Черного моря. Несомненно, что от этого пострадала бы и немецкая Анатолийская железная дорога и голова этой дороги — порт Хайдар-паша, также принадлежавший немцам.

Немцы не дали австрийцам осуществить свой проект и, когда он попал в руки генералу Лосову, последний наложил на него свое вето.

Немцы, как видим, никак не давали австрийцам развернуть свою деятельность, и военному уполномоченному монархии Габсбургов пришлось компенсировать себя более приемлемой для их «несправедливого союзника» деятельностью — рекламированием продукции венских дамских конфекционеров, для чего в лучшей гостинице Константинополя Пера-Палас была открыта выставка мод. Кроме того, во всех крупных городах Турции были открыты бюро по рекламированию продукции австро-венгерской промышленности и искусства.

Как видим, все крупные экономические мероприятия Австро-Венгрии не получили реализации в силу противодействия немцев, и ей поэтому приходилось отказываться от своих проектов. Ощущая «перевешивающую силу немецкого государства», а потому и признавая ее, австрийцы после зычного окрика немецких солдафонов «запрещаю» отказывались, очевидно, от своих проектов «добровольно», и в этом, надо полагать, заключалось то «полюбовное разрешение конфликтов», о котором упоминает Pomiankowski.

БОРЬБА ТУРОК С НЕМЕЦКИМ ЗАСИЛЬЕМ

Хозяевами в стране во время войны были главным образом немецкие империалисты, и на них концентрировалась ненависть турецкого населения.

Их господство, вывоз из страны сырья и продовольствия вызывали не только гнев масс, озлобление офицеров и солдат, но и недовольство среди слоев турецкого купечества.

Как мы уже показали в главе о торговле, турецкие купцы повели борьбу с немецкой закупочной комиссией. Турецкое правительство вынуждено было создать экспортную комиссию для борьбы с вывозом сырья и продовольствия. Возможность широкого обогащения узкого круга лиц во время войны родила среди турецкой буржуазии формулу — «Турция для турок», которая метила не только в инонационалов, но и в немцев.

Царский агент в Болгарии Гаджемукров сообщал в своем донесении уже в мае 1915 г.

«Антагонизм между немцами и турками все более и более чувствуется. Убийство солдатами нескольких немецких офицеров, одного генерала и убийство чаушом Хасаном фон-Лейнцигера и, наконец, все недоразумения на почве неполучения жалованья — все это создает картину далеко не из красивых. По городу иногда расклеиваются прокламации с проклятиями по адресу германцев. По самым последним сведениям, из Дарданелл были привезены на-днях захваченные два паши и двадцать офицеров».¹

Действительно, по Турции распространялись прокламации, направленные против младотурок и немцев. Судя по той прокламации, текст которой приводится в одном из донесений агентуры, многие из них сочинялись и распространялись агентами стран Антанты.²

В этой прокламации рассказывается о тех колоссальных бедствиях, которые приносят стране Энвер, Талаат и Джемаль-паша и немцы, и в то же время сообщается, как свободно живут мусульмане в Китае, Индостане, Кавказе, Казани, Персии и других странах. Она кончается призывом во имя спасения родины, себя и детей — убить и уничтожить немцев, Энвера и проч.

Играя на ненависти турецкого населения к немцам, антантовская агентура пыталась подобного рода прокламациями разложить тыл своего противника.

¹ В. И. А., д. № 171—733. Сведения военного агента в Болгарии о передвижениях турецких войск, подлинники донесений агента-резидента в Константинополе о внутреннем положении Турции, о настроении общественного мнения, о турецкой армии. Донесение от 27 мая 1915 г., л. 27.

² Текст имеется в деле № 176—002. Донесения наших военных агентов во Франции, Англии, Японии и др. о Турции и турецкой армии. Донесение от 25 VI 1915 г., л. 61.

Вопрос об отношении к немцам был одной из главных причин трений как внутри самого турецкого правительства, так и между отдельными политическими группировками, существовавшими среди господствующих кругов страны. Чем больше усиливался гнет немецких империалистов в стране, тем больше росла ненависть масс и к немцам и к их внутренним прислужникам — младотуркам, и немцы должны были охранять не только себя, но и турецкое правительство. Германская полиция охраняла дворец султана, правительства, военное министерство и ряд казенных зданий.¹

Итак, во время мировой войны немцы были хозяевами в Турции. Они командовали в армии, во внутренней политической жизни и в экономике страны. Но их планы закабаления Турции не ограничивались военным временем. Именно в результате той кабалы, которую навязала Германия Турции во время войны при деятельном содействии младотурецкого правительства, положение Турции после войны, в случае победы Германии, оказалось бы не лучше того, которое пытались навязать ей страны Антанты, в первую очередь Англия, Севрским договором. Каков бы ни был исход войны, для Турции он означал порабощение той или иной империалистической группировкой. Лишь в борьбе с империализмом и одновременно с его внутренней агентурой турецкий народ мог найти национальное освобождение.

Турецкая буржуазия, возглавлявшая революцию и вооруженную борьбу с империалистами в период 1919—1922 гг., легко могла повернуть борьбу крестьянства против империализма, так как последнее не только помнило гнет империалистических стран до войны, но на его теле слишком живы были те раны, которые нанесли ему германские империалисты во время войны. Понятно, что турецкий крестьянин, которого хлестал во время войны стэк немецкого офицера, который погибал сотнями тысяч во имя интересов германского империализма и у которого немцы вместе с младотурками реквизировали все, что можно было взять, не имел оснований делать разницы между немецкими империалистами и империалистами английскими, французскими и т. д.

Тяжелый гнет, который наложили на Турцию ее «союзники», в особенности Германия, способствовал усилению ненависти

¹ В. И. А., д. № 171—662. Обзор иностранной печати штаба Одесского военного округа. Газета «Эфнос» от 27 марта 1916 г., л. 18.

турецкого народа не только к германским империалистам, но и к империалистам вообще.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Суммируя выводы, к которым мы пришли в результате анализа экономики Турции во время мировой войны, мы получаем следующую общую картину тех изменений, которые произошли в турецком народном хозяйстве во время мировой войны, и картину положения классов накануне кемалистской революции.

1. Турецкому сельскому хозяйству был нанесен огромный удар, вся тяжесть которого главным образом легла на плечи широких масс турецкого крестьянства. В то же время окрепла и выросла эксплуататорская верхушка деревни — кулацко-ростовщические элементы ее, а также крупные землевладельцы. Турецкого крестьянина разоряли война, младотурецкое правительство, немецко-австро-венгерские империалисты; кулаки и помещики при помощи младотурецкого правительства обогащались во время войны за счет усиления эксплуатации крестьянства и спекуляции на продовольственной нужде, а также на поставках армии.

Классовая дифференциация в турецкой деревне во время войны значительно усилилась. Зависимость турецкого крестьянина от полуфеодала-помещика, кулака и ростовщика во время войны возросла.

При всем этом турецкое крестьянство несомненно политически выросло во время войны. Его ненависть и к своим внутренним, собственным эксплуататорам и к империалистам, которых оно во время войны сильно ощущало в лице немецких и австро-венгерских империалистов, в большой степени возросла. Помещики, кулаки, ростовщики имели все основания бояться своего крестьянства. В то же время они боялись возврата Турции к довоенному состоянию, ибо это грозило потерей позиций, захваченных ими во время войны.

2. Турецкая промышленность в той своей части, которая была связана с иностранным рынком и зависела от него, была разорена войной. Эти отрасли к тому же принадлежали большей частью не турецким элементам. Наоборот, та часть турецкой промышленности, которая была связана с обслуживанием нужд армии и внутреннего рынка, обнаружила известное развитие. Вместе с ее ростом выросло и турецкое ядро промышленников при пол-

ном содействии младотурецкого правительства, способствовавшего уничтожению экономических позиций инонационалов.

3. Используя военную обстановку, выросла верхушечная турецкая буржуазия. Той части торговой буржуазии, которая обслуживала экспортно-импортные операции, — компрадорской буржуазии, состоявшей в большей своей части из греков, армян и евреев, война нанесла сильный удар вследствие резкого падения внешней торговли Турции. Разорение последних было усилено уничтожением их экономических позиций, чем систематически занималось младотурецкое правительство, проводившее пантюркистскую политику.

Выросшая во время войны турецкая торговая буржуазия должна была бы после поражения Турции в мировой войне потерять все свои завоеванные позиции в случае реализации империалистами Антанты своей победы.

4. Турецкий рабочий класс во время войны несомненно вырос количественно, в частности за счет рабочих квалифицированных профессий (металлисты и т. п.), и вырос политически. В то же время его экономическое и политическое положение в силу большого падения реальной заработной платы, отсутствия продовольствия и установления военного политического режима резко ухудшилось. Точно так же значительно ухудшилось экономическое и политическое положение других слоев трудящихся города — ремесленников, служащих, мелких чиновников, интеллигенции, при известном росте применения турецких служащих за счет вытеснения греков и армян. Классовая дифференциация в городе усилилась. Недовольство городских трудящихся масс своим положением, правительством и немцами было огромно и выразилось в ряде выступлений.

5. Во время войны Турция почти полностью превратилась в колонию Германии, которая держала в своих руках турецкую армию, турецкое правительство, захватила в свои руки ряд важнейших командных высот в турецкой экономике за счет вытеснения империалистов враждующих с ней стран, которая вывозила из Турции сырье и продовольствие, нужные самой стране, и взвалила на Турцию огромное финансовое бремя, на много превысившее долги довоенного времени. Господствующее положение и колонизаторское поведение немцев в Турции во время войны вызвали огромную волну ненависти к ним турецкого офицерства, всей армии, всего трудящегося населения. Закабаление Турции

немецким империализмом во время войны усилило ненависть широких масс к империализму вообще.

6. Таким образом, изменения, происшедшие в экономике страны во время мировой войны, по-разному отразились на положении отдельных классов и классовых группировках Турции. Положение трудового населения города и деревни резко ухудшилось, а эксплуататорских слоев улучшилось. Пропась между эксплуатируемыми и эксплуататорами стала глубже. Но был один момент, который объединял большинство турецкого народа, — ненависть к империализму, которая резко усилилась во время войны в результате деятельности немецких империалистов, и к его внутренней агентуре в лице феодально-клерикальных и компрадорских слоев, сознание необходимости борьбы с ними и желание этой борьбы. Разные причины были источником этой ненависти и желания борьбы у разных классов. Эксплуатируемые классы, в частности крестьянство, искали в этой борьбе освобождения от гнета и разорения, в которых они пребывали, буржуазия защищала свои позиции, завоеванные во время мировой войны, и боролась за возможность их расширения в будущем; эта общая ненависть к империализму и его внутренней агентуре и потребность борьбы с ними были у большинства турецкого народа. Однако, разрозненность и неорганизованность трудящихся масс Турции, отсутствие боеспособной партии, позволили турецкой буржуазии стать во главе национально-освободительного движения, направить ярость масс против империализма и его внутренних союзников, повести против него революционную борьбу и при дружеской поддержке Страны Советов добиться победы национально-освободительного движения.

ПЕРЕЧЕНЬ ЛИТЕРАТУРЫ, ИСПОЛЬЗОВАННОЙ АВТОРОМ

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, В ТОМ ЧИСЛЕ ТУРЕЦКАЯ

1. Ahmed Emin. Turkey in the world war. Published for the Carnegie Endowment for International Peace. 1930.
2. Becker C. Islamstudien. 1932. Bd 2.
3. Begründung zum Entwurf des neuen türkischen Zolltarifgesetzes. Arch für Wirtschaftsforschung im Orient. 1916, H. 2, S. 308—313.
4. Bruck W. F., dr. Türkische Baumwollwirtschaft. 1919.

5. Carnegie Endowment for International Peace, vol. 24 (в части, касающейся Турции).
6. L'Exportateur Français. 10/I 1929 г.
7. Faik Sabri. Türkiye coğrafiasti. Istantbul, 1929.
8. Frech, Hänig und Sack. Die Grundlagen türkischer Wirtschaftsverjüngung. Berlin, 1916.
 Frech. Mineralschätze und Bergbau in der Asiatischen Türkei.
 Hänig. Statistische Tabelle über Bergwirtschaft in der Türkei.
 Sack. Ackerbau und Viehzucht in der Türkei.
9. Grothe Hugo. Die Asiatische Türkei und die deutschen Interessen. Halle, 1913.
10. — Türkisch-Asien und seine Wirtschaftswerte. Frankfurt am Main, 1916.
11. Hecker. Die Eisenbahnen der Asiatischen Türkei. Archiv für Eisenbahnwesen, 6, 1914.
12. Hellauer J. (редактор). Das Türkische Reich. 1918.
 Reingart Junge. Über Wirtschaftsgrundlagen und Wirtschaftspolitik der Türkei, S. 1—25.
 Carl Anton Schaeffer. Geldwesen und Staatsbankfrage in der Türkei, S. 25—46.
 Kurt Zander. Das Eisenbahnwesen der Türkei, S. 48—82.
 Felix Meyer. Schifffahrt, Güterumschlag und Lagerung in der Türkei, S. 116—152.
 Marzburg, Prof. Die Landwirtschaft der Türkei. S. 152—191.
 Reinhart Junge. Industriewirtschaft in der Türkei, S. 220—240.
13. Hellferich Karl. Die deutsche Türkenpolitik. Berlin, 1921.
14. Herlt Gustav. Englische Monopole in der Türkei. Archiv für Wirtschaftsforschung im Orient, S. 305—308.
15. — Die Türkei in der Weltwirtschaft. Weltwirtschaftliches Archiv, 1914, Bd. IV, I, S. 81—105.
16. — Kriegswirtschaft in der Türkei. Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. 8, H. 2, 9, H. 2, 11, H. 4, 13, H. 4.
 — Die zukünftige Stellung der Türkei in der Weltwirtschaft. Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. 7, H. 2.
17. — Die türkische Landwirtschaft und die deutsche Industrie. Archiv für Wirtschaftsforschung im Orient, 1916, H. 3—4, S. 504—509.
18. Hoffman Friedrich. Die Getreideproduktion der Türkei. Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. 12, H. 2, S. 157—172.
19. Honig. Der Handel Konstantinopels. Weltwirtschaftliches Archiv. Bd. II, H. 1.
20. — Über Industrie und Handwerk in Konstantinopel. Archiv für Wirtschaftsforschung im Orient, 1916, H. 3—4, S. 421—449.
21. — Schifffahrt und Schifffahrtspolitik der Türkei. Weltwirtschaftliches Archiv, Bd. 7, H. 1.
22. Istatistik Jilling, Cilt 5, 1931/32.
23. Künke Max. Die Kapitulationen der Türkei, deren Aufhebung und die neuen deutsch-türkischen Rechtsverträge. München, 1918.
24. Législation Turque. Editeur Rizzo, Constantinople, Suppléments. (Закон о налоге на военные прибыли).

25. Mears E. G. Modern Turkey. 1924.
26. Mittwoch. Die wissenschaftliche Bedeutung der Sprachenfrage in der Türkei. Archiv f. Wirtschaftsforschung im Orient, 1910, H. 3—4, S. 317—344.
27. Pomiankowski Joseph. Der Zusammenbruch des Ottomanischen Reiches. Wien, 1928.
28. 1329 ve 1331 seneleri Sanayi istatistiki. Istambul, 1917.
29. Schaeffer C. Neutürkische Zollpolitik. Archiv f. Wirtschaftsforschung im Orient, 1916, 2, S. 141—198.
30. Şevketi Sureyya. Cihan iktisadiyatında Türkiye. Ankara, 1932.
31. Die Stelle der Handelsgesellschaft in der Türkei. W. A., Bd. 8.
32. Stuermer Harry, dr. Two war years in Constantinople.
33. Die Türkische Republik in Wirtschaft und Aufbau. Frankfurt am Main, 1923 (Сборник).
 Aini Zade Hassan Tahsin. Der Zolltarif.
 Madschid Ali. Baumwollbau in der Türkei.
 Fasil Ibrahim. Finanzwirtschaft.
 Mehmed Wehbi. — Die Stellung der Handels- und Industriegesellschaften in der Türkei.
 Niazi Asim. Das Münzsystem in der Türkei.
 Tekin Alp. Türkischer Tabak.
 Nourullah Essad. Gewerbe und Industrie.
 Nadschid Ali. Seidenraupenzucht.
34. Türkiye Salnamesi. 1926. Teşviki Sanayi Kanunu.
35. Ziemke Kurt. Die neue Türkei, 1. Buch.

ЛИТЕРАТУРА НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

36. Борьян В. А. Армения, международная дипломатия и СССР, т. I.
37. Бутаев Инал: Проблемы Турции. Прибой, 1925.
38. Война с Турцией. Дипломатическая переписка Англии, предшествовавшая войне с Турцией. 1925.
39. Джемаль Паша. Записки (1913—1919).
40. Зурабов. Германский империализм в Турции. Летопись, 1917, 5—6.
41. Ладыженский В. М. Отмена капитуляций в Турции. 1914.
42. Г. Лорей. Операции германо-турецких морских сил в 1914—1918 гг. М. ГВИЗ, 1934.
43. Международные отношения в эпоху империализма, т. I и II.
44. Мирский С. К. К вопросу об определении стоимости мировой войны для Турции. «Новый Восток», 1923, № 3, стр. 42—424.
45. Навширванов Зинатулла. Социалистическое движение в Турции. «Новый Восток», № 2, 620—830.
46. Новичев. А. К вопросу об экономическом кризисе в Турции. «Революционный Восток», № 9—10.
47. Раздел Азиатской Турции по секретным документам 6. Министерства Иностр. Дел, Изд. Литиздата НКВД, 1924.
48. Руппин Артур. Современная Сирия и Палестина. Пер. с нем. 1919.

49. [§]Сборник дипломатических документов. Переговоры от 19/VII до 19/X 1914 г., предшествовавшие войне с Турцией. Пг., 1914.
50. Таможенный тариф и таможенное законодательство Турции. Константинополь. Изд. Торгпредства СССР, 1925. |
51. Царская Россия в мировой войне, т. I.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ДЕЛА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА ЦАРСКОЙ АРМИИ, ХРАНЯЩИЕСЯ В ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКОМ АРХИВЕ в МОСКВЕ

1. № 175—485. Сводки сведений, издаваемых штабом Кавказской армии, 1916/1917 г.
2. № 175—177. Сводка сведений штабов Кавказской и 7-й армий о турецких войсках.
3. № 175—643. Сведения, касающиеся экономического положения Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии.
4. № 175—725. Сведения военного агента в Греции.
5. № 176—002. Донесения наших военных агентов во Франции, Англии, Японии, Италии, Румынии, Швейцарии и др. о Турции и турецкой армии за период июнь-октябрь 1917 г.
6. № 171—379. Донесения военных агентов в Румынии, Швейцарии и др. с разведывательными данными о турецкой армии, предположениях турок, дислокации и перебросках турецких войск.
7. № 126—145. Положение в Турции (по данным из-за границы, к 1 ноября 1917 г.).
8. № 172—812. Вырезки из иностранных газет о Турции и турецкой армии.
9. № 180—147. Сводка о противнике штаба Одесского военного округа (с 27 февраля по 31 августа 1915).
10. № 171—662. Обзор иностранной печати, составленный штабом Одесского военного округа.
11. № 173—429. Папка с вырезками иностранной корреспонденции по Ближнему и Среднему Востоку за 1918 г.
12. № 276—927. Сводка сведений о противнике.
13. № 413—913. Обзор иностранной печати, составленный в отделе генерал-квартирмейстера за август и сентябрь 1915 г.
14. № 191—733. Сведения военного агента в Болгарии о передвижении турецких войск, подлинники донесений агента-резидента в Константинополе о внутреннем положении Турции, о настроении общественного мнения в турецкой армии.

Цена 3 руб.

Р 988 2^а эк.

465/10

ПРИЕМ ЗАКАЗОВ И ПОДПИСКИ

на все издания Академии Наук СССР производится: 1) Сектором распространения Издательства Академии Наук. Ленинград 58, В. О., Менделеевская линия 1, тел. 5-92-62, 2) Московским отделением Издательства. Москва, ул. Горького, 20/2.